



ФИНАНСЫ и РАЗВИТИЕ

Сентябрь 2014 года \$8,00

70-летие МВФ + 50-летие Ф&Р

Тревоги пяти нобелевских лауреатов

25 экономистов — в центре внимания

ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ

Будущее глобальной экономики



ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Джеффри Хейден

РУКОВОДЯЩИЙ РЕДАКТОР

Марина Приморац

СТАРШИЕ РЕДАКТОРЫ

Халед Абдель-Кадер	Ен Сун Кан
Йита Бхат	Натали Рамирес-Джумена
Гленн Готтселиг	Джеймс Роу
Жаклин Делорье	Саймон Уилсон

МЛАДШИЙ РЕДАКТОР

Морин Берк

СПЕЦИАЛИСТ ПО ПОДГОТОВКЕ

ПЕЧАТНОЙ И ВЕБ-ВЕРСИИ

Лиджун Ли

МЕНЕДЖЕР ПО СОЦИАЛЬНЫМ МЕДИА

Сара Хаддад

ПОМОЩНИК РЕДАКТОРА

Жимин Ю

РУКОВОДИТЕЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Луиса Менхивар

ХУДОЖНИКИ-ОФОРМИТЕЛИ

Мишель Мартин Катрин Чо

СОВЕТНИКИ РЕДАКТОРА

Бернардин Аkitоби	Жан Мария Милези Феретти
Бас Баккер	Инджи Откер-Ройб
Хельге Бергер	Лора Папи
Джеймс Гордон	Ума Рамакришнан
Тим Каллен	Абдельхак Сенхаджи
Пол Кашин	Джанет Стотски
Стийн Классенс	Алисон Стоарт
Лора Кодрес	Наталия Тамирица
Луис Куббеду	Доменико Фаницца
Альфредо Куэвас	Томас Хелблинг
Паоло Мауро	Эдриан Чисти
Пол Милс	

ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

подготовлено Службой переводов МВФ

РЕДАКТОР

Александра Акчурина

© 2014 Международный Валютный Фонд.
Все права защищены. Для получения
разрешения на перепечатку статей *Ф&Р*
заполните форму онлайн (www.imf.org/external/terms.htm) или обратитесь
по электронной почте в copyright@imf.org.
Разрешение на перепечатку статей
в коммерческих целях можно также
получить за номинальную плату в **Copyright
Clearance Center** (www.copyright.com).

Мнения, выраженные в статьях и других
материалах, принадлежат авторам и не
обязательно отражают политику МВФ.

**Услуги подписчикам, изменение
адреса и заявки на рекламу:**

IMF Publication Services
Finance & Development
P.O. Box 92780
Washington, DC, 20090, USA
Телефон: (202) 623-7430
Факс: (202) 623-7201
Эл. почта: publications@imf.org

Postmaster: send changes of address to
Finance & Development, International Monetary
Fund, PO Box 92780,
Washington, DC, 20090, USA. Periodicals
postage is paid at Washington, DC, and at
additional mailing offices.
The English edition is printed at Dartmouth
Printing Company, Hanover, NH.

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ

БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

6 Мир изменений

Подведение итогов последних пятидесяти лет
М. Айхан Кёсе и Эзги О. Озтюрк

12 Магический кристалл

Оценка тенденций и факторов неопределенности,
которая может помочь подготовиться к решению будущих
экономических проблем
Калпана Кочхар, Ян Сун, Эвридики Тсунта и Никлас Вестелиус

14 Грядущие проблемы

Пять лауреатов Нобелевской премии обсуждают то, что каждый
из них считает наиболее серьезной проблемой, стоящей перед мировой
экономикой будущего
*Джордж А. Акерлоф, Пол Кругман, Роберт Солоу, Майкл Спенс,
Джозеф Е. Стиглиц*

20 Поколение NEXT

25 экономистов в возрасте до 45 лет, которые определяют наши взгляды
на мировую экономику
Кармен Роллинс

22 Определяя будущее глобализации

При правильном подходе она может привести
к небывалому миру и процветанию, при
неправильном — к катастрофе
Мартин Вулф

**26 Откровенный разговор. Целеустремленность,
гибкость, служение**

МВФ, основанный 70 лет назад, будет оставаться верен
своему мандату, откликаясь на новые вызовы, которые
непосредственно затрагивают мировую экономику
Кристиан Лагард

28 Где подстерегает опасность

Недавний финансовый кризис научил нас обращать внимание
на темные закоулки, где экономика может давать серьезные сбои
Оливье Бланицар

32 Новые силы

Целый ряд новых источников энергии коренным образом
меняет современное экономическое устройство, порождая
победителей и проигравших по всему миру
Джеффри Болл

35 Показатель для измерения

Неравенство, возможно, является актуальной темой,
но определить его — трудная задача
Джонатан Д. Остри и Эндрью Дж. Берг

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

39 Преодоление кризиса

Глобальное сотрудничество и Международный
Валютный Фонд
Текст Джо Прокопио, рисунки Ника Галифанакиса

46 Пятьдесят лет *Ф&Р*

Времена меняются, и за последние полстолетия изменилась
и направленность *Ф&Р*; по крайней мере так это отражают
слова, которые чаще всего встречаются в журнале



6



22



32



35

- 48 Представьте себе. Звук монет**
Дебют «живой» музыки как крупной статьи экспорта
Саймон Уилсон
- 50 В центре внимания**
В течение последних семи десятилетий международная валютная система менялась самым коренным образом, и МВФ соответственно адаптировался к этим изменениям
Атиш Рекс Гош

РУБРИКИ

2 Люди в экономике

Первопроходец

Джанет Стотски представляет
Кеннета Дж. Эрроу, теоретика, лауреата Нобелевской премии, занимавшегося новаторскими исследованиями во многих областях экономики



2

53 Возвращение к основам

Что такое кейнсианская экономика?

Основной принцип этого направления научной мысли состоит в том, что государственное вмешательство может стабилизировать экономику
Сарват Джахан, Ахмед Сабер Махмуд и Крис Папагеоргиу

55 Книжное обозрение

The Summit: The Biggest Battle of the Second World War—Fought Behind Closed Doors, Ed Conway
Money and Tough Love: On Tour with the IMF, Liaquat Ahamed
Creating a Learning Society: A New Approach to Growth, Development, and Social Progress, Joseph E. Stiglitz and Bruce C. Greenwald

Иллюстрации: стр. 28–30, Маргарет Скотт; стр. 39–45, Ник Галифанакис.

Фотографии: обложка, Пол Куклин/Getty Images; стр. 2, 4, Ной Бергер/МВФ; стр. 6, FreezeFrameStudio/iStock; стр. 12, iStock; стр. 14, Майкл Спилотро/МВФ; стр. 15, Пол Валлехос/El Comercio de Peru/Newscom; стр. 16, Бассо Каннарса/LUZPhoto/Redux; стр. 17, Андреа Мелора/epa/Corbis; стр. 18, Bloomberg via Getty Images; стр. 20, Barcelona Graduate School of Economics, Балтел/SIPA/Newscom, Эд Куинн, Дэн Драй; стр. 21, Princeton University, Стив Кастилло, TT News Agency/Reuters/Newscom, London Business School, Женевьев Шифрар, University of Michigan; стр. 22, Бартош Хадиньяк/Getty Images; стр. 26, Стивен Яффе/МВФ; стр. 32, Ларри В. Смит/EPA/Newscom; стр. 35, 38, Откай Ортакеджи/Getty Images; стр. 46–47, Wordle.net; стр. 48–49, Keystone Press/ZumaPress/Newscom; стр. 48, Getty Images, Daily Mirror Mirrorpix/Newscom; стр. 49, Роберт Уитакер/Getty Images, Роберт Уитакер/Getty Images, iStock; стр. 50, Фотоархив МВФ; стр. 51, Патрик Хьюз/МВФ, Стивен Яффе/МВФ; стр. 55–57, Майкл Спилотро/МВФ.

Читайте журнал онлайн: www.imf.org/fandd

См. страницу F&D на Facebook.com:
www.facebook.com/FinanceandDevelopment

Куда дует ветер

ЭТОТ выпуск можно назвать посвящением Бобу Дилану. Может показаться странным, что экономический журнал черпает вдохновение в творчестве легендарного барда, но одна из его самых известных строк, «времена, они меняются», разносилась в наших коридорах, когда мы готовили этот специальный выпуск о прошлом и будущем мировой экономики.

Мы напевали эту песню не для того, чтобы скоротать время. Ее слова представлялись нам особенно актуальными в этом году, когда мы отмечаем 70-ю годовщину МВФ и Всемирного банка и 50-летний юбилей Ф&Р. За последние семь десятилетий в мире произошли поразительные изменения.

Итак, памятуя об этих двух годовщинах и внимая носящейся в воздухе оде Дилана меняющимся временам, мы сосредоточились на вопросах преобразования мировой экономики, — обратив взгляд в прошлое и в будущее. Мы попытались ответить на вопрос: как будет выглядеть мировая экономика еще через 70 лет?

За помощью мы обратились к некоторым из ярчайших умов в экономике. Мы попросили пять нобелевских лауреатов — Джорджа Акерлофа, Пола Кругмана, Роберта Солоу, Майкла Спенса и Джозефа Стиглица — поделиться своими мыслями о том, какой главный «пограничный» вопрос, по-видимому, будет формировать экономический ландшафт в предстоящие годы. Их ответы, возможно, удивят вас.

Также в этом выпуске руководитель МВФ Кристина Лагард намечает курс МВФ на последующее десятилетие в рубрике «Откровенный разговор», а главный экономист МВФ Оливье Бланшар обобщает уроки самого большого экономического потрясения за последний период — мирового финансового кризиса 2008 года — и подчеркивает необходимость пересмотра экономистами своего взгляда на мир. О Дилане также думали Айхан Кёсе и Эзги Озтюрк, которые открывают словами самого певца свою статью, прослеживающую в графиках экономические преобразования за последние 70 лет.

Другие статьи о прошлом и будущем мировой экономики включают материал Мартина Вулфа (*Financial Times*) об опасностях и потенциальных выгодах глобализации; анализ экономических тенденций, способный помочь нам подготовиться к решению будущих проблем, в работе Калпаны Кочхар, Ян Сун, Эвридики Цунта и Никласа Вестелиуса; и введение Рекса Гоша в послевоенную историю валютной системы. Эту серию в выпуске дополняют статьи Джеффри Болла о будущем энергетики в мировой экономике и Джонатана Остри и Эндрю Берга об измерении неравенства — экономической проблеме, которая наиболее горячо обсуждается в последнее время.

Следуя нашей теме «перемен», мы впервые опробовали несколько новых форм: художник-карикатурист Ник Галифанакис и Джо Прокопио рассказывают историю создания МВФ так, как это никогда не делалось на страницах Ф&Р, — в виде семистраничного комикса. А в продолжение развития музыкальной темы наша рубрика «Представьте себе» рассказывает о роли «Битлз» как источника экспортных доходов.

Наконец, мы представляем гиганта экономики — нобелевского лауреата и профессора Стэнфордского университета Кена Эрроу, который, начав с раннего увлечения математикой и работы в метеослужбе во время Второй мировой войны, сделал успешную карьеру экономиста. Перефразируя Дилана, Кен Эрроу, несомненно, знает, куда дует ветер.

Джеффри Хейден,
главный редактор



Первопроходец

Джанет Стотски представляет Кеннета Дж. Эрроу, теоретика, лауреата Нобелевской премии, занимавшегося новаторскими исследованиями во многих областях экономики

НОВАТОРСКИЕ вклады Кеннета Дж. Эрроу в экономическую теорию в годы после Второй мировой войны являются краеугольным камнем работы последующих поколений специалистов по теоретическим и прикладным исследованиям во всех областях экономической науки.

Ныне покойный теоретик экономики Франк Хан, вспоминая слова Шекспира о Юлии Цезаре, однажды сказал, что его коллега Эрроу «шагает по миру, как колосс... Едва ли найдется какая-то область нашей дисциплины, которую он бы не осветил, а во многих случаях и принципиально изменил»; демонстрацией этого, пожалуй, могут служить самые разные экономические концепции, названные его именем, такие как модель Эрроу-Дебре, теорема невозможности Эрроу и безопасность Эрроу.

«Первой любовью» Эрроу были математика и математическая статистика, но экономистом он стал по чисто экономической причине. Накануне Второй мировой войны, когда он изучал математическую статистику в аспирантуре Колумбийского университета, у него закончились деньги, и экономический факультет предложил ему финансовую помощь.

Самое выгодное предложение

Экономист Гарольд Хотеллинг преподавал некоторые из курсов по статистике и «читал курс по математической экономике», на который Эрроу, по его словам, записался «из любопытства». Но этот курс положил начало его увлечению экономикой, и когда деньги у него были на исходе, Эрроу обратился к Хотеллингу. Экономист ответил, что он не обладает никаким влиянием на распределение денежных пособий

на математическом факультете, но мог бы помочь ему, если бы тот перешел на экономический факультет. «В результате я перешел на экономику. Людей это сильно шокирует. Я сказал: «Вы все экономисты — почему бы мне было не принять самое выгодное предложение?», — вспоминал он в недавнем интервью в своем кабинете в Стэнфордском университете, где он провел большую часть своей профессиональной жизни.

Переход на экономический факультет положил начало карьере, на протяжении которой он стал одним из двух лауреатов Нобелевской премии по экономике 1972 года; ему тогда был 51 год, и он был самым молодым из экономистов, которым когда-либо присуждалась эта премия. Нобелевский комитет выделил работу Эрроу и британского экономиста Джона Хикса в двух областях: *теории общего равновесия*, которая пытается объяснить, как устанавливаются цены в масштабе экономики, и теории благосостояния, которая анализирует оптимальное распределение товаров и услуг в экономике. Но Нобелевский комитет также отметил, что оба экономиста также внесли существенный вклад в других областях.

Это, безусловно, верно по отношению к Эрроу, который изучал, что происходит, когда одна сторона в сделке знает больше, чем другая, и показал, что технический прогресс может быть результатом хозяйственной деятельности, и привнес идею риска и неопределенности в анализ равновесия. Он также внес вклад в экономический анализ расовой дискриминации и здравоохранения. Кроме того, в своем первом значительном опыте экономического анализа, его докторской диссертации,

Эрроу, по-существу, открыл область *теории общественного выбора*, которая рассматривает, как индивидуальные предпочтения агрегируются в решения общественного выбора, например, при голосовании.

Почти во всех своих начинаниях Эрроу применял строгий математический подход и во многом способствовал тому, что экономическая теория сегодня имеет такой выраженный математический уклон.

Эрроу родился в 1921 году в Нью-Йорке в семье иммигрантов из Румынии. Как и многие люди его поколения, он испытал сильное воздействие потрясений, сопровождавших взросление во время Великой депрессии. Благополучие, которое приносил семье доход отца-банкира, было нарушено, и семья была вынуждена часто переезжать с места на место, когда доход отца возрастал или падал. «В школьные годы мне довелось учиться в очень многих городах», — вспоминает он. Наконец семья осела в Нью-Йорке, где он стал учеником трехлетней государственной средней школы Таунсенд Хэррис («для этого нужно было дополнительно проводить на занятиях по часу в день»). Там он увлекся математикой. В 1936 году, когда он окончил среднюю школу, «мы все еще были очень бедны ... так что единственной реальной возможностью получить высшее образование» был бесплатный Городской колледж Нью-Йорка (CCNY).

Как и многие молодые люди, которые пережили лишения Депрессии, «я беспокоился, смогу ли найти работу... Я задавал себе вопрос, где можно получить стабильную работу? Был один очевидный вариант — стать школьным учителем математики». В результате он избрал математическую и педагогическую специальности, хотя курсы педагогики его «не особенно вдохновляли».

Для учителей математики работы нет

Однако, как и несколько лет спустя в Колумбийском университете, математика Эрроу не помогла. На тот момент список претендентов на работу, которые сдали экзамен на должность учителя математики еще в 1933 году, был так велик, что Нью-Йорк с тех пор больше экзаменов не проводил. В результате, по словам Эрроу, он решил, что «лучше не делать ставку исключительно на эту работу. Поэтому я обучился тому, что называют статистикой, и эта область меня заинтересовала... К счастью, как раз в Колумбийском университете была хорошая программа по этой специальности». Когда он окончил CCNY в 1940 году, отец взял кредит, чтобы оплатить его обучение в Колумбийском университете, и «я легко поступил на математический факультет... Но я понял, что математики смотрят на статистиков свысока, в чем я убеждался в течение всей жизни».

И тогда Хотеллинг попробовал заинтересовать Эрроу изучением экономики. Получив степень магистра математики, Эрроу приложил все усилия для изучения экономики. К концу 1941 года он прошел все квалификационные курсы и сдал устный экзамен на степень доктора. Но в это время началась Вторая мировая война, заставившая его временно прервать учебу. «Было ясно, что я пойду в армию». Поэтому вместо того, чтобы ждать, когда его призвут, он решил найти что-то, чем ему было бы интересно заниматься. «Самой близкой областью, которую мне удалось найти, было прогнозирование погоды» — это важнейший вид деятельности для военно-воздушных сил, которые тогда были частью армии США.

Он изучал метеорологию в Университете Нью-Йорка и затем получил назначение в исследовательский центр, где часть его работы состояла в «проверке качества прогнозов погоды». Но он также сформулировал «реальную задачу: как использовать прогнозы ветра для управления самолетом, чтобы самолет мог воспользоваться ветровыми потоками?» Это не сократило бы время полета из Северной Америки в Европу, но могло бы сэкономить топливо. Эрроу сказал, что разработал метод, позволяющий уменьшить расход топлива на 20 процентов. Ему не удалось убедить военных взять на вооружение его

метод, но «я думаю, что с тех пор он используется в коммерческой авиации». Его исследования также легли в основу вышедшей в 1949 году научной работы «Об оптимальном использовании ветра для планирования полетов». Первое опубликованное исследование будущего лауреата Нобелевской премии в области экономики появилось в *Journal of Meteorology*.

«Едва ли найдется какая-то область нашей дисциплины, которую он бы не осветил, а во многих случаях и принципиально изменил».

После войны Эрроу вернулся в Колумбийский университет с хорошей научной стипендией, которую держали для него, пока он был на военной службе, и с убеждением, что «я должен был сделать что-то очень важное... Я чувствовал, что я был очень хорошим студентом, но у меня не было своей оригинальной идеи».

В 1947 году, все еще в поисках темы для диссертации, он стал штатным научным сотрудником комиссии Коулза по экономическим исследованиям в Чикагском университете. Комиссия, основанная в 1932 году бизнесменом Альфредом Коулзом, изучала связь между экономической теорией и математикой и статистикой. Во время работы в комиссии он познакомился со студенткой этого университета Сельмой Швейцер. Они поженились позже в том же году; она также познакомила его со статистиком М.А. Гиршиком, который пригласил Эрроу провести следующее лето в RAND Corporation, аналитическом центре по глобальной политике. «В то лето 1948 года дела у меня пошли в гору!»

Беседы в RAND с немецким философом и футурологом Олафом Хельмером вдохновили Эрроу написать диссертацию по теории общественного выбора. Концепция была настолько новой, что его советник по подготовке диссертации Альберт Харт ничего не знал о предмете исследований Эрроу. «Но он был очень уверен во мне Он сказал: «Ну, я не знаю, о чем здесь речь, но доверюсь Вам», — рассказывает Эрроу.

В этой диссертации и книге, *Social Choice and Individual Values* («Общественный выбор и индивидуальные ценности»), которая была издана в 1951 году, в год, когда он получил докторскую степень, Эрроу заложил основы для области теории общественного выбора, которая анализирует с математической точки зрения, например, насколько результаты выборов отражают различные мнения отдельных избирателей о кандидатах и по конкретным вопросам. В теореме, которую теперь называют теоремой невозможности (или возможности) Эрроу, он предположил, что когда вводятся определенные разумные условия справедливости, система голосования не в состоянии верно отразить общественные предпочтения. Экономисты, придерживающиеся традиционного направления, в своих моделях склонны исходить из рациональности индивидуального поведения. Одним из следствий этого является транзитивность предпочтений; это означает, например, что избиратели, предпочитающие кандидата Смита Джонсу, а Джонса Уильямсу, отдадут предпочтение Смигу перед Уильямсом. Теорема Эрроу показывает, что, когда вводятся только четыре разумных условия для трех или более вариантов выбора, невозможно объединить рациональные индивидуальные предпочтения в общественные, сохранив транзитивность в принятии решений. То есть не существует способа, обеспечивающего точное преобразование индивидуальных предпочтений в общественные (скажем,

относительно победителей на выборах). Теория общественного выбора помогает понять процесс группового принятия решений и разработать правила голосования.

Раскованное сознание

Завершение подготовки диссертации было ключом к его успеху. «После того как я разделался с этой диссертацией по общественному выбору, это меня как-то расковало».

Эрроу применил высшую математику к теории общего равновесия — эта идея была впервые предложена экономистом Леоном Вальрасом в 1874 году и, в некотором смысле, подтверждала правоту Адама Смита. Множество экономических субъектов, стремящихся достичь собственных целей, не порождают хаос, а направляются «невидимой рукой», что приводит к относительно упорядоченному в масштабах экономики производству товаров и услуг и созданию рабочих мест.

В экономике под рыночным равновесием понимается набор цен, при которых для всех товаров спрос равен предложению. Анализ частичного равновесия рассматривает спрос на определенный товар (или его предложение) как функцию его цены при сохранении других цен на фиксированном уровне. Анализ общего равновесия принимает все цены как переменные при равенстве спроса и предложения на всех рынках. Например, спрос на природный газ на мировых рынках может зависеть не только от его цены, но и от цен на нефть и другие виды ископаемого топлива и на товары и услуги, которые могут иметь не столь непосредственное отношение к рынкам энергоресурсов, а также от заработной платы и процентных ставок.

В 1954 году Эрроу, совместно с французским экономистом Жераром Дебре, разработал общие условия в отношении цен, при которых по всем товарам и услугам в экономике совокупное предложение равняется совокупному спросу (теперь эти условия известны как модель общего равновесия Эрроу-Дебре). Проводя самостоятельные исследования, Лионел Маккензи несколько иным путем пришел к аналогичному результату. Эрроу и Дебре (который получил Нобелевскую премию в 1983 году) использовали идеи, разработанные Джоном Нэшем в теории игр, тогда еще новой области исследований в математике, анализирующей стратегии конкуренции, при которых результат действий одного участника зависит от действий других (за эту теорию Нэшу была присуждена Нобелевская премия 1994 года).

В более поздних исследованиях, включая совместную работу с Леонидом Гурвицем, Эрроу изучал стабильность рынков и то, как цены корректируются, уравнивая спрос и предложение.

Концепции на основе общего равновесия привели к разработке теоретических и эмпирических моделей, непосредственно учитывающих взаимодействие между частями экономики, — например, моделей, устанавливающих связь между аспектами потребления и производства.

Такие модели общего равновесия используются во многих областях экономики. В сферах государственных финансов и международной торговли эти модели могут оценивать, улучшается или ухудшается положение стран в результате изменений налогов и тарифов. В начале 1970-х годов Джон Шовен, который долгое время был коллегой Эрроу по Стэнфорду, и британский экономист Джон Уолли разработали первую прикладную модель общего равновесия экономики США для оценки налоговых изменений. Применительно к экономическому развитию такие модели могут оценивать, как рост экспортного сектора влияет на уровни заработной платы.

Анализ общего равновесия также оказал значительное влияние на современное мышление относительно макроэкономики (или экономики в целом). Экономисты пытались найти основы макроэкономики в микроэкономике, которая изучает динамику отдельных рынков. Новая классическая макроэкономическая теория исходит из общего равновесия в качестве основы своего представления о том, что экономика в основном находится в равновесии, с гибкими ценами и заработной платой на отдельных рынках. Отклонения от равновесия быстро нивелируются (самостоятельно устраняются). Кейнсианская и неокейнсианская школы (См. «Что такое кейнсианская экономика?» в этом выпуске *Ф&Р*) также опираются на идеи общего равновесия, но отвергают идею о том, что рынки всегда или быстро достигают равновесия. Они утверждают, что цены и заработная плата, как правило, меняются медленно; это позволяет экономике длительное время оставаться в неуравновешенном состоянии и служит основанием для активной налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики. *Динамические стохастические модели общего равновесия* пытаются отразить неизбежно изменчивый и неопределенный характер макроэкономической ситуации. Эрроу считает, что макроэкономические модели должны учитывать тенденцию рынков оставаться в неуравновешенном состоянии, как, например, в случае длительной безработицы во время Великой депрессии.

Прорыв в теории благосостояния

В 1951 году, вскоре после того, как Эрроу выдвинул теорию общественного выбора, он применил высшую математику в области экономики благосостояния, в которой рассматривается так называемая оптимальность по Парето, то есть ситуация, в которой невозможно улучшить положение одного человека, не ухудшая положение других людей. Оптимальность по Парето является одним из критериев для оценки нормального функционирования экономики. Первая теорема благосостояния описывает условия, при которых конкурентное общее равновесие приводит к оптимальному по Парето распределению ресурсов; вторая теорема описывает условия, при которых каждый оптимальный по Парето результат для экономики может быть достигнут при конкурентном равновесии и с некоторым перераспределением ресурсов. Подход Эрроу обобщил эти теоремы для применения их в случаях, когда некоторые товары или услуги не востребованы или не поставляются; такая ситуация возникает нередко — экономисты называют ее «угловым решением».

Общая теория равновесия изначально не содержала элементов неопределенности или риска. С учетом трудностей страхования от риска на рынках, Эрроу ввел понятие «условного» товара, отражающее сочетание физических характеристик товара и того, что происходит в мире при его поставке (пшеница, произведенная во время засухи, отличается из пшеницы, произведенной в год изобилия). Затем он постулировал финансовую безопасность, результаты которой зависят от состояния мира. Эта так называемая безопасность Эрроу лежит в основе современной теории финансов. Она позволяет участникам рынка уменьшить количество товаров, необходимое для торговли. Например, фермеры могут заключать договоры о продаже пшеницы в будущем по определенной цене, чтобы застраховаться от риска чрезмерного снижения цен. Эти фьючерсные контракты затем могут быть предметом купли и продажи на рынке, где участники имеют разные ожидания относительно цен.



Одним из важнейших инструментов экономического анализа является производственная функция, которая описывает, как вводимые ресурсы, такие как труд и капитал, объединяются для производства конечного продукта. Ранее в теориях роста предполагалось, что технический прогресс, важный фактор роста производительности труда (то есть производства определенного количества продукции с меньшими затратами ресурсов), не является результатом экономической деятельно-

«Студенты Эрроу просто обожали его. Он делился с нами своими блестящими знаниями и способностью проникать в суть вещей».

сти, а привносится извне, хотя здравый смысл подсказывал, что многие технические усовершенствования были результатом хозяйственной деятельности. В работе 1962 года об обучении на практике Эрроу развил идею о том, что с накоплением опыта работники и предприятия повышают производительность и что некоторые из этих знаний создают выгоды для экономики в целом. Эта идея помогает объяснить некоторые реалии, такие как неизменно большие различия в производительности между странами.

В работе Эрроу 1963 года о неопределенности и экономике благосостояния в области медицинской помощи объяснялось, что эффективно функционирующий рынок медицинских услуг трудно сформировать как потому, что некоторые участники знают больше других (пример — разница в уровне медицинских знаний между врачами и их пациентами), так и из-за отсутствия ценовой конкуренции на этом рынке. Он продемонстрировал определяющее значение морального риска на рынке медицинских услуг, например, большего спроса на медицинскую помощь со стороны пациентов, имеющих страховку. Комитет, составленный из ведущих экономистов, признал эту статью одной из 20 самых влиятельных за первое столетие журнала *American Economic Review*, флагманского издания Американской экономической ассоциации.

Широкий кругозор

В числе других важных работ, Эрроу совместно с Мордехаем Курцем сформулировал подход для оптимизации государственных инвестиций. Эрроу также проанализировал некоторые экономические и неэкономические причины сохранения расовой дискриминации на рабочем месте и вне работы.

Интерес к практическим задачам экономики и социально-политическим проблемами побудил Эрроу заниматься изучением таких вопросов, как изменение климата и субсидирование лекарств в развивающихся странах. Он был одним из первых участников межправительственной группы по изменению климата, которая дает авторитетные оценки его последствий.

Значительная часть его работы в области изменения климата посвящена тому, каким образом люди оценивают возможные изменения в будущем. В недавней статье в журнале *Nature* Эрроу и его соавторы утверждают, что правительство США недооценило издержки углеродного загрязнения, на основе которых администрация Обамы разработала свой план по ограничению выбросов углерода электростанциями.

В последние годы он возглавлял комитет в Институте медицины, который обосновал идею субсидирования противома-

лярных курсов лечения, чтобы сделать их более доступными в странах с низкими доходами. Он также является основателем и членом совета организации «Экономисты за мир и безопасность», которая привержена поддержке невоенных решений мировых проблем.

Эрроу провел свою карьеру в Стэнфорде (за исключением 11 лет работы в Гарварде, с 1968 по 1979 год). Он пришел туда в 1949 году, вскоре стал профессором на кафедре экономики, статистики и исследований операций и помог сделать Стэнфорд центром по изучению экономической теории, эконометрики и прикладной математики.

Четыре его студента в Стэнфорде и Гарварде впоследствии стали лауреатами Нобелевской премии: Джон Харсаньи в 1994, Майкл Спенс в 2001 и Эрик Мэскин и Роджер Майерсон в 2007 году. Спенс вспоминал в своей автобиографии лауреата Нобелевской премии, с каким благоговением студенты относились к Эрроу. «Чтобы охарактеризовать вклад Кена Эрроу в экономическую науку во второй половине XX века, практически можно просто изложить эволюцию экономики за этот период». Бывший студент Стэнфорда Росс Старр, который развил общую теорию равновесия, вспоминает теплые чувства, которые он вызывал. В телефонном интервью Старр сказал, что «студенты Эрроу просто обожали его. Он делился с нами своими блестящими знаниями и способностью проникать в суть вещей».

Среди родственников Эрроу также много видных ученых и преподавателей. Его сестра Анита Саммерс является отставным профессором Университета Пенсильвании, где ее покойный муж, Роберт, был профессором экономики. Племянник Эрроу, Лоуренс Саммерс — известный экономист и бывший президент Гарвардского университета. Пол Самуэльсон, который в 1970 году стал первым гражданином США, получившим Нобелевскую премию по экономике, был братом Роберта Саммерса.

Коллеги и студенты помнят особенности участия Эрроу в факультетских семинарах. Например, в начале семинара могло показаться, что он отвлёкся или даже задремал. Но затем он вдруг обращал взгляд на доску, изучал в течение нескольких минут написанное докладчиком и вежливо указывал на роковую ошибку в линии рассуждений. Эрроу, который продолжал консультировать студентов, но оставил преподавание после выхода на пенсию в 1991 году, уверяет, что не обладает какими-то особыми навыками работы со студенческой аудиторией. Некоторые бывшие студенты вспоминают, что он почти одновременно выдавал на доске так много идей, при этом все время ловко подбрасывая мелок, что уследить за ходом его мысли было непросто.

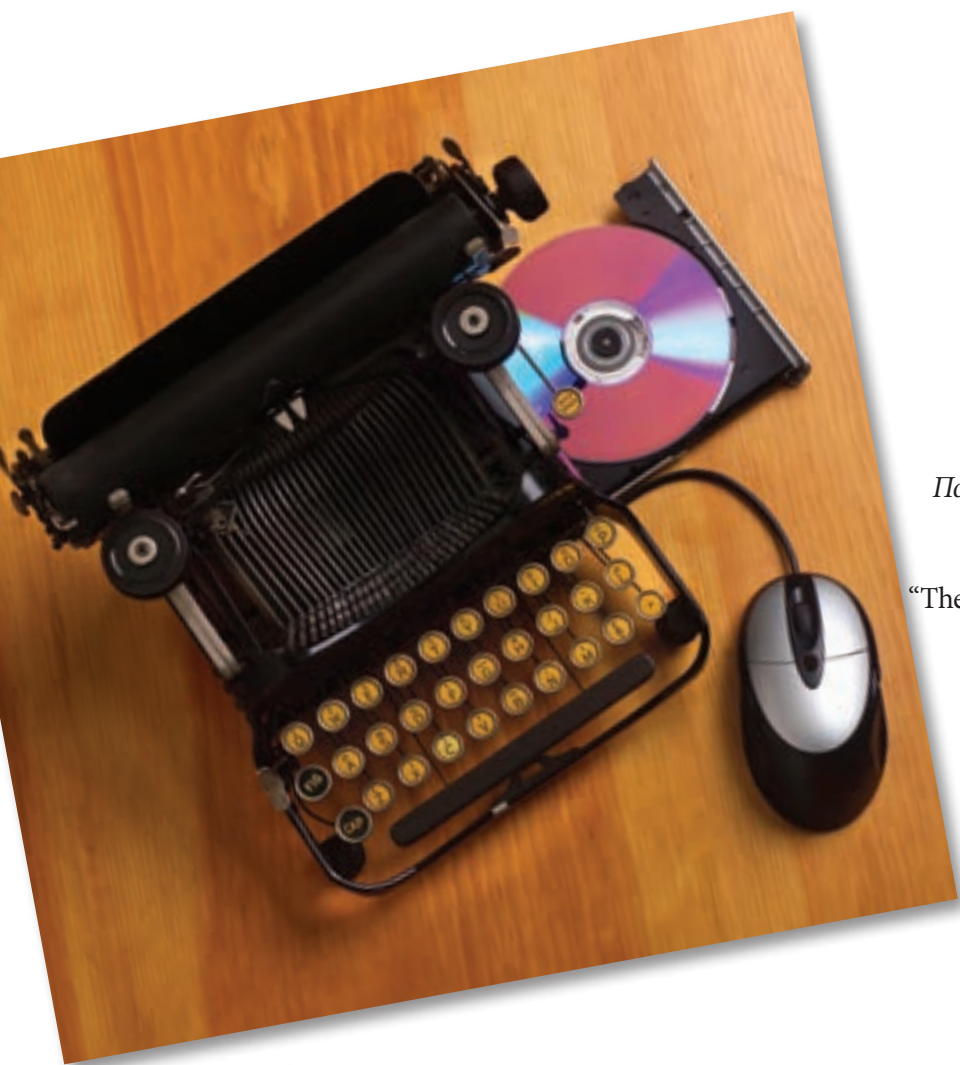
Еще несколько лет назад Эрроу ездил в университет на велосипеде, и бывшие студенты вспоминают, как он появлялся в аудитории в велосипедном шлеме и с торчащим из рюкзака насосом.

Сейчас Эрроу 93 года, и он говорит, что его всегда больше занимала разработка задач и что, как только он их разработал, «должен признаться, я во многом теряю интерес». Вот почему, хотя он получил Нобелевскую премию за работу по теории общего равновесия, он больше гордится своей работой по теории общественного выбора.

В то время, когда Эрроу и Дебре сформулировали свою модель теории общего равновесия, несколько других исследователей, например, покойный Лионел Маккензи, работали над теми же проблемами. «В определенном смысле ... если бы я этим не занимался, конечный результат бы существенно не изменился».

Но никто кроме него не поднимал вопросы общественного выбора. «Вот этим я горжусь». ■

Джэнет Стотски до недавнего времени была советником в Отделе бюджета и планирования МВФ, а в настоящее время является консультантом по налогово-бюджетной политике, вопросам женщин и развития, а также макроэкономики развития.



Медленный ныне
Скоро станет быстрым.
И настоящее сейчас
Скоро станет прошлым.
Старые порядки
Быстро нарушаются.
И первый сейчас
Позже окажется последним.
Потому что времена, они меняются.

Из песни Боба Дилана
“The Times They Are a-Changin’”, 1964 год.

Мир ИЗМЕНЕНИЙ

Подведение итогов последних пятидесяти лет

М. Айхан Кёсе и Эзги О. Озтюрк

КОГДА в июне 1964 года вышел первый номер журнала «Финансы и развитие», в мировой экономике отмечались лучшие показатели роста за 10-летний период со времени второй мировой войны. Проводившиеся в предыдущее десятилетие широкомасштабные восстановительные работы после войны привели к динамичному росту в Европе и Азии. Экономика США, на которую приходилась почти треть мирового производства в течение 1960-х годов, переживала самый продолжительный за всю историю период подъема.

В этом же году в своей бессмертной песне Боб Дилан показал природу времени, которому свойственны быстрые изменения. Хотя, вероятно, Дилан не имел в виду мировое производство, в глобальной экономике в последующие полвека отмечались воистину невообразимые изменения. В некоторых странах с низкими доходами, которые сталкивались с хроническими проблемами развития, существенно ускорился рост, и со временем они начали вносить значительный вклад в мировой экономический рост. Мировой экономический порядок претерпел

тектоническую трансформацию, которая сопровождалась и отчасти вызывалась революционными сдвигами в науке и технологии и восходом глобализации.

Какие изменения произошли в мировой экономике с 1964 года? Ответ на этот вопрос будет эклектичным — мы рассмотрим некоторые принципиальные изменения, произошедшие в последние 50 лет. В мировой экономике за этот период отмечался впечатляющий прогресс. Во многих областях по-прежнему сохраняется явная потребность дальнейшего продвижения, но есть и основания для оптимизма.

Новые технологии

Если бы мы писали эту статью в 1964 году, мы бы использовали пишущую машинку, а не компьютер, и, возможно, проводили бы подготовительные исследования, пользуясь печатными экземплярами журналов и книг. На сбор необходимой статистики и перевод ее в форму графиков потребовались бы многие недели. И несколько недель могло бы потребоваться, чтобы разослать напечатанные экземпляры журнала читателям во всем мире.

Благодаря многочисленным технологическим сдвигам последних пятидесяти лет сегодня у нас есть мгновенный доступ к огромному массиву источников информации, и мы за секунды можем поделиться с миром новыми знаниями. Быстрый прогресс в области связи и транспорта способствовал принципиальным нововведениям во многих других областях, радикально изменил наши методы работы, повысил производительность и привел к усилению международных торговых и финансовых связей.

Самые большие изменения претерпели наши методы общения друг с другом, поскольку развитие компьютеров и мобильных технологий коренным образом изменило все средства связи. В 1965 году стоимость первого коммерчески успешного миникомпьютера составляла эквивалент сегодняшних 135 470 долларов, если пересчитать его цену с поправкой на инфляцию. Он был в состоянии производить базовые расчеты, такие как сложение и умножение. Его информационная емкость составляла примерно 4000 слов по 12 бит. Обычный сегодняшний смартфон имеет в три миллиона раз большую емкость и стоит менее 600 долларов.

С появлением интернета для общественности в 1991 году началась новая эра в области связи. Грандиозное расширение доступа к интернету сделало людей, компании и страны ближе друг к другу, а мобильная связь стала дешевле и доступнее. В 1965 году в США был запущен первый коммерческий спутник связи, обеспечивавший работу 240 двусторонних линий телефонной связи. На сегодняшний день функционирует примерно 400 коммерческих спутников связи, которые обрабатывают и передают информацию по всему миру и мощность которых несравнима с 1965 годом. В 1980 году на каждый миллион человек было пять линий мобильных телефонов, сегодня мы имеем более 90 подписок на линии мобильной связи на каждые сто человек (см. рис. 1). Новые технологии приводят к устареванию существовавших ранее средств связи. Например, с быстрым развитием беспроводной связи наземные телефонные линии в последнее десятилетие использовались все меньше и меньше.

Транспортный сектор также пережил принципиальные изменения за последние 50 лет. Сегодня мы можем путешествовать и отправлять товары намного быстрее и дешевле, чем полвека назад. В начале 1960-х годов билет на самолет из Майами до Нового Орлеана и обратно стоил 927 долларов (с поправкой на инфляцию); сейчас он стоит примерно 330 долларов. При наличии более дешевых и быстрых средств связи и снижающейся стоимости грузовых перевозок даже мелкие компании имеют доступ к иностранным рынкам.

Хотя за последние полвека ежегодное мировое потребление энергии из первичных источников (ископаемое топливо, природная энергия, атомная электроэнергия) увеличилось более чем втрое, технологические улучшения в энергетическом секторе сделали производство более эффективным, чем когда-либо. Для производства продукции на 1000 долларов в 2011 году в мире использовался эквивалент 137 кг нефти, что на 50 кг меньше, чем за 20 лет до этого. Доля мировых поставок нефти в совокупном предложении первичной энергии также уменьшилась с увеличением поставок природного газа, атомной электроэнергии и энергии из возобновляемых источников — геотермальной, солнечной, ветряной.

Подъем глобализации

«Мы живем в глобализованном мире». В 1964 году эта фраза была лишена смысла. Однако с ростом глобализации — все большей торговой и финансовой интеграции мировой экономики — она превратилась в клише, особенно в последние двадцать лет (см. рис. 2). Сдвиги в технологиях связи и транспорта совпали с ускорением глобализации и способствовали ему, росла взаимозависимость стран вследствие быстрого увеличения потоков товаров, услуг, капитала и труда между ними,

вследствие чего значительно ускорилось и распространение идей и продукции культуры.

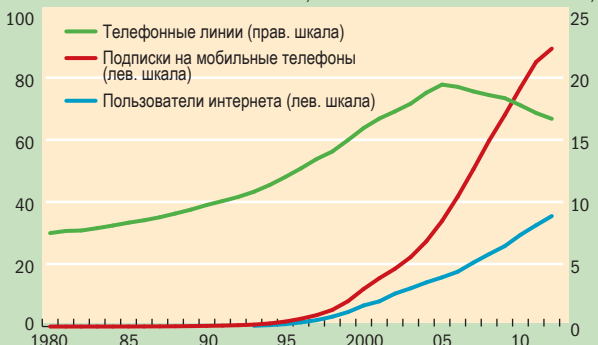
В последние 50 лет отмечались глубокие изменения в объеме, направлениях и характере международной торговли: мировая торговля товарами и услугами быстро росла, чему способствовала либерализация торговой политики по всему миру. С распространением региональных торговых соглашений значительно большую значимость приобрели внутрирегиональные торговые потоки. Быстро увеличивалась торговля продукцией обрабатывающей промышленности, и она вела к образованию международных сетей поставок: сейчас компании могут располагать различными этапами производственного процесса в разных странах.

Рисунок 1

Новые способы связи

Существенно возросло пользование интернетом и мобильными телефонами, и некоторые пользователи отказываются от стационарных линий связи.

(Количество пользователей интернета и линий мобильной связи на 100 человек) (Количество телефонных линий на 100 человек)



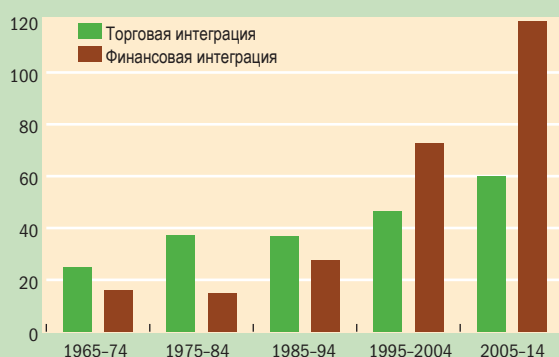
Источник: база данных Всемирного банка World Development Indicators.

Рисунок 2

Мировые связи становятся теснее

За последние 50 лет произошло резкое расширение мировых торговых и финансовых связей.

(В процентах от мирового ВВП)



Источники: Philip R., and Gian Maria Milesi-Ferretti, 2007, "The External Wealth of Nations Mark II: Revised and Extended Estimates of Foreign Assets and Liabilities, 1970–2004", *Journal of International Economics*, Vol. 73, No. 2, стр. 223–50; база данных Всемирного банка World Development Indicators.

Примечание. Торговая интеграция измеряется отношением совокупного импорта и экспорта к мировому ВВП. Финансовая интеграция представляет собой отношение совокупных притоков и оттоков финансовых средств (включая банковские кредиты, прямые инвестиции, облигации и инструменты участия в капитале) к мировому ВВП. Данные по финансовой интеграции за период по 2011 год. Данные по торговой интеграции за 2014 год представляют собой прогнозы.

Изменения в международных финансовых потоках впечатляют еще больше: за последние 50 лет доля стран с финансовой системой без значительных ограничений увеличилась в три раза. Все больше стран стали пользоваться выгодами свободного перемещения капитала, и произошел заметный скачок

Вставка 1

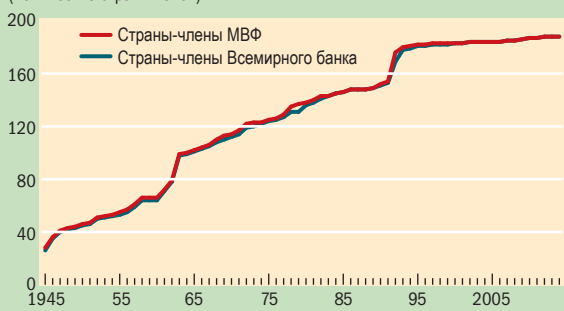
Новые страны, новые государства-члены

Войны, социально-политические конфликты и распад СССР привели к тому, что количество независимых стран увеличилось за период с 1965 по 2014 год со 139 до 204. Эти новые страны быстро заняли свое место в форумах, где решаются вопросы международной политики. Например, в конце 1965 года как и у Международного Валютного Фонда, так и у Всемирного банка было немногим больше чем по 100 государств-членов. За последние 50 лет в них вступило примерно по 85 стран — сначала новые независимые страны Африки, а впоследствии бывшие республики СССР. В каждой из организаций сейчас насчитывается по 188 государств-членов.

Увеличение размеров

Количество стран-членов МВФ и Всемирного банка увеличилось с менее 40 в 1946 году до 188 на сегодняшний день.

(Количество стран-членов)



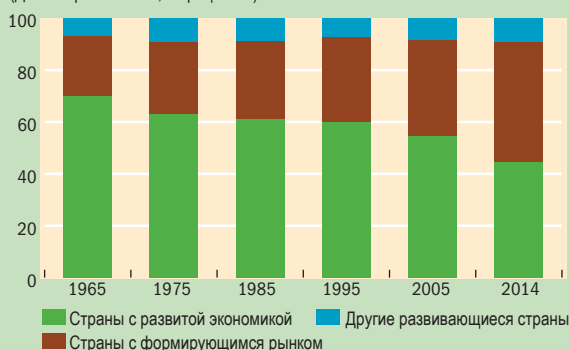
Источники: МВФ и Всемирный банк.

Рисунок 3

Подъем стран с формирующимся рынком

В период с 1965 года стойко росла доля стран с формирующимся рынком в мировом ВВП.

(Доля мирового ВВП, в процентах)



Источники: МВФ, база данных «Перспективы развития мировой экономики».

Примечание. Данные измеряются по паритету покупательной способности — курсу, по которому валюты должны были конвертироваться, чтобы приобрести одинаковое количество товаров и услуг в каждой стране. Данные за 2014 год представляют собой прогнозы.

в объеме международных финансовых потоков. Совокупные финансовые активы в мире увеличились с 250 млрд долларов в 1970 году до почти 70 трлн долларов в 2010 году. Структура международных финансовых потоков также изменилась, сейчас значительно большая их часть приходится на портфельные вложения в инструменты участия в капитале.

Хотя степень интеграции рынков труда между странами намного ниже, чем в случае торговли и финансовых рынков, за последние 50 лет отмечено также значительное увеличение перемещений трудовых ресурсов между странами. На сегодняшний день в статусе мигрантов живет примерно 230 млн человек по сравнению с 77 миллионами в 1970 году. Двадцать лет назад люди мигрировали в основном из развивающихся стран в страны с развитой экономикой. Сейчас региональная миграция между развивающимися странами больше миграции в развитые страны.

Новые игроки на глобальной арене

За последние пятьдесят лет целый ряд стран обрел независимость (см. вставку 1). Однако в течение большей части этого периода нормой была двухполюсная мировая экономика, состоявшая из развивающихся стран на юге и развитых стран на севере. Юг был в основном представлен бедными странами с большими трудовыми ресурсами, которые поставляли северу сельскохозяйственную продукцию и сырье. Страны севера были богаче и имели более развитую экономику. Они производили продукцию обрабатывающей промышленности, и на них приходилась подавляющая часть торговых и финансовых потоков.

Однако с середины 1980-х годов некоторые из стран юга, так называемые страны с формирующимся рынком, показывали исключительно высокие темпы роста, при этом быстро интегрируясь в мировую экономику. В них также диверсифицировалась производственная база и структура экспорта с отходом от ориентации на сельскохозяйственную продукцию в пользу продукции обрабатывающей промышленности и услуг.

В то время как доля этих стран в населении и рабочей силе мира оставалась в течение последних 50 лет относительно стабильной, отмечалось растущее присутствие стран с формирующимся рынком по всем остальным экономическим аспектам. Их совокупная доля в мировом ВВП почти удвоилась (см. рис. 3). Их вклад в мировой рост в период с 1965 по 1974 год в среднем составлял 30 процентов, что равно примерно половине от вклада стран с развитой экономикой в этот период. На протяжении последнего десятилетия на них приходилось более 70 процентов мирового роста, в то время как доля стран с развитой экономикой уменьшилась до примерно 17 процентов (см. рис. 4). Страны с формирующимся рынком также стали главным двигателем мировой торговли, что сопровождалось формированием более прочных банковских и финансовых связей с остальным миром.

Некоторые страны с формирующимся рынком показывали даже лучшие результаты. Например, на Бразилию, Россию, Индию и Китай, так называемые страны БРИК, в последние десять лет приходилась половина мирового роста. На сегодняшний день экономика Китая является второй по величине в мире, а экономика Бразилии — 7-й, по сравнению с, соответственно, 8-м и 16-м местами в 1970 году. Перечень 20 стран с крупнейшей экономикой сейчас включает Южную Корею и Индонезию, которые были весьма далеки от этого лишь несколько десятилетий назад.

Болезненные сбои

Мировая экономика сейчас в шесть раз больше, чем она была полвека назад, и в течение этого периода она росла ежегодными темпами в 4 процента. Новые технологии создали условия для более эффективных производственных систем в широком спектре отраслей и способствовали экономическому

росту. В период с 1965 по 2013 год среднегодовые темпы роста мирового ВВП на душу населения составляли примерно 2 процента, и больше половины времени за последние 50 лет темпы роста в мере были выше этого среднего. В результате с 1965 по 2013 год мировой ВВП на душу населения более чем удвоился, несмотря на значительное увеличение населения (см. рис. 5).

Но сам процесс мирового роста никогда не был гладким. В течение последних пятидесяти лет во многих странах происходили финансовые кризисы, которые вели к существенным спадам роста (см. вставку 2). Мировая экономика также проходила через периоды серьезных сбоев в экономическом росте. В каждом десятилетии с 1960-х годов имел место мировой спад (см. рис. 6). В 1975 году, в 1982 году, в 1991 году и в 2009 году объем мирового производства на душу населения уменьшался, и одновременно с этим происходил спад мировой экономической активности по различным другим показателям (Kose and Terrones, готовится к публикации).

Каждый из этих мировых спадов сопровождался серьезными нарушениями в функционировании экономических и финансовых систем во многих странах мира. Резкое повышение цен на нефть спровоцировало спад 1975 года. Ряд глобальных и национальных потрясений (включая скачок цен на нефть в 1979 году, меры ФРС США по преодолению высокой инфляции в 1979 и 1980 годах и долговой кризис в Латинской Америке) сыграли значительную роль в возникновении спада в 1982 году.

В то время как спад 1991 года совпал с неблагоприятным развитием событий в мире и на национальном уровне по многим направлениям, он стал общемировым событием, поскольку различные проблемы национального уровня передавались на другие страны: финансовые потрясения в США, Японии и нескольких странах Скандинавии; валютные кризисы во многих странах Европы с развитой экономикой; объединение Германии, распад СССР. Кризисный эпизод 2009 года начался с финансового кризиса в США в 2007 году, но быстро распространился на другие страны с развитой экономикой и некоторые страны с формирующимся рынком через торговые и финансовые связи.

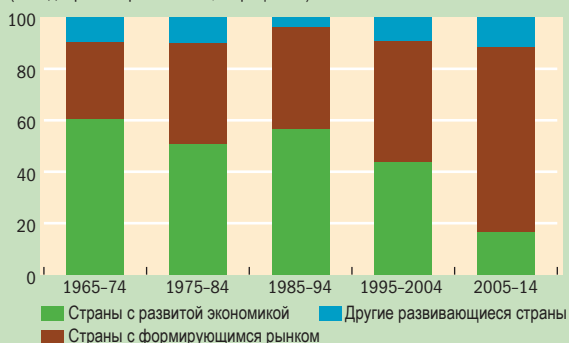
Каждый мировой спад продолжался лишь один год, но при этом наносил глубокий и продолжительный ущерб людям и обществу: миллионы людей теряли работу, закрывались предприятия, резко падали цены на финансовых рынках. Недавний мировой спад оказался самым глубоким со времен Великой депрессии 1930-х годов: за период с 2007 по 2009 год количество безработных во всем мире увеличилось почти на 20 процентов.

Рисунок 4

Становление

На страны с формирующимся рынком приходится растущая доля роста мирового ВВП.

(Вклад в рост мирового ВВП, в процентах)



Источник: МВФ, база данных «Перспективы развития мировой экономики». Примечание. Данные за 2014 год представляют собой прогнозы.

В 2009 году безработными были 83 миллиона молодых людей, что больше чем когда-либо за последние двадцать лет. Мировая

Вставка 2

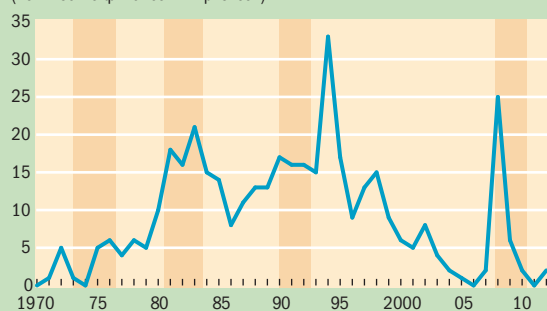
Повторяющиеся финансовые кризисы

Финансовые кризисы прерывают собой экономический рост в мире. В период с 1970 по 2013 год было примерно 400 таких кризисов. Страны с развитой экономикой пережили только 35 кризисов, и половина из них пришлось на период после 2007 года. В странах с формирующимся рынком было отмечено 218 финансовых кризисов, большей частью в 1980-х и 1990-х годах, с наибольшей концентрацией в период финансового кризиса 1997 года в Азии. Валютные кризисы происходили наиболее часто, и на них пришлось половина всех кризисов. Остальные кризисы были банковскими и долговыми. По-прежнему нет возможности предсказать, где и когда произойдет следующий финансовый кризис.

Широкое распространение финансовых кризисов

В период с 1970 по 2013 год наблюдалось более 400 банковских, валютных или долговых кризисов.

(Количество финансовых кризисов)



Источник: Laeven and Valencia (2013).

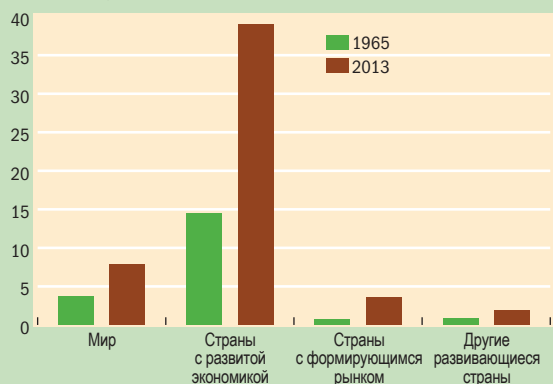
Примечание. Затененные столбцы представляют три года вокруг глобальных спадов, которые имели место в 1975, 1982, 1991 и 2009 годах.

Рисунок 5

Совместное процветание?

Хотя средний человек сейчас богаче, чем в 1965 году, рост благосостояния людей в странах с развитой экономикой намного выше, чем в странах с формирующимся рынком и других развивающихся странах.

(ВВП на душу населения, в тыс. долл. США 2005 года с поправкой на инфляцию)



Источник: база данных Всемирного банка World Development Indicators.

Рост населения замедляется, но люди живут дольше

В последние полвека ожидаемая продолжительность жизни устойчиво росла.

	1965–74	1975–84	1985–94	1995–2004	2005–14
Рост населения (изменение в процентах)	2,1	1,7	1,7	1,3	1,2
Ожидаемая продолжительность жизни на момент рождения (в годах)	59,0	63,0	65,5	67,6	69,9
Темпы рождаемости (на 1000 человек)	32,1	27,6	25,7	21,7	19,8
Коэффициент смертности (на 1000 человек)	12,0	10,2	9,2	8,6	8,1
Рост объема производства (изменение в процентах)	5,0	3,3	3,1	3,6	3,7
Рост объема производства на душу населения (изменение в процентах)	2,9	1,5	1,4	2,2	2,5

Источник: база данных Всемирного банка World Development Indicators; МВФ, база данных «Перспективы развития мировой экономики».

Примечание. Объем производства представляет собой ВВП, взвешенный по паритету покупательной способности для отдельных стран. Паритет покупательной способности представляет собой курс, по которому валюты должны были бы конвертироваться, чтобы приобрести одинаковое количество товаров и услуг в каждой стране. Данные за 2014 год по росту объема производства и росту объема производства на душу населения представляют собой прогнозы из «Перспектив развития мировой экономики». Данные, связанные с численностью населения, за период по 2012 год.

экономика, а особенно рынки труда, по-прежнему страдают от последствий спада 2009 года, хотя с начала кризиса прошло уже семь лет.

Бедность и неравенство

Население мира увеличилось с 3 млрд человек в 1965 году до примерно 7 млрд в 2013 году, однако мировая экономика росла более высокими темпами, чем население мира, вследствие чего уровень жизни среднего гражданина мира повысился.

Совершенствование медицины, улучшение санитарных условий и более широкое распространение прививок способствовали уменьшению смертности, и, несмотря на снижение рождаемости, население мира продолжало расти с увеличением продолжительности жизни. В середине 1960-х годов ожидаемая продолжительность жизни на момент рождения составляла примерно 50 лет, а на сегодняшний день ожидается, что новорожденный будет жить примерно 70 лет (см. таблицу).

Отмечается также прогресс в охвате школьным образованием. Количество детей, заканчивающих начальную школу, увеличилось с 80 процентов мирового населения школьного возраста в начале 1980-х годов до 97 процентов в 2012 году.

В странах с низкими доходами это изменение было более значительным: с 45 процентов до чуть более 70 процентов за последние тридцать лет.

Благодаря отмечавшемуся в последние 50 лет росту мировой экономики средний гражданин мира сейчас богаче, чем когда-либо.

Однако выгоды этого роста распределяются неравномерно, вследствие чего стойко сохраняются бедность и неравенство.

Одной из целей в области развития, поставленных ООН в 2000 году в Декларации тысячелетия, было сокращение крайней бедности вдвое за период с 1990 года по 2015 год. Хотя эта цель была достигнута на пять лет раньше запланированного срока, крайняя бедность продолжает оставаться широко распространенным явлением в целом ряде стран с низкими доходами. В 1981 году процент людей, живущих менее чем на 1,25 доллара в день (что является чертой крайней бедности) составлял примерно половину как в странах с доходами выше средних, так и в странах с низкими доходами (см. рис. 7). Тридцать лет спустя страны с доходами выше средних добились существенного уменьшения бедности благодаря быстрому росту в группе стран с формирующимся рынком. Однако в странах с низкими доходами почти половина населения по-прежнему живет в крайней бедности. На уровне мира в целом более миллиарда людей, главным образом в Африке к югу от Сахары и Южной Азии, остается в крайней бедности.

В большинстве стран также повысилась степень неравенства. В частности, за период с 1990 по 2010 год неравенство увеличилось более чем в двух третях стран, по которым имеются данные. Неравенство между странами достигло пикового уровня в конце 1990-х годов, а затем начало уменьшаться, но по-прежнему остается на более высоком уровне, чем в начале 1980-х годов. Более того, в большинстве крупнейших стран с развитой экономикой

Рисунок 6

Взлеты и падения

В последние полвека мировой ВВП на душу населения рос в среднем на 2 процента в год, но это среднее скрывает за собой годы динамичного роста и года спадов.

(Рост ВВП на душу населения, в процентах, с весами по паритету покупательной способности)



Источник: МВФ, база данных «Перспективы развития мировой экономики».

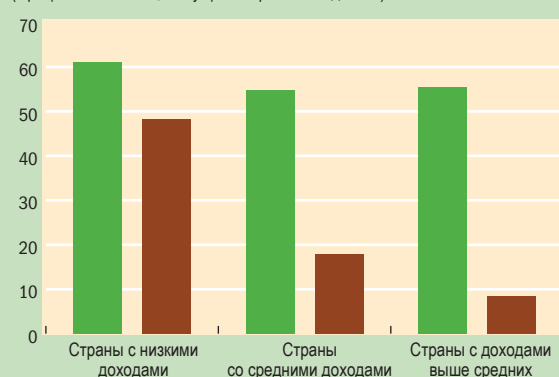
Примечание. Данные по 163 странам. Красные столбцы показывают годы мирового спада. Паритет покупательной способности представляет собой курс, по которому валюты должны были бы конвертироваться, чтобы приобрести одинаковое количество товаров и услуг в каждой стране.

Рисунок 7

Бедность стойко сохраняется

Крайняя бедность уменьшилась повсюду в мире, но меньше всего она сократилась в странах с низкими доходами, а больше всего — в странах с доходами выше средних.

(Процент населения, живущего в крайней бедности)



Источник: база данных Всемирного банка World Development Indicators.

Примечание. Крайняя бедность определяется ежедневным доходом на душу населения в размере менее 1,25 доллара. Доход измеряется по паритету покупательной способности, представляющему собой курс, по которому валюты должны были бы конвертироваться, чтобы приобрести одинаковое количество товаров и услуг в каждой стране. В 2013 году страны с низкими доходами имели валовой национальный доход (ВНД) на человека в год ниже 1045 долларов. ВНД в странах со средними доходами на человека составляет от 1045 долларов до 12 746 долларов. Страны с доходами выше средних имеют ВНД на душу населения от 4125 долларов до 12 746 долларов.

и стран с формирующимся рынком увеличилась доля доходов, получаемых богатейшим одним процентом населения (см. рис. 8). Например, в США сегодня на один процент самых богатых людей приходится примерно 18 процентов национального дохода по сравнению с примерно 8 процентами 50 лет назад.

Принципиальной задачей в области создания мировой экономики иного типа является изменение климата. Выбросы углекислого газа существенно увеличились, особенно в последние двадцать лет, и, как представляется, это ведет к целому спектру проблем, включая повышение уровня морей, таяние ледников и более экстремальные погодные условия. За период с 1960-х годов количество отмеченных природных катаклизмов, связанных с погодными условиями, увеличилось более чем в три

В то время как достижение экономического роста имеет принципиальное значение для преодоления многих проблем, этот рост должен включать все сегменты общества.

раза. Помимо крайней бедности, страны с низкими доходами подвержены опасностям, обусловленным изменениями климата. Хотя в последние 25 лет отмечался прогресс в регулировании мировых выбросов парниковых газов, еще предстоит проделать значительную большую работу для сглаживания негативных последствий изменения климата.

Взгляд в будущее, взгляд в прошлое

За период с 1964 года мировая экономика прошла через период кардинальной трансформации. Головокружительные темпы технологического прогресса и международной интеграции привели к формированию истинной глобальной деревни,

в которой страны стали намного ближе друг к другу благодаря более быстрым и качественным средствам связи и более прочным торговым и финансовым связям, чем можно было представить себе 50 лет назад. В мировой экономике произошел сдвиг с двухполярной к многополярной модели, где теперь на страны с формирующимся рынком приходится львиная доля мирового роста. Во многих уголках мира отмечается значительный прогресс в повышении уровня жизни. Однако по-прежнему требуется значительная работа по совершенствованию макроэкономической и финансовой политики, чтобы создать возможность более адекватных ответных мер в случае финансовых кризисов, а также чтобы добиваться уменьшения бедности и неравенства.

Хорошая новость заключается в том, что существует явное признание этих масштабных проблем. И через многосторонние организации, такие как Международный Валютный Фонд и Всемирный банк, которому в этом году исполнится 70 лет, прилагались согласованные усилия по их решению. МВФ предпринял шаги по совершенствованию своих рекомендаций по предотвращению и урегулированию кризисов и укрепил свои механизмы надзора за макроэкономической ситуацией и финансовым сектором. Банк осуществил меры, направленные на достижение своих новых «двойных» целей: искоренения крайней бедности на общемировом уровне в пределах одного поколения и продвижения «совместного процветания», задача которого — повысить благосостояние более бедных сегментов общества. Есть также сложившееся общее мнение о том, что, хотя достижение экономического роста имеет принципиальное значение для преодоления многих проблем, этот рост должен включать все сегменты общества, не оказывать негативного влияния на окружающую среду и быть устойчивым в долгосрочной перспективе.

Ведутся оживленные дискуссии относительно будущего мировой экономики после мирового финансового кризиса. Некоторые утверждают, что страны с развитой экономикой, вероятно, войдут в период долговременной стагнации вследствие неверной ориентации политики. Другие придерживаются мнения, что период динамичного роста закончился, поскольку сегодняшние нововведения дают меньшие результаты, чем принципиальные технологические сдвиги в прошлом. При этом имеется еще одна точка зрения, согласно которой у мировой экономики есть огромный потенциал для здорового скачка роста в предстоящие десятилетия. Реализации этого потенциала могут способствовать нововведения, надлежащие меры политики, а также динамичные страны с формирующимся рынком и страны с пограничной экономикой.

Никто не мог с точностью предсказать изменения, которые претерпела мировая экономика в последние полвека. И никто не может предсказать, что будет написано в подобной статье в 2064 году. Но одно предсказание верно сегодня, как и в песне Боба Дилана, прозвучавшей 50 лет назад: «времена, они меняются». ■

М. Айхан Кёсе — директор Группы перспектив развития во Всемирном банке; Эзги О. Озтюрк — исследователь в Исследовательском департаменте МВФ.

Литература:

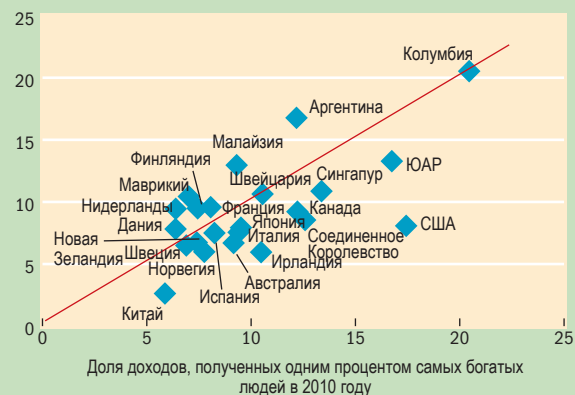
- Alvaredo, Facundo, Tony Atkinson, Thomas Piketty, and Emmanuel Saez, 2014, The World Top Incomes Database. <http://topincomes.g-mond.parisschoolofeconomics.eu>
- Kose, M. Ayhan, and Marco E. Terrones, forthcoming, Collapse and Revival: Understanding Global Recessions and Recoveries (Washington: International Monetary Fund).
- Laeven, Luc, and Fabián Valencia, 2013, "Systemic Banking Crises Database," IMF Economic Review, Vol. 61, No. 2, pp. 225–70.

Рисунок 8

Увеличение неравенства

Доля дохода, полученного одним процентом самого богатого населения, в большинстве стран увеличилась за последние 50 лет.

(Доля доходов, полученных одним процентом самых богатых людей в 1965 году)



Источник: Alvaredo et al. (2014).

Примечание. Данные по 23 странам с развитой экономикой и с формирующимся рынком. Данные за 1965 год и за 2010 год являются данными за соответствующие годы или данными за ближайший год, за который доступна информация.

Магический кристалл

Оценка тенденций и факторов неопределенности, которая может помочь подготовиться к решению будущих экономических проблем

Калпана Кочхар, Ян Сун, Эвридики Тсунта и Никлас Вестелиус

«Все предсказания ошибочны: такова одна из немногих достоверных истин, данных человеку»

— Милан Кундера

МИРОВАЯ экономика проходит через серию преобразований, которые делают будущее в значительной мере неопределенным, сложным и непредсказуемым. Некоторые преобразования, такие как восстановление после мирового финансового кризиса, являются циклическими, другие, такие как демографические процессы и быстрое усиление взаимосвязанности, носят более долгосрочный и структурный характер. Будущее определяется взаимодействием этих преобразований; в результате экстраполяция прошлого становится все менее надежным средством предсказания будущего.

С учетом уроков прошедшего мирового финансового кризиса, в прошлом году в МВФ началась работа с целью в большей степени ориентировать деятельность Фонда в ближайший период на управление переходом от кризиса к долгосрочным перспективам. Эта работа была сосредоточена на выявлении глубинных течений и связанных с ними факторов неопределенности, которые будут формировать наш мир в ближайшие десятилетия. Понимание их природы, темпов и, главное, характера их взаимодействия имеет решающее значение для подготовки к будущим вызовам и для учета рисков, которые могут привести к новым кризисам.

Конечно, выяснить, какие тенденции и факторы неопределенности могут формировать будущее мировой экономики, также весьма сложно. Основываясь на широких внутренних и внешних консультациях, персонал МВФ ограничил свой анализ несколькими критически важными тенденциями и факторами: демографией, рассредоточением влияния, устойчивостью ресурсов и окружающей среды, взаимосвязанностью экономики и неравенством доходов. Они были сочтены особенно актуальными для МВФ и его стран-членов ввиду своего потенциально большого влияния на устойчивость и стабильность экономического роста. Эти факторы не следует интерпретировать как параметры прогноза будущего, и их эволюция с течением времени также неясна.

Демографические проблемы

Согласно прогнозам, население мира к 2030 году увеличится до более чем 8 миллиардов и будет стареть беспрецедентными темпами; в 2020 году, впервые в истории, в мире будет меньше детей младше 5 лет, чем людей в возрасте 65 лет и старше (NIA, 2007). Во всех регионах, кроме Африки к югу от Сахары, доля пожилого населения будет расти быстрее, чем доля населения трудоспособного возраста; в результате повысятся расходы, связанные со старением. В то же время,

увеличение продолжительности жизни означает, что люди могут работать дольше. Некоторые страны с формирующимся рынком, включая Китай, могут «постареть, прежде чем разбогатеют» вследствие сокращения численности населения. Но многим развивающимся странам, особенно в Африке к югу от Сахары и Южной Азии, потребуется создать рабочие места для новых участников рынка труда в условиях быстрого роста населения. Изменения демографической структуры могут также влиять на сбережения и инвестиции в отдельных странах и изменять будущие глобальные потоки финансовых и трудовых ресурсов.

Глобальное влияние уже не сосредоточено в одном центре

Глобальное экономическое влияние постепенно перераспределяется от стран с развитой экономикой к странам с формирующимся рынком и развивающимся странам, наряду с укреплением влияния неправительственных организаций, транснациональных корпораций и городов на национальном и международном уровнях.

В 1992 году на страны с развитой экономикой приходилось две трети мирового ВВП (по паритету покупательной способности), но к 2012 году их вклад сократился до менее чем половины мирового ВВП (МВФ), в то время как города становятся центрами влияния: около 60 процентов



сегодняшнего мирового ВВП создается в 600 городских центрах (McKinsey, 2011).

Вместе с тем, динамика будущих сдвигов влияния далеко не ясна. Рост экономики стран с формирующимся рынком и развивающихся стран может быть неравномерным, и усиление влияния городов и негосударственных структур, таких как транснациональные корпорации и неправительственные организации, может столкнуться с трудностями. Еще предстоит выяснить, будет ли рассредоточение влияния укреплять или ослаблять способность мирового сообщества к сотрудничеству и решению общих проблем. Перераспределение влияния от стран с развитой экономикой к странам с формирующимся рынком и развивающимся странам создаст прекрасные возможности для сохранения глобальной стабильности и повышения стойкости экономики и потенциала роста, поскольку в результате больше стран будут заинтересованы в совместном повышении мирового благосостояния. В то же время, наличие нескольких игроков с различными интересами может также привести к нарастанию конфликтов и нестабильности или же к инерции и бездействию в экономической политике.

Спасение планеты

Ввиду более высоких и более изменчивых цен на сырьевые товары в последнее десятилетие возобновились опасения по поводу дефицита природных ресурсов. Усиливаются также признаки изменения климата, последствия которого, по прогнозам, будут распространяться далеко за границы отдельных стран; с 1997 года имели место 12 самых теплых лет за период, по которому имеются данные, наряду с повышением уровня моря и таянием ледников (GISS, 2012). Если уже сейчас не принять корректирующие меры, рост мирового населения и доходов будет создавать все большее давление на природные (например, водные) ресурсы и окружающую среду. Нехватка ресурсов и ухудшение состояния окружающей среды, скорее всего, будут оказывать непропорционально большое воздействие на развивающиеся страны. В прошлом решению проблем способствовал научно-технический прогресс, но этого, возможно, будет недостаточно для достижения баланса между поддержкой экономического роста и охраной окружающей среды. Необходимо уже сейчас принимать своевременные и скоординированные меры, чтобы избежать потенциально тяжелых последствий во второй половине этого столетия.

Все в одной подке

Мировой финансовый кризис послужил тревожным сигналом. Мир становится все более интегрированным посредством все более сложных связей, что способствует распространению как благополучия, так и рисков. Торговые и финансовые связи между странами резко возросли — объем мирового экспорта теперь в шесть раз больше, чем два десятилетия назад (МВФ). Финансовые посредники расширили деятельность через сети дочерних компаний и филиалов, и корпорации все быстрее становятся глобальными. Трудовая миграция также увеличилась; сегодня за рубежом проживает больше людей, чем когда-либо — 232 млн, на 33 процента больше, чем в 2000 году (ООН, 2013). Технологии расширили доступ к информации и повысили скорость передачи и обработки данных.

Рост взаимосвязанности, вероятно, будет продолжаться, но существует значительная неопределенность относительно его темпов, характера и влияния на риски. Этот процесс благоприятен для мировой экономики, но он может также привести к нарастанию системных рисков, способствовать распространению потрясений и увеличить потенциальные издержки кризисов. Неясно, сможем ли мы в нашем понимании роста взаимосвязей идти в ногу с его постоянно меняющимися темпами и характером.

Распределение общего богатства

За последние несколько десятилетий существенно возросло неравенство доходов. Глобализация и технический прогресс вывели миллиарды людей из нищеты, но при этом способствовали росту неравенства доходов. Есть немало оснований полагать, что это неравенство сохранится, учитывая его инерцию и взаимодействие между неравенством и политической поляризацией, еще более затрудняющее достижение консенсуса относительно перераспределительных мер политики. Сохраняющееся неравенство угрожает росту и макроэкономической стабильности.

Сложные задачи на будущее

Как эти тенденции и факторы неопределенности будут развиваться, взаимодействовать и определять будущее мировой экономики? С помощью анализа сценариев (инструмента управления, часто используемого для построения альтернативных вариантов будущего в целях стратегического планирования) нетрудно спроектировать будущую ситуацию, в которой напряженность и риски возникают в различных сферах, развиваются более неожиданно и взаимно усиливаются, испытывая пределы наших возможностей по поддержанию стабильности и общего процветания. Например, в свете глобальной взаимосвязанности и рассредоточения влияния, в будущем можно ожидать одновременно большей интеграции и большей политической и социальной фрагментации, с серьезными последствиями для сотрудничества в области политики на различных уровнях. Кроме того, экономический рост может повысить уровень жизни, но может также повлечь за собой экологические, социальные и политические издержки, подрывая некоторые из преимуществ роста и тем самым его устойчивость.

Сложность и неопределенность будущего развития создают как возможности, так и проблемы для МВФ и его членов. Настоящее значение будут иметь глобальные общественные блага, в том числе, например, более крупная мировая система финансовой защиты в более взаимосвязанном мире и глобальные решения проблем изменения климата. МВФ должен продолжать осуществлять свои неизменные функции по поддержанию мировой экономической и финансовой стабильности в условиях этих меняющихся обстоятельств и потребностей.

Американский активист движения за гражданские права Малкольм Икс сказал, что будущее принадлежит тем, кто готовится к нему сегодня. В эпоху перемен и преобразований это высказывание, пожалуй, как никогда справедливо.

Калпана Кочхар — заместитель директора, Ян Сун — заместитель начальника подразделения, Эвридики Тсунта и Никлас Вестелиус — старшие экономисты Департамента стратегии, политики и анализа МВФ. ■

Литература:

- Goddard Institute for Space Studies (GISS), 2012, *Surface Temperature Analysis* (New York).
- International Monetary Fund (IMF), *World Economic Outlook database* (Washington, various years).
- McKinsey Global Institute, 2011, *Urban World: Mapping the Economic Power of Cities* (Seoul, San Francisco, London, Washington).
- National Institute on Aging (NIA), 2007, *Why Population Aging Matters: A Global Perspective* (Washington).
- United Nations (UN), 2013, *International Migration and Development: Contributions and Recommendations of the International System* (New York).

Грядущие проблемы

Пять лауреатов Нобелевской премии обсуждают то, что каждый из них считает наиболее серьезной проблемой, стоящей перед мировой экономикой будущего

Глобальное потепление Вторая неудобная правда

Джордж А. Акерлоф

ЛЮДИ размышляют, пользуясь историями (или повествованиями). Расскажите неправильную историю — и вы попадете в неприятную ситуацию. Американский лингвист и антрополог-любитель Бенджамин Ли Ворф описал этой явление в 1920-е годы. На своей дневной работе техника по пожарной безопасности он заметил, что большое число пожаров происходит на бензоколонках. Используя свои лингвистические познания, Ворф установил, что работники, перемещавшие бочки с бензином, которые раньше использовались для перевозки этого топлива, курили рядом с бочками, которые, как им было «известно», были «пустыми».

Аналогичное повествование сейчас ставит мир в очень затруднительное положение. Каждые несколько лет мировые ли-

Истории, которые мы себе рассказываем о глобальном потеплении, слишком холодные и осторожные.

деры собираются на большой форум: Рио-де-Жанейро, Киото, Йоханнесбург, Копенгаген. Делаются торжественные декларации, но решительные действия против глобального потепления вновь откладываются на потом. Формулировки относительно глобального потепления не побуждают ни отдельных людей, ни их правительства предпринимать действия сегодня.

Одно простое повествование является убедительным и правдивым. Атмосфера земли действует подобно защитному покрывалу вокруг нас. Это покрывало позволяет проникать энергии солнца, поэтому солнце нагревает Землю, а затем атмосфера благотворно замедляет темпы излучения тепла наружу.

У человечества есть общий ребенок — Земля. Год за годом покрывало атмосферы вокруг нашего ребенка становится все более плотным. Даже короткая поездка на машине общей продолжительностью 100 миль, во время которой потребляется пять галлонов бензина, добавляет в атмосферу 100 фунтов



Джордж А. Акерлоф получил Нобелевскую премию по экономике в 2001 году. Он является приглашенным научным сотрудником в Исследовательском департаменте МВФ, почетным профессором экономики в Калифорнийском университете в Беркли, а также автором нескольких книг; самая последняя работа, написанная совместно с Рэйчел Крэнтон, — «Экономика идентичности: как наша идентичность определяет нашу работу, зарплату и благополучие» (Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being).

двуокиси углерода. За счет таких невинных действий средняя семья в США, например, добавляет к этому покрывалу Земли 1800 фунтов в неделю. Сложите все семьи во всем мире, добавьте немного науки к нашему интуитивному пониманию ситуации с детьми и покрывалами, и тогда легко понять, что мир, скорее всего, становится все теплее и теплее.

Любой родитель в таких условиях бросился бы на помощь ребенку. Но истории, которые мы себе рассказываем о глобальном потеплении, слишком холодные и осторожные. Мы читаем декларации Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Мы полагаемся на выводы «ученых». Ученые высказывают свое мнение, практически единогласно, зачастую со страстной убежденностью и твердостью, но профессиональная беспристрастность науки заглушает идею. Помню, как примерно 20 лет назад сидел на ужине рядом со знаменитым астрономом. Не зная, что сказать астроному, я затронул тему изменения климата. «У нас еще нет подтверждения того, что глобальное потепление вызвано антропогенным изменением климата», — заявил он.

(продолжение на стр. 19)

Увеличение спроса Непреодоленный кризис

Пол Кругман

В СЕРЕДИНЕ второго десятилетия XXI века наиболее серьезной проблемой, стоящей перед мировой экономикой, или по крайней мере перед относительно богатыми странами, является проблема, которую многие экономисты не ожидали столкнуться. Впервые с 1930-х годов мир, по-видимому, страдает от сохраняющегося недостаточного спроса; люди просто не тратят в достаточной мере для использования имеющегося производственного потенциала. Это должно было быть решенной проблемой, которая досаждала нашим дедам, но не должна была вернуться. Но она вернулась, а ее решение остается труднодостижимым.

Позвольте мне привести некоторые приблизительные общие цифры. Если мы возьмем агрегированный показатель МВФ по «странам с развитой экономикой» из его базы данных «Перспектив развития мировой экономики», мы обнаружим, что совокупный реальный ВВП этих стран с 2000 года по 2007 год возрос на 18 процентов. Прогнозы, сделанные в тот период, предусматривали продолжение роста аналогичными темпами в среднесрочной перспективе. В действительности сейчас рост в странах с развитой экономикой, по-видимому, с 2007 года по 2014 год со-

Наши экономические директивные органы плохо приспособлены для преодоления устойчивого и весьма значительного дефицита спроса.

ставил всего примерно 6 процентов, что подразумевает снижение на 10 процентов по сравнению с тем, что мы считали трендом.

Справедливо, как многие утверждают, что фактический размер резервных мощностей в экономике намного меньше; согласно оценке базы данных ПРМЭ, текущий разрыв между фактическим и потенциальным объемом производства по странам с развитой экономикой в целом составляет всего 2,2 процента. Но было бы весьма ошибочно принять низкую оценку разрыва в объеме производства за признак того, что неудачи экономической политики в конечном счете не такие значительные, по двум причинам.

Во-первых, мы в действительности не знаем, насколько ниже потенциала работает экономика. Являются ли значительные снижения коэффициента участия в рабочей силе США или производительности в Великобритании долгосрочными или циклическими, результатом ухода работников с рынка труда, поскольку они не видят возможностей для трудоустройства? Является ли стабильность инфляции на низких уровнях свидетельством того, что загрузка мощностей близка к потенциалу, или она вызвана нежеланием работников согласиться с сокращением заработной платы, что делает кривую Филлипса (исторически обратную зависимость между уровнями безработицы и соответствующими темпами инфляции) плоской при низкой инфляции? Никто не знает ответов, и было бы трагедией согласиться с низким уровнем объема производства и высокой безработицей как с неизбежностью, когда они могут просто отражать недостаточный спрос.

Во-вторых, если рост производительного потенциала действительно снизился на такую величину, на которую указывают оценки, то это является свидетельством мощных долгосрочных



Пол Кругман получил Нобелевскую премию по экономике в 2008 году. Он является профессором экономики и международных отношений в Принстонском университете, колумнистом газеты New York Times и автором ряда книг, самая последняя из которых — «Покончить с этим спадом сейчас!» (End This Depression Now!)

последствий якобы краткосрочных экономических трудностей: допущенное закрепление глубокой мировой рецессии, по-видимому, со временем привело к существенному ухудшению долгосрочных экономических перспектив. Это, в свою очередь, означает, что поддержание достаточного спроса имеет огромное значение не только на краткосрочную, но и на долгосрочную перспективу.

Тогда в любом случае увеличение спроса должно стать безотлагательной первоочередной задачей. К сожалению, после 2007 года мы убедились в том, что экономические директивные органы плохо приспособлены для преодоления устойчивого и весьма значительного дефицита спроса.

Во время «Великой умеренности» (как называли американские экономисты Джеймс Сток и Марк Уотсон снижение в США макроэкономической волатильности в середине 1980-х годов) мы считали, что разработка и проведение макроэкономической политики успешно контролируются. Управление спросом было вверено технократам в независимых центральных банках, тогда как в налогово-бюджетной политике основной упор делался на долгосрочные проблемы. Однако в условиях мощных и продолжительных шоков эта система, оказывается, выходит из строя. С одной стороны, центральные банки сдерживаются как нулевой нижней границей (тем фактом, что процентные ставки не могут стать отрицательными), так и опасениями относительно размеров их балансов. С другой стороны, налогово-бюджетная политика отнюдь не помогала и вскоре стала приводить к ухудшению ситуации. Ее сдерживала как асимметрия между должниками и кредиторами (первые были вынуждены сокращать расходы, а последние не были обязаны их увеличивать), так и внутренней политической борьбой. Иногда я шучу, что между Европой и США идет соревнование за то, кто может принять худшие антикризисные меры; Европа сейчас выигрывает, но США отстает немалым.

Было бы приятно считать, что эти проблемы имеют временный характер, возможно, они таковыми и являются. Но стабильность «Великой умеренности», как мы сейчас понимаем, была основана на увеличивающемся долге населения и на относительно быстром росте населения трудоспособного возраста; ни одно из этих условий не вернется, и практически нет признаков поворота в экономической политике.

Поэтому недостаточный спрос все еще представляет собой очень большую проблему и, вероятно, будет оставаться таковой в течение длительного периода. Нам необходимо найти выход из этой ситуации. ■

Длительный застой

Богатые страны не могут переключиться с нейтральной скорости

Роберт Солоу

НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ вероятным, что в течение следующих 50 лет у мира кончатся острые экономические проблемы. В первоочередной список любого наблюдателя, скорее всего, войдут преодоление причин и последствий изменения климата, действия, или бездействие, в ответ на растущее неравенство доходов и богатства в рамках национальной экономики, а в случае богатых стран — перелом видимой тенденции к созданию (в результате сочетания изменений технологии и спроса) рабочих мест в верхней и нижней части спектра квалификации/зарплат, но крайне недостаточного числа мест в его середине, или адаптация к этой тенденции.

Однако я хочу предложить вопрос, имеющий, очевидно, менее космические масштабы, и это действительно вопрос: переживают ли богатые страны Европы и Северной Америки, а также Япония период так называемого длительного застоя, который, скорее всего, не является мимолетным? Мой довод в пользу выбора этого вопроса состоит в том, что при положительном ответе и отсутствии выхода из этой ловушки в ближайшее время, вероятность успешных мер для решения более масштабных проблем немного уменьшается.

Термин «длительный застой», впервые появившийся в трудах американского экономиста Элвина Хансена в 1930-х годах, подразумевает устойчивую тенденцию национальной экономики (или

В последние годы лишь «пузыри» могли обеспечить процветание, и мы знаем, что это не может продолжаться долго.

группы стран) не только испытывать медленный рост, но, более конкретно, с трудом достигать или вообще не достигать использования производительного потенциала в полном объеме. Тогда это явление характеризовалось бы как нехватка инвестиционных возможностей, обеспечивающих норму прибыли, приемлемую для инвесторов. Сегодня более распространенное краткое описание указывало бы, что реальная процентная ставка, соответствующая полной загрузке мощностей, является отрицательной и не может достигаться последовательно.

Каковы свидетельства того, что длительный застой в настоящее время является угрозой? Они состоят из двух частей. Первая часть — это аргумент (который наиболее решительно отстаивает американский экономист Роберт Гордон) о том, что в будущем как население, так и совокупная факторная производительность будут расти более медленно, чем в славном прошлом. Демографический прогноз является весьма надежным. Убедительность пессимизма относительно роста совокупной факторной производительности (эффективности капитала и труда) основана в основном на вере в то, что волна информационных технологий просто не сможет привести к такому увеличению производства/благополучия, как это сделали в прошлом великие научно-технические волны прошлого, — двигатели внутреннего сгорания, электрификация, урбанизация. Этот довод о длительном застое сохраняет



Роберт Солоу получил Нобелевскую премию по экономике за вклад в теорию экономического роста в 1987 году. Он является почетным профессором экономики в Массачусетском технологическом институте.

силу, даже если этот сценарий медленных темпов роста имеет значительную вероятность того, что он реализуется.

Вторая часть аргумента следует из первой. Рост населения (благодаря «расширению» капитала) и научно-технический прогресс (благодаря потребности в инновационном потенциале) являются основными силами, которые не позволяли снижаться норме прибыли от частных инвестиций несмотря на повышение капиталоемкости и снижение отдачи. В будущем, характеризующемся медленными темпами роста, сбережение продолжится, норма прибыли будет снижаться, а частные инвестиции ослабнут.

Кроме того, утверждается, что новейшая история подтверждает этот пессимизм. В последние годы лишь «пузыри» (интернет-компании, жилье) могли обеспечить процветание, и мы знаем, что это не может продолжаться долго. Сейчас, спустя пять лет после официального окончания последнего спада, ни в США, ни в Европе, ни тем более в Японии не смогли восстановить производство до уровня, сколь либо похожего на полное использование мощностей. Эта низкая экономическая активность в течение продолжительного времени, по крайней мере, соответствует идее длительного застоя.

Но не полностью. Вялый частный спрос в значительной мере можно объяснить сокращением расходов на строительство, как жилищное, так и коммерческое. (Это также могло привести к исчезновению многих высокооплачиваемых рабочих мест.) Нет никаких загадок в том, что касается причин. В странах, испытывавших вздутые цены на жилье в годы перед кризисом, остался избыточный фонд жилья и подавленный ипотечный рынок. Нечто подобное происходило на рынке офисных зданий и других коммерческих зданий.

Тем не менее, некая загадка сохраняется. По крайней мере, в США коммерческие инвестиции восстановились после спада лишь частично, хотя прибыли корпораций являются очень высокими. В результате, как указали в неопубликованной работе старшие научные сотрудники Института Брукингса Мартин Бэйли и Барри Босуорт, сбережения предприятий превышают их инвестиции с 2009 года. Сектор корпораций, обычно являющийся чистым заемщиком, стал чистым кредитором остальной экономики. Это похоже на реакцию на ожидаемое снижение нормы прибыли от инвестиций, как предполагается в гипотезе о застое.

Осмотрительный вывод (в моде ли сейчас осмотрительность?) заключается в том, что гипотеза о застое не является абсолютно правильной, но она не является и крайне маловероятной. Тревоги Хансена были развеяны Второй мировой войной и последовавшим увеличением роли государства. Сейчас нам следует начинать думать о надлежащих ответных мерах экономической политики. ■

Всеобъемлющий характер

Создание возможностей для роста в развивающихся странах и адаптация к нему

Майкл Спенс

В МИРОВОЙ экономике существует много насущных проблем, но, на мой взгляд, важнейшей задачей является адаптация к росту в развивающихся странах и завершение процесса сближения уровней развития, который начался после Второй мировой войны. Это сулит не только масштабное сокращение бедности, но и расширение возможностей для здоровой, производительной и творческой жизни 85 процентов мирового населения, которые впервые за послевоенный период испытали существенный экономический рост. Это масштабное усиление всеобъемлющего характера может стать определяющей характеристикой столетия. Но эту идею проще озвучить, чем реализовать.

Всеобъемлющий характер потребует изменений в менталитете, ответных мерах политики и институтах — международных и национальных. Цель заключается в том, чтобы сделать подъем в развивающихся странах наиболее благотворным, даже если мощные переходные процессы вызовут сдвиги в относительных ценах, радикальные изменения в структуре экономики как в странах с развитой экономикой, так и в развивающихся странах, а также перемены в распределении доходов и богатства.

Процесс сближения, если он будет успешным, увеличит в три раза величину мировой экономики в течение следующих 25–30 лет — намного больше, если исходной точкой считать начало процесса сближения, 1950 год, а не сегодня. Попытка осуществить этот переход без корректировки использования природных ресурсов в мире приведет либо к замедлению и остановке роста, или, что хуже того, к катастрофическому провалу после достижения экологической критической точки. Для создания возможностей подъема в развивающихся странах крайне необходима экологическая устойчивость.

Все экономики опираются на основу, состоящую из материальных и нематериальных активов. Часто возможно поддерживать рост в течение некоторого времени при недостаточных инвестициях и расходовании этих активов или, по крайней мере, сохранении их на одном уровне, но это не может продолжаться бесконечно. Мы узнаем, что природный капитал является важным подклассом активов, которые лежат в основе мировой экономики. Недостаточное инвестирование в природный капитал не только уменьшит качество роста, но в конечном итоге ухудшит рост его или даже приведет к спаду. Именно поэтому текущая работа по измерению природного капитала является важным шагом в переходе к моделям роста на глобально устойчивой основе.

Кроме того, есть проблемы распределения. В странах с развитой экономикой технологические процессы и глобальные рыночные силы приводят к сокращению или ликвидации все более широкого спектра рабочих мест за счет автоматизации, устранения посредников и перевода производств за рубеж в рамках развивающихся глобальных цепей поставок. Поскольку это происходит так быстро, рынки труда несбалансированы; человеческий капитал не соответствует меняющейся стороне спроса мировой экономики. Ускорение возврата к равновесию является важнейшей первоочередной задачей для экономического роста и справедливого распределения дохода практически



Майкл Спенс получил Нобелевскую премию по экономике в 2001 году. Он является профессором экономики в Школе бизнеса им. Стерна Нью-Йоркского университета, почетным научным сотрудником в Совете по внешним связям, старшим научным сотрудником в Гуверовском институте при Стэнфордском университете и председателем академического совета Глобального института Фуна.

повсеместно. Но даже если этот процесс пойдет быстрее, чем сейчас, неравенство сохранится.

В настоящее время отсутствует единое мнение о том, как преодолеть различные существующие формы неравенства. Некоторые считают, что мы должны уделять основное внимание бедности и позволить рыночным силам решать все остальные

Всеобъемлющий характер потребует изменений в менталитете, ответных мерах политики и институтах — международных и национальных.

вопросы. Другие беспокоятся о тех, кто проиграл во всех отношениях (например, о безработной молодежи) и распределении бремени, особенно после масштабных экономических шоков, подобных испытанному недавно. Третьи уделяют основное внимание абсолютным, а не относительным выгодам и потерям, и выделяют абсолютные изменения. Несмотря на эти различия большинству обществ, развитых и развивающихся, присуще стремление к социальному продвижению последующих поколений. Здесь в разных странах наблюдаются различные тенденции, во многих странах они являются тревожными.

Если трудо- и капиталосберегающие, благоприятствующие работникам с высокой квалификацией цифровые технологии являются такими мощными, как считают многие из нас, то они приведут к значительному росту производительности. Неочевидно, по крайней мере в странах с высокими доходами, что полученный «излишек» будет использован для производства и потребления еще большего объема товаров и услуг. Возможно, его следует использовать для увеличения свободного времени. Возможно, рабочая неделя станет — или должна стать — в среднем более короткой. Если это так, то нам потребуются более полные показатели благосостояния, чем совокупная стоимость товаров

(продолжение на стр. 19)

Неравенство

Экономика должна служить обществу

Джозеф Е. Стиглиц

ОСНОВНАЯ борьба в мировой экономике после Второй мировой войны являлась борьбой альтернативных экономических систем: какая система — коммунизм или капитализм — обеспечивает лучший путь достижения роста и процветания для всех? С падением Берлинской стены эта битва была завершена. Но возникает новая борьба: какая форма рыночной экономики работает лучше всего?

В течение длительного времени американский демократический капитализм добивался видимого триумфа. США настаивали на дерегулировании, приватизации и либерализации во всем мире за счет комплекса мер политики, который стал называться Вашингтонским консенсусом. Но затем наступил мировой финансовый кризис 2008 года, когда государство спасло рынок от его эксцессов. Попытка свести к минимуму роль государства потерпела провал и вынудила государство принимать беспрецедентные меры.

После кризиса многие стали более внимательно присматриваться к экономической системе США. В условиях, когда medianные доходы не росли более четверти века, стало ясно, что эта

Высокий и растущий уровень неравенства в США является результатом мер политики США.

система не отвечала нуждам большинства граждан, даже если она успешно работала для самых богатых. Даже политическая система стала подвергаться сомнению: экономическое неравенство трансформировалось в политическое неравенство, наглядным свидетельством чего является способность банков, которые вызвали кризис, противодействовать реформам, которые большинство экономистов считало необходимыми для предотвращения повторения кризиса. Демократия означает не только проведение регулярных выборов политических руководителей, и результаты американской демократии, по-видимому, все больше соответствуют принципу «один доллар, один голос», чем принципу «один человек, один голос».

Французский экономист Томас Пикетти утверждает, что высокий уровень неравенства представляет собой естественное положение дел при капитализме — лишь в короткий промежуток времени после Второй мировой войны в результате солидарности, порожденной войной, ситуация была иной. Пикетти подтверждает то, что отметили другие наблюдатели: огромный рост неравенства доходов и богатства в прошлой трети столетия и растущее значение унаследованного богатства. Он предсказывает, что эти тенденции сохранятся.

Я считаю, что этот высокий и растущий уровень неравенства не является неизбежным результатом капитализма или последствием неумолимых экономических сил. Есть страны с намного более низкими уровнями неравенства — и с такими же высокими темпами роста, — граждане которых, особенно среди половины с более низкими доходами, находятся в гораздо лучшем положении, чем такие же люди в США. Некоторые страны в последние годы даже добились значительного снижения



Джозеф Е. Стиглиц получил Нобелевскую премию по экономике в 2001 году и в настоящее время является профессором Колумбийского университета и автором ряда книг; самая последняя работа, написанная совместно с Брюсом Гринвальдом, — «Создание обучающегося общества: новый подход к росту, развитию и социальному прогрессу» (Creating a Learning Society: A New Approach to Growth, Development, and Social Progress).

неравенства, в частности, Бразилия. Высокий и растущий уровень неравенства в США является результатом мер политики и политических решений США, и те страны, которые копируют подобные результаты. Неравенство является результатом эрзац-капитализма страны, где изобилуют монополии и олигополии, государственные льготы для корпораций и богатых, экстренная помощь для банков, недостатки в корпоративном управлении, и налоговое законодательство, которое позволяет самым богатым переводить свои средства в оффшорные налоговые убежища и платить намного меньше своей справедливой доли налогов.

Недавно МВФ обоснованно подчеркнул неблагоприятное воздействие этого неравенства на динамику экономических показателей. В своей книге «Цена неравенства» (*The Price of Inequality*) я объяснил, как мы можем одновременно иметь более высокий рост и стабильность и большее равенство — особенно в тех странах, где неравенство достигло крайних значений, как в США. Экономическая теория распространения благ сверху вниз не работает — о чем наглядно свидетельствуют данные по США. Это особенно справедливо, когда столь значительная часть неравенства вызвана извлечением ренты (наиболее богатые присваивают все большую долю национального пирога) и отсутствием равных возможностей, что означает, что самые бедные лишены шанса достичь своего потенциала.

Псевдокапитализм, возникший в США и некоторых других странах, является предсказуемым и предвиденным результатом ущербной демократии, которая позволяет экономическому неравенству превращаться в политическое неравенство в порочной среде, где увеличение неравенства в одной форме приводит к росту неравенства в другой форме.

Основная проблема, стоящая перед мировой экономикой в предстоящие десятилетия, заключается не просто в обуздании эксцессов рыночной экономики — например, предотвращении принятия чрезмерных рисков, хищнической практики кредитования и манипулирования рынком, столь ярко продемонстрированных финансовыми организациями в последние годы. Она связана с обеспечением работы рынков таким образом, каким они должны работать, — с сильной конкуренцией,

(продолжение на стр. 19)

(Акерлоф, продолжение со стр. 14)

Это утверждение было правильным на научном языке, оно сопровождалось, как следовало, надлежащей долей сомнения. Но для целей государственной политики ввиду высокой вероятности вызванного человеком глобального потепления такая осторожность является безрассудной. Родители не меряют температуру ребенка, чтобы принять решение о том, что в комнате слишком жарко; аналогичным образом, для глобального потепления нам необходимо повествование, которое побуждает нас сделать то, что необходимо.

Такое красноречие необходимо нам не только для самих себя, но и для наших правительств, которые приобретут легитимность и волю, необходимые для действий. Экономические аспекты глобального потепления хорошо понятны, насколько можно понять любую экономическую проблему, — лучший способ борьбы с ним (но сопряженный со значительными издержками) заключается во введении единого налога на выбросы углекислого газа; этот налог должен

повышаться до тех пор, пока выбросы не снизятся до желательных уровней. Оптимальная политика также требует субсидирования научных исследований и разработок методов уменьшения выбросов.

Но глобальное потепление представляет собой глобальную проблему, и выбросы поступают отовсюду, поэтому налоги и субсидии должны иметь глобальный характер. Каждая страна должна считать своим долгом участие в процессе. Нам необходимо заключить глобальный альянс, в котором «мы» все участвуем. Мы должны сказать себе, что нам необходимо вместе тянуть этот груз. Мы должны тянуть изо всех сил, независимо от того, что делают другие. Почему? Потому что Земля — наш драгоценный ребенок.

Таким образом, есть две неудобные правды. Первая заключается в самом глобальном потеплении. Вторая состоит в том, что мы еще не рассказываем себе истории, которые заставили бы нас бороться с потеплением. ■

(Спенс, продолжение со стр. 17)

и услуг, приобретенных в поддающихся учету рыночных операциях. Такое развитие событий невозможно, если модель занятости останется прежней, когда большинство работает полное рабочее время в традиционном смысле, а растущее меньшинство не имеет работы.

Что касается стабильности и международной координации экономической политики, то было бы несправедливо охарактеризовать их как сферу неудач. Генеральное соглашение по тарифам и торговле сыграло важнейшую роль в придании мировой экономике открытого характера, в создании равных условий и возможностей для роста в развивающихся странах. Правительства и центральные банки сотрудничают в условиях кризисов и вносят решающий вклад в их преодоление. Международные финансовые организации оказывают большое содействие сокращению бедности и экономической стабильности в странах с формирующимся рынком, а также проявляют гибкость в отношении экономической политики с учетом растущего понимания поведения мировой экономики и финансовых систем.

Но реформа системы управления в этих организациях отстает от изменений относительных размеров и влияния ведущих стран с формирующимся рынком. Это подрывает доверие и авторитет, и следовательно, способность координировать экономическую политику. Во-вторых, побочным эффектом,

особенно в области финансов и денежно-кредитной политики основные национальные директивные органы не уделяют почти никакого внимания, их мандаты предусматривают ориентацию на внутреннюю сферу. Представляется, что директивные органы регулируют центры в отдельных системах, не обращая внимания на более широкие последствия таких решений и циклы обратной связи.

Эффективное наднациональное управление в лучшем случае остается незавершенным проектом. Нужно лишь взглянуть на Европейский союз и зону евро, чтобы получить некоторое представление о трудностях приведения нормативных актов и макроэкономического управления в соответствие с растущей сетевой взаимозависимостью мировой экономики или ее компонентов. Основные проблемы связаны с суверенитетом, идентичностью и демократическим самоопределением.

Наши дети и внуки будут жить в мировой экономике, которая значительно крупнее, более взаимосвязана и характеризуется справедливым распределением экономического веса и полномочий, а также разнородностью в плане уровней дохода, стадий развития и культур. Понимание того, как сделать этот переход устойчивым, стабильным и справедливым, представляет собой важнейшую экономическую проблему для всех стран, будь то развитые или развивающиеся страны, и их граждан. ■

(Стиглиц, продолжение со стр. 18)

стимулирующей инновации, которые приводят к повышению уровня жизни, а не инновации, которые направлены на присвоение большей доли национального дохода и обход правил, призванных обеспечить успешную деятельность экономики. Она связана не только с энергичным экономическим ростом, но и с общим благосостоянием. Она предусматривает обеспечение работы экономики на благо общества, а не работы общества на благо экономики. Когда экономические «достижения», связанные с глобализацией или с созданием евро, ведут

к значительному сокращению зарплат или государственных пособий для широких масс населения, мы должны спросить, не перепутали ли мы средства и цели.

Основная задача, стоящая перед глобальной политикой, состоит в обеспечении того, что демократические процессы действительно представляют интересы обычных граждан. Преодолеть власть денег в политике будет нелегко. Но если мы этого не сделаем, то мы будем сталкиваться с разочарованием в нашей экономике и в нашей демократии. ■

Поколение NEXT

25 экономистов в возрасте до 45 лет, которые определяют наши взгляды на мировую экономику

МЫ попросили вас, наши читатели, и различных международных экономистов и редакторов журналов рассказать, какие экономисты в возрасте до 45 лет будут оказывать самое большое влияние на наши взгляды относительно мировой экономики в ближайшие десятилетия. Научный сотрудник Ф&Р Кармен Роллинс собрала информацию из десятков источников, чтобы составить этот (отнюдь не исчерпывающий) список экономистов, к которым следует прислушаться.

Николас Блум, 41 год, Великобритания, Стэнфордский университет, использует количественные исследования для измерения и анализа методов управления в различных компаниях и странах. Также занимается исследованием причин и последствий неопределенности и изучает инновации и информационные технологии.

Иван Вернинг, 40 лет, Аргентина, МТИ, макроэкономист, который стремится усовершенствовать налоговую политику и страхование на случай безработицы с помощью теоретических экономических моделей. Наряду с оптимальным налогообложением, он изучает стабилизационную и денежно-кредитную политику, в том числе макропруденциальную политику.



Джастин Волферс, 41 год, Австралия и США, Институт международной экономики имени Питерсона и Мичиганский университет (в академическом отпуске), изучает экономику труда, макроэкономику, политическую экономику, связь права и экономики, социальную

политику и поведенческую экономику. Помимо исследовательской деятельности Волферс ведет авторскую колонку в *The New York Times*.

Ксавье Габэ, 43 года, Франция, Нью-Йоркский университет, исследует поведенческую экономику, финансы и макроэкономику, включая уровни оплаты труда руководителей корпораций и оценку стоимости активов.



Мэтью Гентцков, 39 лет, США, Чикагский университет, применяет микроэкономические эмпирические методы к экономике новостных СМИ, включая экономические силы, обуславливающие создание медиа-продукта, средства коммуникации и цифровую среду, а также влияние СМИ на образование и участие гражданского общества.

Гита Гопинат, 42 года, США и Индия, Гарвардский университет, изучает международную макроэкономику и торговлю, особенно вопросы суверенного долга, влияния колебаний обменного курса на международные цены и быстрых изменений относительной стоимости различных мировых валют.

Мелисса Делл, 31 год, США, Гарвардский университет, изучает проблемы бедности и уязвимости через взаимосвязь между государственными и негосударственными субъектами, а также экономическим развитием и исследует то, каким образом реформы — например, ужесточение государственной политики по борьбе с насилием, связанным с наркотиками, — может отразиться на экономических показателях.



Эстер Дуфло, 42 года, Франция и США, Массачусетский технологический институт (МТИ) и центр исследования проблем бедности Jameel Poverty Action Lab, занимается микроэкономическими вопросами в развивающихся странах, включая поведение домашних хозяйств, образование, доступ к финансам, здравоохранение и оценку политики.



Олег Ицхоки, 31 год, Россия, Принстонский университет, специализируется на макроэкономике и международной экономике с акцентом на глобализации, неравенстве и показателях рынка труда, международных относительных ценах и обменных курсах, а также макроэкономической политике в открытых экономиках.



Джонатан Левин, 41 год, США, Стэнфордский университет, является экспертом в сфере промышленной организации и микроэкономической теории, в частности, экономических аспектов договорных отношений, организаций и устройства рынка.

Атиф Миан, 39 лет, Пакистан и США, Принстонский университет, изучает связи между финансами и макроэкономикой. Является соавтором получившей признание критиков книги «Дом долга» (*House of Debt*), в которой на основе убедительных новых данных показано, каким образом долг ускорил наступление Великой рецессии и продолжает угрожать мировой экономике.

Эми Накамура, 33 года, Канада и США, Колумбийский университет, макроэкономист, чья сфера исследований включает денежно-кредитную и налогово-бюджетную политику, циклы деловой активности, финансы, обменные курсы и макроэкономические измерения.

Натан Нанн, 40 лет, Канада, Гарвардский университет, занимается исследованиями экономической истории, экономического развития, политической экономики и международной торговли. Особый интерес для него представляют долгосрочные последствия исторических явлений, таких как работорговля и колониализм, для экономического развития.

Параг Патак, 34 года, США, МТИ, участвовал в применении инженерных подходов в микроэкономике. Его исследования посвящены устройству рынка, образованию и городской экономике.



Томас Пикетти, 43 года, Франция, Парижская школа экономики и Высшая школа социальных наук (EHESS), известен проведенным вместе с Эммануэлем Саезом исследованием распределения дохода и богатства. В его снискавшей огромную популярность книге «Капитал в XXI веке» утверждается, что глобальное неравенство будет увеличиваться, потому что норма прибыли на капитал в развитых странах превышает темпы экономического роста, что усугубляет неравенство в уровне благосостояния.



Хелен Рей, 43 года, Франция, Лондонская школа бизнеса, занимается изучением детерминант и последствий внешней торговли и финансовых дисбалансов, теории финансовых кризисов и организации международной валютной системы.



Эммануэль Саез, 41 год, Франция и США, Калифорнийский университет, Беркли, получил признание за использование как теоретических, так и эмпирических подходов к изучению неравенства доходов и налоговой политики.

Амит Серу, 40 лет, Индия, Чикагский университет, исследует финансовое посредничество и регулирование, а также вопросы, связанные с корпоративными финансами, включая распределение ресурсов внутри компаний и между ними и организационные стимулы.

Амир Суфи, 37 лет, США, Чикагский университет, соавтор книги «Дом долга» (*House of Debt*). Изучает связи между финансами и макроэкономикой, включая зависимость уровня расходов от цен на жилье и влияние корпоративных финансов на инвестиции.

Эммануэль Фархи, 35 лет, Франция, Гарвардский университет, макроэкономист, занимается вопросами монетарной экономики, международной экономики, финансов и государственных финансов, включая исследование глобальных дисбалансов, денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, а также налогообложения.

Томас Филиппон, 40 лет, Франция, Нью-Йоркский университет, изучает взаимодействие финансов и макроэкономки: премии за риск и инвестиции корпораций, финансовый кризис и системные риски, а также развитие финансового посредничества.



Ами Финкелштейн, 40 лет, США, МТИ, исследует влияние государственной политики на системы здравоохранения, вмешательство государства в работу рынков медицинского страхования и проблемы неэффективности рынка.

Кристин Форбс, 44 года, США, Банк Англии и МТИ, работала как в академических учреждениях, так и в сфере экономической политики США и Соединенного Королевства, где применяет свои исследования к решению вопросов политики, связанных с международной макроэкономикой и финансами.

Роланд Фрайер, 37 лет, США, Гарвардский университет, занимается проблемами социальной и политической экономики с точки зрения вопросов расы и неравенства в США. Исследует экономическое неравенство посредством разработки новых экономических теорий и осуществление рандомизированных экспериментов.



Радж Четти, 35 лет, Индия и США, Гарвардский университет, получил степень доктора (Ph.D.) в 23 года. Совмещает эмпирические данные и экономическую теорию для исследования способов усовершенствования решений относительно государственной политики в таких областях, как налоговая политика, страхование на случай безработицы, образование и обеспечение равных возможностей.

Кто еще, по вашему мнению, может пополнить этот список? Пишите нам, а еще лучше — посетите страницу Ф&Р в Facebook, чтобы высказать свое мнение и поучаствовать в дальнейшем обсуждении. ■

Определяя будущее глобализации

Мартин Вулф

При правильном подходе она может привести к небывалому миру и процветанию, при неправильном — к катастрофе

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ — важнейшее явление нашей эпохи. Она определяет не только экономику разных стран, но и их общество, политическое устройство и международные отношения.

Многие считают, что она также является неодолимой силой — во благо или во вред. Однако история свидетельствует, что это не так. Мы не можем рассчитывать на то, что процессы глобализации не остановятся в будущем или что они будут благоприятны во всех отношениях. Но мы должны понимать одно: то, какими они будут, зависит от всех нас.

Если к глобализации подойти правильно, это столетие может стать эпохой небывалого мира, партнерства и процветания. Если же к ней подойти неправильно, она может окончиться полным крахом, как глобализация 1914–1945 годов, начавшаяся перед Первой мировой войной.

Глобализация — это интеграция экономической деятельности разных стран. Ей сопутствуют другие формы интеграции — в первую очередь, передвижение людей и распространение идей. Ее определяют три взаимосвязанные силы — технологии, институты и политика.

На всем протяжении исторического процесса главной движущей силой глобализации являются *технологические и интеллектуальные инновации*. Они снизили стоимость перевозок и коммуникации, расширив тем самым возможности для выгодного экономического обмена на большем расстоянии. В долгосрочной перспективе такие возможности будут реализовываться.

Даже во времена, предшествующие промышленной революции, возможность передвигаться по морю на парусных судах способствовала зарождению великих империй, перемещению людей через океаны и распространению мировой торговли. Но после промышленной революции темпы технологических изменений ускорились, создав тем самым новые возможности.

Ведущими факторами глобализации конца XIX – начала XX веков были паровоз, пароход и телеграф. Ведущими факторами глобализации в наши дни являются контейнеровоз, реактивный самолет, Интернет и мобильный телефон.

Интеграция средств коммуникации и компьютеров — это технологическая революция нашей эпохи. К 2014 году в мире на сто человек насчитывалось 96 абонентов сотовой связи и 40 пользователей сети Интернет. Двадцатью годами ранее ни того, ни другого практически не было. Информация все более принимает цифровую форму, а мир становится все более взаимосвязанным. Речь идет о революционной трансформации.

Институты также важны. В прошлом международную торговлю поддерживали империи. Это было актуально и в эпоху, предшествующую новому времени, и в еще большей степени — в период расцвета морских империй Европы XVI–XX веков. Сегодня международной торговле способствуют договоры и многосторонние организации: Всемирная торговая организация (ВТО), Международный Валютный Фонд, а также региональные объединения, например, Европейский союз.

Важную роль также играют полугосударственные и полностью частные институты. Вспомним, например, привилегированную торговую компанию, в частности Британскую Ост-Индскую компанию, а позднее, с XIX столетия, акционерное общество с ограниченной ответственностью. Большое значение также имеют организованные рынки, в частности, финансовые, которые из простых форм превратились в современные всемирные сетевые структуры, работающие круглосуточно.

Хотя вектор развития технологий указывает в одном направлении — в сторону возможностей для экономической интеграции — это не



Мужчина разговаривает по мобильному телефону на верблюжьей ярмарке в Пушкаре, Раджастан, Индия.

относится к институтам. Империи появляются и исчезают. Когда после Второй мировой войны произошел распад европейских империй, большинство новых независимых стран отказались от международной торговли, посчитав ее эксплуататорской.

Это наводит на мысль о третьем факторе — политике. Стремление новых независимых развивающихся стран к самостоятельности обусловило кардинальный разворот в политике. Самым важным разворотом стал мировой кризис глобализации, который последовал за двумя мировыми войнами и Великой депрессией. За этим последовал распад сложившегося валютного порядка, а торговля стала подвергаться все большему ограничению.

После Второй мировой войны под эгидой США среди стран с высокими доходами стала распространяться ограниченная либерализация, преимущественно в торговле и счетах текущих операций. Далее, в конце 70-х, а также в 80-х и 90-х годах во всем мире началась либерализация внутреннего рынка, переход к открытой международной торговле и ослабление валютного контроля.

Решающими шагами в данном направлении стали провозглашение Китаем в конце 1970-х годов «политики реформы и открытости» под руководством Дэна Сяопина; избрание Маргарет Тэтчер на должность премьер-министра Великобритании в 1979 году и Рональда Рейгана президентом США в 1980 году; запуск программы «единого рынка» Европейского союза в 1985 году; Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, который начался в 1986 году и закончился через восемь лет; развал советской империи в период с 1989 по 1991 год; открытие рынка Индии после валютного кризиса в стране в 1991 году; решение 1992 года об образовании Европейского валютного союза; учреждение ВТО в 1995 году; вступление Китая в ВТО в 2001 году.

Ориентация на рынки

В основе этих изменений лежал отказ от централизованного планирования и самодостаточности и ориентация на рынки, конкуренцию и открытость. Речь не идет о создании глобальной империи. Впервые в истории интегрированная мировая экономика объединяет процессы, протекающие в целом ряде независимых государств, перед которыми стоит общая цель — достижение благосостояния.

Это удалось, хоть и не без трудностей. По данным Глобального института McKinsey (2014), потоки товаров, услуг и денежных средств увеличились с 24 процентов от объема мирового производства в 1980 году и достигли своего максимума в размере 52 процентов в 2007 году, накануне Великой рецессии. В период между 1995 и 2012 годами соотношение между объемом торговли товарами и мировым производством возросло с 16 до 24 процентов.

Практически все страны стали более открытыми торговле. Соотношение объемов торговли товарами (экспорт плюс импорт) и ВВП Китая возросло с незначительных уровней в 1970-х годах до 33 процентов в 1996 и 63 процентов в 2006 году, после чего резко упало во время финансового кризиса. Соотношение объемов торговли Индии и ее ВВП возросло с 18 процентов в 1996 году до 40 процентов в 2008 году (см. рис. 1).

Важным фактором увеличения масштабов торговли была доступность низкооплачиваемой рабочей силы в странах с формирующимся рынком. До Первой мировой войны большой потенциал скрывался в использовании неосвоенных территорий, в частности, в Северной и Южной Америке, на нужды производства для глобального рынка. На сегодняшний день наибольший потенциал заключается в привлечении миллиардов обособленных ранее людей в качестве рабочей силы, а затем потребителей и сберегателей.

Как и ожидалось, объемы торговли с участием стран с формирующимся рынком резко увеличились. В 1990 году 60 процентов торговли товарами осуществлялось между странами

с высокими доходами, еще 34 процента — между странами с высоким уровнем дохода и странами с формирующимся рынком и всего 6 процентов — между странами с формирующимся рынком. К 2012 году это соотношение составляло 31, 45 и 24 процента соответственно.

Главными игроками выступают международные компании. Это подтверждается, среди прочего, ростом объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что приводит к появлению трансграничных форм собственности компаний.

В 1980 году объемы ПИИ были незначительными. Сегодня это не только большой (в среднем 3,2 процента от объемов мирового производства в период с 2005 по 2012 год), но и стабильный поток. Они оказались втрое полезны — как источник передачи знаний, средство продвижения трансграничной экономической интеграции и устойчивая форма финансирования.

Другие сферы финансирования оказались гораздо менее стабильными. Общие объемы трансграничных финансовых потоков достигли своего максимума в размере 21 процента от объемов мирового производства в 2007 году, после чего упали до 4 процентов в 2008 и 3 процентов в 2009 году. Затем последовало небольшое восстановление. Но объемы трансграничного кредитования, выпуска облигаций и потока портфельных инвестиций в акции не выходили на докризисный уровень вплоть до 2012 года. Особенно неустойчивым было трансграничное кредитование, в первую очередь со стороны банков, что характерно для кризисных периодов (см. рис. 2).

Хотя объемы торговли, финансирования и коммуникаций стремительно растут, того же нельзя сказать о передвижении людей. Количество международных туристов и иностранных студентов существенно увеличилось, однако приток мигрантов рос практически с той же скоростью, что и мировое население, несмотря на огромную разницу в реальной заработной плате. Торговля и потоки капитала в определенной степени замещают передвижения людей. При этом сохраняется большое количество факторов в пользу перемещения людей из бедных стран в богатые, в частности, через реку Рио-Гранде и Средиземное море.

Таким образом, глобализация выражается в увеличении трансграничной экономической активности. Но ее воздействие на благосостояние не столь однозначно.

Век глобализации порождает быстрые сдвиги в размещении экономической деятельности. В 1990 году доля стран с высокими доходами в объемах мирового производства, пересчитанная по паритету покупательской способности (или ППС, соотношению, по которому бы конвертировались валюты исходя из покупки одинакового количества товаров и объема услуг

Рисунок 1

Открытые экономики

До глобальной рецессии 2008 года крупнейшие мировые экономики были все более открыты торговле.

(Торговля товарами, в процентах от ВВП)



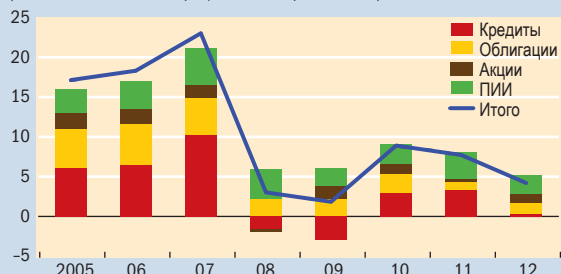
Источник: База данных Организации экономического сотрудничества и развития (2014 год).
Примечание. Торговля товарами включает весь объем экспорта и импорта страны.

Рисунок 2

Неустойчивое финансирование

За исключением прямых иностранных инвестиций, трансграничное финансирование было крайне нестабильным в период до и после мирового финансового кризиса 2008 года.

(Финансовые потоки, в процентах от мирового ВВП)



Источник: McKinsey Global Institute (2014).

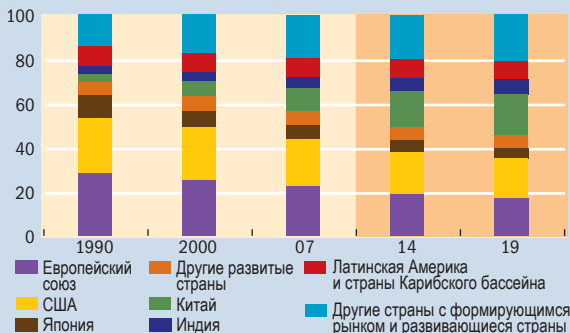
Примечание. ПИИ — прямые иностранные инвестиции, предусматривающие иностранную собственность на предприятия.

Рисунок 3

Изменения в экономической мощи

На развитые экономики, включая Соединенные Штаты и Европейский союз, приходится снижающаяся доля мирового ВВП, в то время как доли Китая и Индии растут.

(Доля от мирового ВВП, в процентах)



Источник: МВФ, база данных издания «Перспективы развития мировой экономики», апрель 2014 года.

Примечание. Данные за 2014 и 2019 годы являются прогнозными. ВВП измеряется по паритету покупательной способности — соотношению, по которому бы конвертировались валюты для покупки одинакового количества товаров и объема услуг в каждой стране.

в каждой стране) составляла 70 процентов, причем 28 процентов приходилось на Европейский союз и 25 процентов на США. По данным МВФ, к 2019 году это совокупное значение снизится до 46 процентов.

Предполагается, что за тот же период доля Китая увеличится с 4 до 18 процентов, а Индии с 3 до 7 процентов. Стремительный рост наиболее успешных стран с формирующимся рынком, обусловивший этот сдвиг, не произошел бы без доступа к торговле и технологиям, который обеспечила глобализация (см. рис. 3).

Помимо этого наблюдается определенное сближение уровней жизни (см. рис. 4). Ожидается, что ВВП Китая на душу населения по отношению к США вырастет с 2 процентов в 1980 до 24 процентов в 2019 году. Это — выдающийся результат с любой точки зрения. Китай стал страной со средним уровнем дохода, ВВП на душу населения которого по ППС к 2019 году, по прогнозам, будет выше, чем у Бразилии. В Индии также

отмечается сближение по уровню жизни, хотя и в более скромных масштабах. Индонезия и Турция тоже демонстрируют неплохие показатели. При этом ожидается, что Бразилия и Мексика в 2019 году будут беднее по сравнению с Соединенными Штатами, чем в 1980 году. Оказывается, использовать возможности, предоставляемые глобализацией, далеко не просто.

Снижение уровня массовой бедности

Век глобализации обеспечил беспрецедентное снижение уровня массовой бедности, опять же, в основном благодаря Китаю. В Восточной Азии и Тихоокеанском регионе соотношение населения, живущего на менее чем 1,25 долл. США в день (по ППС), удивительным образом снизилось с 77 процентов в 1981 году до 14 процентов в 2008 году (Всемирный банк, 2014). В Южной Азии доля людей, живущих в крайней нищете, снизилась с 61 процента в 1981 году до 36 процентов в 2008 году. При этом в странах Африки к югу от Сахары доля людей, живущих в крайней нищете, в 1981 году составляла 51 процент, а в 2008 году все еще оставалась 49 процентов.

Наконец, глобализации сопутствуют сложные изменения в распределении доходов между разными странами и внутри них. Бранко Миланович из Всемирного банка (2012) считает, что в эпоху глобализации уровень неравенства людей в мире остается относительно неизменным, поскольку увеличение неравенства в большинстве стран сводит на нет успех некоторых крупных стран с формирующимся рынком в повышении средних доходов их граждан относительно доходов людей в богатых странах. Он также показывает, что в период с 1988 по 2008 год 5 процентов богатейших людей в глобальном распределении доходов испытали значительный рост реального дохода, а 1 процент — очень значительный рост. Также неплохие показатели демонстрировали те, кто находился в пределах с 10 по 70 перцентилей снизу.

Вместе с тем, относительно плохо пришлось двум группам людей — нижним 10 процентам, то есть беднейшим в мире, и людям с доходом с 70 по 95 перцентиль снизу, которые попадают в группы со средними и низкими доходами в странах с высоким уровнем дохода. Таким образом, рост реального дохода, который пошел на пользу всему миру, сопровождался растущим неравенством во многих странах с высоким уровнем дохода. Это объяснялось целым рядом причин, но в их числе, несомненно, была глобализация.

Что может ждать впереди?

Технология будет и впредь оставаться ключевым фактором интеграции. Скорее всего, в ближайшем будущем практически каждый взрослый и многие дети будут иметь интеллектуальное мобильное устройство, обеспечивающее мгновенный доступ ко всей информации, находящейся во всемирной сети. Это фактически устраним затраты на передачу всего, что может быть оцифровано, — информации, финансов, развлечений и многого другого. Резкое увеличение обмена данными неизбежно.

В то время как в некоторых сферах технологий наблюдается стремительный рывок вперед, другие области, такие как стоимость транспортировки товаров и людей, не характеризуются каким-либо значимым снижением. Это говорит о том, что технологический прогресс откроет намного большие возможности для торговли идеями и информацией, чем товарами или рабочей силой.

Будущее институтов и политики менее однозначно.

Пожалуй, наиболее очевидный провал институтов и политики имел место в области либерализации и глобализации финансов. С 1970 по 2011 год произошло 147 банковских кризисов (Laeven and Valencia, 2012), некоторые из них имели общемировое значение, в частности, азиатский кризис 1997–1998 годов и Великая рецессия 2008–2009 годов, а также последующий кризис в еврозоне. Эти потрясения вылились в огромные экономические и финансовые издержки. Несмотря на усилия,

предпринимаемые для того, чтобы сделать финансовую систему более надежной, а регулирование и контроль более эффективными, еще не ясно, удастся ли добиться успеха.

Плавающие валюты

С этими финансовыми неурядицами тесно связана валютная система. С 1971 года в мире действует система плавающих курсов валют, в которой доминирует доллар США. Эта система оказалась жизнеспособной. Но в то же время она была достаточно нестабильной. Многие жалуются на то, что она позволила Соединенным Штатам применять меры политики, которые вызывают непредсказуемые и неуправляемые сдвиги в потоках капитала по направлению к неблагополучным внешним субъектам и наоборот. Тем не менее, столь нелюбимый стандарт плавающего доллара, скорее всего, сохранится и впредь, поскольку никакая другая валюта и другой глобальный механизм не имеют шансов обеспечить необходимое согласие, по крайней мере в ближайшем будущем.

Торговая политика является относительно устойчивой, и откат к протекционизму встречает на удивление успешное противодействие в странах с высокими доходами. Однако усилия по завершению Дохийского раунда многосторонних торговых переговоров, по существу, потерпели неудачу, и будущее многообещающих (но вызывающих споры) планов плюрилатеральных торговых соглашений остается неясным. Время расцвета либерализации торговли, возможно, уже прошло. Темпы роста мировой торговли товарами также, вероятно, перманентно замедлились.

Некоторые правительства стремятся контролировать Интернет. Но эти попытки, скорее всего, не приведут к сдерживанию потока коммерческой деятельности, хотя могут ограничить возможности граждан знакомиться с политически нежелательными взглядами. При этом в ближайшие годы ограничения на передвижение людей, скорее всего, будут ужесточаться, а не ослабевать.

Экономика стран становится более взаимосвязанной, и правительства продолжают обеспечивать безопасность, принимать законы, регулировать коммерческую деятельность и управлять денежными средствами. Там, где коммерческая деятельность осуществляется беспрепятственно, силу имеют две и более юрисдикции и, по определению, все заинтересованные стороны должны прийти к согласию относительно правовых

и нормативных систем, в которых проводятся финансовые операции.

Такой контраст между экономическим и политическим аспектами нашего глобализованного мира порождает непредсказуемость. Чем больший размах приобретает коммерческая деятельность, тем больше государств должны договориться об укреплении координации их институтов и политики, что наглядно видно на примере Европейского союза. Такая интеграция может также стать причиной напряженности, что продемонстрировал кризис в еврозоне. Сегодня для многих стран подобный уровень интеграции остается немыслимым.

По этим причинам глобализация однозначно будет и впредь несколько ограничена. Люди торгуют со своими согражданами больше, чем с иностранцами. Частично это обусловлено обстоятельствами. Но немалую роль также играют доверие и прозрачность. Границы имеют значение и будут оставаться значимыми в будущем.

В конечном итоге согласие на открытость должны дать государственные органы. При этом они будут учитывать внутригосударственную политическую конъюнктуру. В мире, который характеризуется вялым ростом и увеличивающимся неравенством во многих странах, особенно с высоким уровнем дохода, на долговечность такого согласия, увы, рассчитывать не приходится. Люди все также держатся своего племени, а государства остаются соперниками.

В 1910 году, когда глобализация, предшествовавшая Первой мировой войне, достигла своего апогея, британский политик и журналист Норман Энджелл написал книгу под названием «Великая иллюзия», в которой утверждалось, что с экономической точки зрения война будет бесполезной. Он оказался прав. Теоретически лидеры почти всех стран сейчас сошлись во мнении о том, что конфликт не может повысить благосостояние их наций. Однако, как показали события 1914 года, тот факт, что война имеет разрушительные последствия, не гарантирует того, что ее удастся избежать, хотя ядерное оружие и повысило цену конфликта до невероятных размеров.

Даже если среди великих держав будет сохраняться мир, необходимого уровня сотрудничества для обеспечения еще более интегрированной и процветающей глобальной экономики может не быть. Самой важной из грядущих задач является управление изменениями, связанными со снижением влияния Запада и укреплением Китая и других стран с формирующимся рынком. История показывает, что ни технологии, ни экономика не гарантируют будущее глобализации в краткосрочной и среднесрочной перспективе, это под силу только политической воле. Продуманное использование возможностей, которые предоставляет глобализация, — наша общая задача. ■

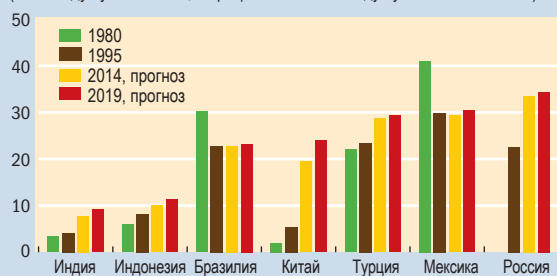
Мартин Вулф — помощник редактора и главный экономический обозреватель газеты Financial Times.

Рисунок 4

Сближение уровней жизни

С 1980 года некоторые (но далеко не все) страны с крупной формирующейся рыночной экономикой повысили свой ВВП на душу населения по отношению к США.

(ВВП на душу населения, в процентах от ВВП на душу населения в США)



Источник: МВФ, база данных издания «Перспективы развития мировой экономики», апрель 2014 года.

Примечание. ВВП измеряется по паритету покупательной способности — соотношению, по которому бы конвертировались валюты при покупке одинакового количества товаров и объема услуг в каждой стране. Страны расположены исходя из прогноза относительного ВВП на душу населения на 2019 год, от самого низкого значения (Индия) к самому высокому (Россия).

Литература:

Laeven, Luc, and Fabián Valencia, 2012, "Systemic Crises Database: An Update," IMF Working Paper 12/163 (Washington: International Monetary Fund).

McKinsey Global Institute, 2014, Global Flows in a Digital age: How Trade, Finance, People, and Data Connect the World Economy (Seoul, San Francisco, London, Washington).

Milanovic, Branko, 2012, "Global Income Inequality by the Numbers: In History and Now—An Overview" World Bank Policy Research Working Paper 6259 (Washington). <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-6259>

World Bank, 2014, World Development Indicators (Washington). <http://data.worldbank.org/sites/default/files/wdi-2014-book.pdf>

Целеустремленность, гибкость, служение

МВФ, основанный 70 лет назад, будет оставаться верен своему мандату, откликаясь на новые вызовы, которые непосредственно затрагивают мировую экономику



Кристин Лагард, директор-распорядитель МВФ

УНИКАЛЬНОЙ особенностью МВФ является его способность адаптироваться и меняться в соответствии с обстоятельствами. Организация была основана в конце Второй мировой войны, и ее целью является достижение экономической стабильности и процветания на основе уз сотрудничества и интеграции. Ее «конституция» — Статьи соглашения, плод Бреттонвудской конференции, — оказалась замечательным творением: она достаточно прочная, чтобы выдержать испытание временем, но достаточно гибкая, чтобы реагировать на многочисленные проблемы, с которыми сталкивались наши государства-члены за прошедшие годы.

МВФ начал с мер по содействию восстановлению в Европе после войны. Впоследствии он принял в свой состав новые независимые государства, помогая им занять свое место в мировой экономике после деколонизации; его государства-члены также добились процветания, когда МВФ помог бывшим коммунистическим странам осуществить переход к рыночной экономике после падения «железного занавеса».

МВФ содействовал адаптации мировой экономики к новым и тревожным условиям после распада исходной системы фиксированных валютных курсов в начале 1970-х годов. В дальнейшем он оказывал поддержку своим членам в преодолении различных финансовых кризисов в разных регионах — в Латинской Америке в 1980-х, Азии в 1990-х, вновь в Латинской Америке в 2000-х годах, и во всем мире в результате Великой рецессии.

Беспрецедентный отклик на кризис

Недавний кризис создал беспрецедентные трудности, и Фонд откликнулся беспрецедентным образом: призывом уже на раннем этапе к глобальным мерам бюджетного стимулирования, крупномасштабной финансовой поддержкой и созданием новых инструментов, таких как кредиты с нулевой процентной ставкой для стран-членов с низкими доходами и страхование для предотвращения кризисов в странах-членах со средними доходами. МВФ также был высоко востребованным партнером в сфере развития потенциала: в последние годы его технические консультации и учебные курсы пользуются спросом среди всех стран-членов.

Этот кризис побудил МВФ пересмотреть свой анализ и внести изменения в рекомендации по вопросам экономической политики. Он стал более остро осознавать растущую взаимосвязанность глобальной экономики — и понимать, как политика в одной стране может влиять на другие страны через экономические и финансовые «вторичные эффекты». Анализ рисков и уязвимости в настоящее время занимает видное место в надзорной деятельности МВФ, и обобщение опыта различных стран остается отличительной чертой его рекомендаций по экономической политике.

Предстоящий путь

В ближайший период МВФ необходимо будет продолжать помогать государствам-членам преодолеть последствия финансового кризиса, особенно низкий рост и высокую безработицу.

В налогово-бюджетной политике важнейшая задача состоит в том, чтобы сократить чрезмерное бремя государственного долга, учитывая при этом темпы экономического роста и последствия для жизни людей. В области денежно-кредитной политики требуется приспособиться к «новым нормальным условиям» — завершить высокоадаптивные и нетрадиционные меры поддержки с минимальным ущербом для стабильности. В финансовом секторе задача состоит в том, чтобы призывать к завершению реформ и поддерживать этот процесс, с целью повысить надежность системы, ее устойчивость и сделать ее более ориентированной на оказание услуг.

В дальнейшем, в результате стремительного прогресса информационных и коммуникационных технологий, финансовая интеграция достигнет масштабов, которые еще не поддаются количественной оценке, и проникнет в уголки мира, которые ею еще не затронуты. Более глубокая интеграция будет способствовать экономическому росту и усиливать риски. Опыт преподает нам важный урок: усиление финансовой интеграции увеличивает вероятность и масштабы финансовых кризисов. Это требует более целенаправленного использования инструментов МВФ для предотвращения кризисов и укрепления его поддержки в деле регулирования кризисов.

Появление новых экономических и финансовых центров, связанных между собой гло-

бальной торговлей и все большими финансовыми потоками, может со временем привести к новой парадигме в мировой финансовой системе, через 40 лет после установления нового порядка в результате распада основанной на золотом стандарте Бреттонвудской системы.

Новый многосторонний подход должен быть в состоянии справиться с большим рассредоточением экономической мощи и, возможно, увеличением числа ограниченных валютных договоренностей, формирующих новые, хотя еще не прошедшие проверку, якоря региональной экономической стабильности. МВФ как основной хранитель мировой валютной системы, должен продолжать соответствующим образом адаптировать свою работу и расставлять акценты, целенаправленно выполняя свою миссию, но придерживаясь гибкого подхода с учетом структурных сдвигов в мировой экономике, с тем, чтобы наиболее действенно служить своим государствам-членам.

Целеустремленность, гибкость, служение будут оставаться руководящими принципами МВФ.

Помимо сферы финансов, странам-членам МВФ придется решать ряд новых проблем, критически важных для макроэкономического развития: разительный рост неравенства доходов, неумолимое изменение климата и продолжающееся во многих сферах исключение женщин из экономической жизни.

Уменьшение неравенства в доходах

Одним из наиболее значительных экономических явлений нашего времени является рост неравенства между богатыми и бедными. За последние три десятилетия самый богатый один процент населения увеличил свою долю дохода в 24 странах из числа 26, по которым имеются данные. В особенности во многих развитых странах неравенство приближается к уровням, не наблюдавшимся со времен «позолоченного века».

Недавние исследования МВФ (охватывавшие 173 страны за последние 50 лет) показали, что для стран с большим неравенством, как правило, характерен более низкий и менее длительный экономический рост.

Чтобы усилить свою ориентацию на поддержку экономического роста и стабильности, МВФ необходимо уделять внимание проблеме чрезмерного неравенства доходов. Налогово-бюджетная политика может быть особенно эффективной в этой области, учитывая успешные результаты снижения социального неравенства за счет трансфертов и налогов на прибыль, а расширение доступа к образованию и здравоохранению остается всеобщим приоритетом. Суть в том, чтобы способствовать принятию мер, приносящих наибольшую пользу и причиняющих наименьший вред, как в надзоре МВФ, так и в разработке кредитных программ Фонда.

Решение проблем изменения климата

Другим серьезным препятствием для устойчивого роста и процветания в XXI веке является изменение климата. Средние температуры повышаются, вместе с ними растет риск более частых стихийных бедствий, повышается изменчивость сельскохозяйственного производства и ухудшается продовольственная и водная безопасность. В беднейших странах последствия изменения климата усугубят их и без того уязвимое состояние.

Это также имеет серьезные последствия для роста и стабильности — и для МВФ. Важной составляющей решения является установление обоснованных цен, в том числе цен всех внешних эффектов. Это поможет снизить ущерб сегодня и стимулировать инвестиции в низкоуглеродные технологии завтрашнего дня.

Таким образом, важной частью решения должен быть постепенный отказ от энергетических субсидий. Во многих случаях неправильный выбор мер политики приводит к субсидированию именно того поведения, которое разрушает нашу планету:

только в 2011 году прямые субсидии и потери налоговых доходов от ископаемых видов топлива поглотили почти 2 трлн долларов. Что еще хуже, выгоды от этих субсидий получает в основном небольшое число состоятельных людей — так что еще многое можно сделать для борьбы с изменением климата и сокращения бедности.

Расширение участия женщин

Ввиду этих надвигающихся угроз для роста и стабильности, связанных с неравенством доходов и ухудшением состояния окружающей среды, мировой экономике необходимо будет в ближайшие годы искать другие источники жизненной силы. Одним из таких источников является обеспечение возможностей для более активного участия женщин на рынке труда. Это особенно актуально с учетом происходящих демографических изменений: вовлечение большего числа женщин в состав рабочей силы поможет противодействовать замедлению экономического роста в результате старения населения.

Тем не менее, еще предстоит пройти длинный путь. Женщины составляют половину населения мира, но на них приходится намного меньше половины отражаемой в показателях экономической деятельности. Гендерный разрыв в участии населения на рынках труда существует во всем мире, составляя от 12 процентов в странах Организации экономического сотрудничества и развития до 50 процентов в некоторых странах с формирующимся рынком и развивающихся странах. Устранение этого разрыва в таких регионах, как Ближний Восток и Северная Африка или Южная Азия, может привести к повышению доходов на душу населения примерно на 25 процентов.

Именно поэтому МВФ поддерживает меры политики для выравнивания условий на рынке труда для обоих полов. Опять же, ведущую роль в этом может играть налогово-бюджетная политика, в том числе посредством финансируемых государством программ отпусков по уходу за детьми, качественных и доступных дошкольных учреждений и налоговых кредитов и льгот для низкооплачиваемых работников. В развивающихся странах политика часто направлена на расширение доступа к достойному медицинскому обслуживанию, образованию и финансовым услугам.

Эти проблемы — неравенство, изменение климата и исключение женщин из рынков труда — все более угрожают состоянию макроэкономики стран-членов МВФ. В этом отношении решение этих проблем должно в большей степени стать частью нашей работы. Мы можем и должны более эффективно сотрудничать с другими организациями, работающими в этих областях, и мы должны максимально использовать возможности для оказания прямого содействия.

Представительство и управление

Исходя из сложившихся предпосылок, через 20 или 30 лет экономическая мощь в мире будет гораздо менее сконцентрирована в странах с развитой экономикой и более широко рассредоточена по всем регионам. МВФ должен представлять и отражать эти сдвиги, чтобы сохранять свою актуальность. Система управления МВФ как учреждения, принадлежащего 188 странам-членам и работающего на благо 7½ млрд жителей Земли, должна оставаться представительной и верной принципам, изложенным в Статьях соглашения.

В краткосрочной перспективе это означает необходимость скорейшего завершения ратификации реформы МВФ 2010 года, в том числе 14-го пересмотра квот. Это поможет добиться того, чтобы в долгосрочной перспективе МВФ по-прежнему следовал пути, который обеспечивает ему ресурсы и легитимность, необходимые для выполнения его задач по поддержанию глобальной экономической и финансовой стабильности. ■

Недавний финансовый кризис научил нас обращать внимание на темные закоулки, где экономика может давать серьезные сбои



Где подстерегает ОПАСНОСТЬ

Оливье Бланшар

ДО ГЛОБАЛЬНОГО финансового кризиса 2008 года в основном русле макроэкономической теории и практики в США все больше преобладало невмешательство по отношению к экономическим колебаниям объема производства и уровня безработицы. Кризис ясно дал понять, что подобное отношение ошибочно и требуется кардинальная переоценка.

В таком невмешательстве нашли отражение как внутренние факторы экономической теории, так и факторы внешних экономических условий, которые, как кажется, на протяжении многих лет все больше представлялись безвредными.

Рассмотрим сначала внутренние факторы. Применяемые методики оказывают глубокое влияние на наш образ мышления, хотя и не всегда на уровне сознания. Эти слова можно справедливо отнести к макроэкономической сфере на протяжении нескольких десятилетий, предшествовавших кризису. Методы наилучшим образом соответствовали такой картине мира, в которой предполагались экономические колебания, но они имели регулярный характер и были способны к автокоррекции. В этом и заключается проблема: мы и правда поверили, что мир действует именно таким образом.

Для понимания причин формирования такого взгляда нужно вернуться в 1970-е годы, когда произошла так называемая «революция рациональных ожиданий». Лежащая в ее основе идея о том, что поведение людей и фирм зависит не только от сложившихся экономических условий, но и от их ожиданий относительно будущего, была отнюдь не нова. Новшеством была разработка методик построения моделей при допущении, что люди и фирмы делают все от них зависящее для оценки будущего. (Буквально несколько слов о том, почему это утверждение было технически сложным: принимаемые человеком и фирмой текущие решения зависят от комплексного представления о будущем. Но их комплексное представление о будущем само по себе частично определяется принимаемыми сегодня решениями.)

Однако подобного рода методики имели смысл только при концепции, согласно которой экономические колебания достаточно регулярны для того, чтобы люди и фирмы (а также специалисты по эконометрике, анализирующие экономику на основе статистических методов) могли понять природу произошедших в прошлом событий и, таким образом, сформировать их ожидания; а также достаточно просты для предположения о том, что небольшие шоки будут иметь незначительные последствия, а если какой-то шок будет в два раза сильнее, то и последствия этого шока в два раза сильнее скажутся на экономической активности. Основание для данного допущения, называемого линейной зависимостью, носило технический характер, поскольку поиск решения для моделей с нелинейными зависимостями, то есть где небольшой шок, скажем, падение цен на жилье, мог иногда иметь серьезные последствия, или где влияние шока зависит от остальных экономических условий, был сопряжен с рядом трудностей, если вообще был возможен в рамках рациональных ожиданий.

Подобного рода допущения сыграли немалую роль в формировании нашего понимания макроэкономических процессов. На практике мы, специалисты, действительно представляли себе экономику как систему с почти линейными зависимостями, постоянно подверженную разнообразным шокам и колебаниям, но со временем возвращающуюся естественным путем в состояние устойчивости. Вместо того чтобы говорить о колебаниях, мы все чаще употребляли термин «цикл деловой активности». Даже когда на более позднем этапе были разработаны методики учета нелинейных зависимостей, продолжал доминировать подход невмешательства по отношению к колебаниям.

Но такое положение дел не получило бы развития (или, по крайней мере, долго бы не существовало) без внешних факторов, сыгравших свою роль. В сложившемся миропорядке, или хотя бы экономическом порядке, почти не было стимулов для пересмотра макроэкономистами их взглядов.

С начала 1980-х годов большинство стран с развитой экономикой переживало период так называемой «Великой умеренности», который характеризовался устойчивым сокращением изменчивости объема производства и таких его основных компонентов, как потребление и инвестиции. И тогда, и сейчас нет согласия в том, что вызвало эту умеренность. Центральные банки не прочь поставить



ее в себе заслугу, и действительно сокращение изменчивости можно объяснить более эффективной денежно-кредитной политикой, приведшей к уменьшению инфляции и ее колебаний. Другие утверждали, что сокращение изменчивости по большей части обусловлено везением, присутствием необычно слабых экономических шоков. Какая бы причина не лежала в основе «Великой умеренности», на протяжении четверти века не было оснований подвергать сомнению отношение к колебаниям как к естественным процессам, имеющим линейный характер. (Это было господствующее мнение. Но некоторых ученых такая посылка не устраивала. Известный (ныне покойный) экономист Фрэнк Хан, читавший лекции в Кембриджском университете, неоднократно говорил мне о своем отвращении к линейным моделям, включая мою, которые он называл моделями «Микки Мауса».)

Темные закоулки

Нельзя сказать, что экономисты полностью игнорировали мысль о том, что небольшие шоки временами могут иметь серьезные последствия и таким образом становиться причиной весьма неблагоприятной ситуации. Однако считалось, что такой исход относится к прошлому и впредь не повторится, по крайней мере, в странах с развитой экономикой благодаря проводимой ими грамотной экономической политике.

Массовые изъятия вкладов из банков, при которых незначительные шоки или даже их полное отсутствие могли привести к панике вкладчиков и изъятию ими сбережений из банков и, таким образом, стать причиной серьезных разрушительных последствий для всей экономики, были одной из насущных тем макроэкономических курсов. Но в рамках этих курсов подобное явление зачастую приводилось для иллюстрации того, как внедрение страхования банковских вкладов в основном устранило данную проблему. Но если подобное все же случалось, то, согласно этой логике, центральные банки могли оперативно выделить банкам ликвидности (то есть одолжить им денег) под надежный залог и обеспечить тем самым платежеспособные банки средствами для урегулирования отношений со вкладчиками, а также усмирить панические настроения и избежать разрушительных последствий.

Нельзя было игнорировать и эпизоды внезапного прекращения притока, то есть ситуации, когда поток капитала в страну прекращается, а все инвесторы стремятся покинуть рынок. Весьма регулярно такое случалось в странах с формирующимся рынком: в 1980-е годы в странах Латинской Америки, в середине 1990-х годов в Мексике и в конце 1990-х годов — в азиатских странах. Но подобные явления считались проблемой формирующихся рынков, а не развитых стран (именно поэтому в первом абзаце статьи я упомянул США). В качестве примера подчас ограниченного характера основного русла макроэкономической мысли в США можно привести ряд программ докторантуры, в рамках которых аспирант может избрать своей специальностью макроэкономику, даже не имея представления о валютных курсах, не говоря уже о понятии страны с формирующимся рынком.

В целом проблемы ликвидности, то есть потенциального несоответствия между объемом долгосрочных активов и обязательств с более короткими сроками погашения, не считались для макроэкономики важными. Не было четкого понимания того, что подобное несоответствие ликвидности по активам и пассивам может быть распространенным и сказываться не только на банках, но и на других финансовых структурах и корпорациях. Хотя в области корпоративных финансов и была проделана серьезная работа по изучению роли ликвидности, ее результаты не нашли широкого отражения в макроэкономическом анализе.

Вероятность того, что центральные банки захотят снизить номинальные процентные ставки ниже нуля и не смогут этого сделать (ведь номинальная процентная ставка не может быть ниже нуля, поскольку в противном случае будет выгоднее отказаться от облигаций в пользу наличных денег; в профессиональной среде это ограничение известно под названием «нулевая нижняя граница»), считалась очень незначительной. При докризисной номинальной процентной ставке примерно 4 процента, из которых 2 процента отражали влияние инфляции, а остальные 2 процента составляли реальную норму доходности (или доходность с учетом инфляции) руководители большинства центральных банков считали, что у них достаточно свободы для маневра в плане корректировки процентной ставки в ответ на отрицательные шоки. А если потребуются более активные шаги, то, согласно этой логике, центральные банки могут повысить инфляционные ожидания при сохранении нулевой номинальной ставки, что позволит снизить реальную составляющую процентной ставки.

Признавалось также наличие других нелинейных зависимостей. Например, экономисты понимали, что такие накладываемые на банки нормативные ограничения, как минимальный объем капитала (главным образом, чистая стоимость активов банка, то есть его способность покрыть убытки), который должен быть в распоряжении организаций, могут вынудить банки более остро реагировать на уменьшение объемов капитала, чем на его увеличение. Экономисты проанализировали, как возникшие кредитные ограничения заставляли компании и население действовать все осторожнее по мере приближения к лимиту кредитных линий, что использовалось, например, для изучения процесса индивидуального потребления. Но опять же, при рассмотрении колебаний указанным нелинейным зависимостям не отводилась важная роль.

Иными словами, идея о том, что незначительные шоки могут стать причиной серьезных последствий или привести к длительному и устойчивому спаду, не рассматривалась как одна из основных. Все мы знали о существовании «темных закоулков», то есть ситуаций, при которых экономика может давать серьезные сбои. Но считалось, что мы находимся от них на достаточном расстоянии и можем по большей части их игнорировать. В этой картине печально выделялась Япония: развитая экономика, уже давно пребывающая в состоянии спада, который сопровождается дефляцией. Но причину сложившейся в Японии ситуации зачастую видели в ошибочности политического курса, а не в наличии трудноразрешимой проблемы.

Кризис застал врасплох

Главный урок, извлеченный в результате кризиса, заключается в том, что темные закоулки оказались ближе, чем мы думали, а также еще мрачнее, чем мы предполагали.

«Великая умеренность» ввела в заблуждение не только макроэкономистов. Финансовые организации и органы регулирования также недооценивали риски. В итоге мы получили финансовую структуру, которая во все большей степени оказывалась уязвимой по отношению к потенциальным шокам. Другими словами, мировая экономика вплотную приближалась к темным закоулкам, а экономисты, политики и финансовые организации не отдавали себе в этом отчет.

После того как бум на рынке жилья США сменился спадом, сложная и непрозрачная структура финансовых обязательств стала вызывать беспокойство о том, какие обязательства лежат на той или иной организации и какие организации являются платежеспособными. В свою очередь, это стало причиной массового бегства к ликвидности, затронувшее не столько банки, сколько такие финансовые организации, как инвестиционные банки, которые на протяжении многих лет выполняли функции

банков, но не попадали под нормы банковского регулирования и механизмы защиты. Обычное страхование банковских вкладов просто не покрывало этих потребностей.

Чтобы предоставить данным организациям ликвидные средства и тем самым дать им возможность погасить задолженность перед кредиторами, нужно было проводить широкомасштабную денежно-кредитную политику, причем во многих случаях нетрадиционными методами. К счастью, такая масштабная и часто инновационная денежно-кредитная политика была реализована. Но ее оказалось недостаточно, чтобы предотвратить сворачивание кредита и резкое падение спроса и деловой активности.

Для того чтобы компенсировать падение частного спроса, был задействован такой инструмент налогово-бюджетной политики, как значительное увеличение государственных расходов. Но государственный долг стал быстро расти, что вызывало обеспокоенность директивных органов и инвесторов. Восприимчивый суверенный риск (вероятность того, что правительство допустит дефолт по своему долгу), который для стран с развитой экономикой в докризисный период был почти равен нулю, возрос в целом ряде стран, что затруднило проведение налогово-бюджетной политики для поддержания спроса, а также привело к появлению рисков в балансах кредиторов, таких как банки, являвшихся держателями суверенного долга.

Государственный и частный долг оказались связанными так называемыми дьявольскими узлами: слабое государство ослабляло банки, в портфелях которых находились государственные облигации, а ослабленные банки нуждались в капитале, которой зачастую вынужденно обеспечивался за счет государственных средств, что приводило к ослаблению государства.

Поскольку центральные банки пытались поддержать деловую активность за счет снижения директивной ставки (например, в США это была ставка по федеральным фондам овернайт), то в скором времени нулевая нижняя граница была достигнута, и на этом этапе мы пребываем вот уже более пяти лет. Директивные органы не смогли повысить инфляционные ожидания, чтобы тем самым еще больше сократить реальные эффективные процентные ставки. В еврозоне по-прежнему велик риск дефляции, а некоторые страны еврозоны уже с ней столкнулись. Дефляция приводит к увеличению реальной стоимости государственного и частного долга, что, в свою очередь,

делает его погашение еще более обременительным, заставляя должников сокращать расходы, а это приводит к ослаблению деловой активности, и здесь мы наблюдаем еще один дьявольский порочный круг.

В сложившихся обстоятельствах экономическая, а особенно денежно-кредитная, политика стала приобретать налет черной магии. Ряд мер, например, недавний переход Европейского центрального банка (ЕЦБ) к взиманию с банков незначительной суммы по депозитам, которые они размещают в ЕЦБ (другими словами, это означает введение очень небольшой отрицательной процентной ставки), на бумаге будут иметь крайне незначительные последствия. Но эти последствия могут оказаться гораздо более заметными, если подобные меры станут отражением готовности центрального банка стимулировать кредитование «всеми возможными способами», если выражаться словами главы ЕЦБ Марио Драги, произнесенными им в знаменитой речи в 2012 году. Хотя прогнозировать и контролировать масштаб такого психологического эффекта будет крайне сложно.

Куда нас это приведет?

Кризис позволяет сделать один очевидный вывод для экономической политики: чтобы оставаться как можно дальше от темных закоулков, власти должны сделать это одним из основных направлений своей политики, будь то макроэкономической, макропруденциальной политики или политики регулирования финансового сектора.

Мы по-прежнему находимся слишком близко от этих закоулков. Сам по себе кризис стал причиной накопления большого объема долга, как государственного, так и частного. На сегодняшний день эти порочные круги ослабли, но для их повторного появления достаточно лишь какого-нибудь неблагоприятного шока. На продолжительный период одной из основных задач макроэкономической политики должно стать медленное, но устойчивое снижение долга до менее опасного уровня, что позволит отдалиться от темных закоулков.

Но необходимо сделать больше.

Даже если бы финансовая система была более прозрачной, а коэффициенты собственного капитала выше, то, вероятнее всего, Соединенные Штаты все равно бы не избежали спада на рынке недвижимости в 2007–2008 годах. Однако его последствия были бы ограниченными: в худшем случае умеренная рецессия в экономике США, но не глобальный экономический кризис.

Можно ли сделать финансовую систему более прозрачной и устойчивой? Ответ положительный, но с оговорками. Власти потребовали увеличения коэффициента собственного капитала банков, что представляется одной из основных оборонительных линий для защиты от краха финансовой системы. Но банки являются лишь частью сложной сети финансовых организаций и рынков, и еще очень рано говорить об исчезновении рисков. Сущность финансового регулирования заключается в том, что введение новых норм открывает новые возможности для регулятивного арбитража, по мере того как финансовые организации находят лазейки в нормах регулирования. В ответ власти вынуждены вводить новые нормы регулирования в этой непрекращающейся игре в кошки-мышки (между очень проворной мышкой и менее ловким котом). Чтобы держаться в стороне от темных закоулков, требуются постоянные усилия, а не единовременный нормативный акт.

Важнейшую роль также должна играть макроэкономическая политика. Если бы докризисные номинальные ставки были выше, у нас было бы больше свободы для маневра при проведении денежно-кредитной политики. Если бы докризисный уровень инфляции и номинальные процентные ставки были выше, скажем, на 2 процентных пункта, то у центральных банков была бы возможность снизить реальную процентную ставку еще на



2 процентных пункта до достижения нулевой нижней границы по номинальным ставкам. Этими 2 дополнительными процентными пунктами пренебрегать нельзя. Их наличие могло бы иметь последствия, примерно аналогичные тому, что и результаты применения центральными банками нетрадиционных инструментов денежно-кредитной политики после достижения нулевой границы, суть которых заключалась в скупке активов частного сектора и долгосрочных государственных облигаций в целях снижения долгосрочных процентных ставок вместо обычного манипулирования краткосрочной директивной ставкой. (Профессор Гарвардского университета и бывший глава Исследовательского департамента МВФ Кеннет С. Рогофф предложил альтернативу более высокому уровню инфляции в виде замещения наличности электронными деньгами, по которым можно было бы платить отрицательную номинальную ставку. Это устранило бы ограничение в виде нулевой границы.)

Переходя от мер политики к исследованиям, основной вывод состоит в том, что необходимо дать возможность цвести ста цветам. Теперь, когда мы больше знаем о нелинейных зависимостях и сопряженных с ними опасностях, мы должны глубже изучить их как теоретически, так и эмпирически, используя самые разные модели. Эта работа уже ведется, и, если судить по потоку рабочих документов с начала кризиса, ее масштаб велик. Финансы и, в частности, макроэкономика приобретают все больший уровень интеграции, что является очень хорошим знаком.

Но этот ответ обходит еще более сложный вопрос: как нам следует доработать наши базовые модели, то есть так называемые динамические стохастические модели общего равновесия,

применяемые, например, в МВФ для анализа альтернативных сценариев и количественной оценки последствий тех или иных политических решений? Простая и бесспорная часть ответа заключается в расширении такого рода моделей в целях более качественного учета роли финансовой системы, что сейчас и происходит. Но должны ли такие модели описывать поведение экономики в темных закоулках?

Позвольте мне ответить на этот вопрос прагматически. Если перед макроэкономической политикой и финансовым регулированием стоит задача удерживать экономику на безопасном расстоянии от темных закоулков, то наши модели, рассчитанные на штатные ситуации, в целом продолжают отвечать требованиям. Есть еще один класс моделей, которые разработаны для измерения системного риска и которые можно применять для выявления опасных признаков того, что мы слишком близко приблизились к темным закоулкам и что нужны меры по сокращению риска и увеличению расстояния от них. Попытка создания модели для работы в штатных ситуациях и учета системных рисков может оказаться за пределами концептуальных и технических возможностей экономистов на данном этапе.

Нынешний кризис был крайне болезненным. Но один из его положительных моментов заключается в том, что он дал толчок к переосмыслению макроэкономической мысли и политики. Основной урок для экономической политики формулируется просто: нужно держаться подальше от темных закоулков. ■

Оливье Бланишар — экономический советник МВФ и руководитель Исследовательского департамента МВФ.



COLUMBIA | SIPA

School of International and Public Affairs

PROGRAM IN ECONOMIC POLICY MANAGEMENT (PEPM)

Confront global economic challenges with the world's leading economists, policymakers, and expert practitioners, including Jagdish Bhagwati, Guillermo Calvo, Robert Mundell, Arvind Panagariya, and many others.

A 14-month mid-career Master of Public Administration focusing on:

- rigorous graduate training in micro- and macroeconomics
- emphasis on the policy issues faced by developing economies
- option to focus on Economic Policy Management or International Energy Management
- tailored seminar series on inflation targeting, international finance, and financial crises
- three-month capstone internship at the World Bank, IMF, or other public or private sector institution

The 2015–2016 program begins in July of 2015. Applications are due by January 5, 2015.

pepm@columbia.edu | 212-854-6982; 212-854-5935 (fax) | www.sipa.columbia.edu/academics/degree_programs/pepm
To learn more about SIPA, please visit: www.sipa.columbia.edu



Солнце восходит над ветряными турбинами рядом с Линкольном (Канзас, США).

Целый ряд новых источников энергии коренным образом меняет современное экономическое устройство, порождая победителей и проигравших по всему миру

Новые силы

Джеффри Болл

В ПРОШЛОМ году министр одного из государств-членов Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) сказал, что резкое увеличение добычи нефти в США вызывает «серьезную озабоченность» картеля. Весной текущего года Barclays снизил рейтинг долга электроэнергетического сектора США, предупреждая о том, что рост популярности устанавливаемых на крышах солнечных панелей, «вероятно, нарушит существующее положение». Тем временем угледобывающие компании Запада утопают в запасах в условиях слабого спроса внутри страны и вынуждены искать рынки сбыта далеко от места добычи, в Азии.

Мир сотрясает энергетическая революция: революция, вызванная взрывом новых энергетических технологий и источников энергии. Она разительно отличается от энергетических сдвигов последнего полувека, порожденных мощными шоками предложения. То тут, то там в мире возникают новые богатые источники ресурсов — и они начинают иметь глубокие неожиданные геополитические и экологические последствия. Пока их наиболее поразительный эффект является экономическим. Сегодняшние новые источники энергии угрожают влиятельным игрокам как минимум в такой же мере, как и энергетические кризисы прошлого. От бума добычи ископаемых видов топлива до расцвета энергии из возобновляемых источников и вне-

дрения целого ряда приспособлений и бизнес-моделей, направленных на сокращение потерь энергии, новое изобилие энергии XXI века делает то, что обычно делает новое изобилие, — дестабилизирует старый экономический порядок.

Безусловно, даже с появлением этих новых источников энергии мир сталкивается с фундаментальными проблемами в области энергетики. Растет спрос на энергию в развивающемся мире, особенно в Китае. Это оказывает давление на глобальное производство и ведет к тому, что цены на нефть упорно остаются высокими; давление может усилиться с повышением мировой экономической активности. Продолжают расти и выбросы парниковых газов, в значительной мере потому, что мир использует в качестве топлива главным образом уголь и другие ископаемые виды топлива и, скорее всего, будет продолжать делать это еще многие годы.

Вместе с тем в некоторых местах новое обилие ресурсов начинает менять энергетический ландшафт. Оно перемещает центр тяжести глобальной добычи нефти в западном направлении: с Ближнего Востока в Северную Америку. Оно переориентирует молодую отрасль энергии из возобновляемых источников на восток: из Соединенных Штатов и Европы в Китай. Это обилие сокращает выбросы углерода в одних случаях и усугубляет их в других, что означает, что еще много лет оно будет оказывать непредсказуемое действие на знаковую экологическую проблему современности — изменение климата. При этом распространение новых обильных источников ресурсов ставит под угрозу ключевые звенья давно доминирующих энергетических держав, в частности ОПЕК, ведущих производителей электроэнергии и многонациональные предприятия обрабатывающей промышленности. Все они стараются адаптироваться, чтобы не потерпеть крах.

Продвижение вперед

Исторически сложилось так, что энергетические сдвиги могут быть обусловлены одной из двух причин. Иногда факторами отталкивания — истощается преобладающий источник энергии. Иногда

присутствовали факторы притяжения — появляется более привлекательный источник энергии. В 1700-е и 1800-е годы промышленно развивающиеся общества переходили с дров на уголь под воздействием как факторов отталкивания, так и притяжения. Их леса истощались, и они обнаружили, что на фабриках эффективнее использовать уголь, более энергоемкое топливо. В начале 1900-х годов под воздействием фактора притяжения британский военно-морской флот перешел с угля на нефть, позднее это решение повлекло за собой аналогичный переход на нефть гражданского транспорта, потому что «черное золото» плотнее, чище и его проще перемещать, чем «черный камень».

Во второй половине XX века крупные энергетические сдвиги были обусловлены факторами отталкивания — реакцией на ограничение предложения по политическим мотивам. После того, как бомбы союзников во Второй мировой войне сравняли с землей крупнейшие города Германии и Японии, эти две страны, которые традиционно были вынуждены импортировать основную часть потребляемой ими энергии, восстанавливали свою инфраструктуру с учетом ее энергоэффективности. А после эмбарго 1970-х годов на поставки арабской нефти государства, в которых в то время отсутствовали собственные источники ископаемых видов топлива, проводили масштабные национальные кампании, направленные на более широкое использование альтернативных источников энергии. Франция стала атомной, Бразилия ездил на этаноле, а Дания использовала ветряные турбины. Нужда заставляла проявлять изобретательность.

На пороге XXI века мир, как представлялось, столкнулся с ограничением в сфере энергетики значительно более структурного характера, чем война или эмбарго, — с ограниченностью природных ресурсов. Страны с развивающейся экономикой, в частности Китай и Индия, с каждым годом поглощали в огромных объемах все больше энергии, а производители энергии с трудом старались добывать достаточно нового ископаемого топлива, чтобы удовлетворить спрос. Траектории этого тренда указывали на новую эпоху дефицита энергии, страх перед которым достиг апогея, когда приблизительно десять лет назад в публичный лексикон ворвался термин из геологии — «пиковая нефть». Это понятие означало, что мир потребил приблизительно половину всей извлекаемой из недр нефти. Согласно этой теории, на вершине этой судьбоносной кривой предложения человечество, сжигающее вторую половину нефтяного дара матери-природы, ожидает будущее с резким ростом розничных цен на бензин и нефтяными войнами. Многие приверженцы теории «пиковой нефти» предсказывали, что будущее — это дорога в Армагеддон, мальтузианское наказание, которое по заслугам понесет расточительный мир.

Новая эпоха изобилия

Как все может поменяться за несколько лет. Высокие цены на нефть, в которых последователи теории «пиковой нефти» усматривали подтверждение своих прогнозов на рубеже тысячелетий, послужили толчком к научно-техническому прорыву, который, по крайней мере на большей части территории мира, в огромной степени способствовал росту предложения энергии, производимой рентабельным образом. Сегодня наблюдается резкое увеличение добычи видов нефти и природного газа, которые специалисты отрасли называют «нетрадиционными» — выражаясь простым языком, трудноизвлекаемыми. Это обусловлено по большей части тем, что высокие цены сделали финансово доступным внедрение новых технологий добычи, таких как гидроразрыв пласта и горизонтальное бурение. Сработали рыночные механизмы, которым помогли государственные расходы на научные исследования и разработки в этой области.

Очевидность результата видна в той буре восторга, который вызывает освоение огромных запасов нетрадиционных углеводородов на большей части территории планеты — от Соеди-

ненных Штатов до Китая, Европы и Латинской Америки. Менее десяти лет назад американские политики были озабочены тем, что их страна становится все более зависимой от импорта ближневосточной нефти, а представители американской промышленности предупреждали о том, что высокие внутренние цены на энергию вытесняют обрабатывающую промышленность за рубеж. Сегодня политики обсуждают, экспортировать ли крупные объемы американских нефти и газа, и благодаря наличию всего этого отечественного ископаемого топлива некоторые компании, которые могли бы разместить свое производство в других частях мира, оставляют или строят его в Соединенных Штатах.

Наличие бума ископаемых видов топлива очевидно и в поразительном сдвиге в риторике защитников окружающей среды и других сторонников низкоуглеродной энергии, главным образом из возобновляемых источников. После того, как они годами утверждали, что энергия из возобновляемых источников необходима в значительной степени потому, что истощаются ископаемые виды топлива, теперь они отстаивают точку зрения, согласно которой энергия из возобновляемых источников необходима по большей части потому, что ископаемые виды топлива находят все более широкое применение. По всему миру они требуют от правительств введения верхних пределов выбросов углерода, достаточно жестких для того, чтобы сжигание этого сокрытого в земле клада стало нерентабельным. Этот аргумент будет особенно непопулярным в странах с развивающейся экономикой, аппетит на энергию которых продолжает расти.

Энергия из возобновляемых источников сама по себе является важной составляющей современного зарождающегося подъема энергетики. Стремительное увеличение ее производства началось с крошечной базы, поэтому она по-прежнему составляет малую долю глобального энергетического пирога. Однако эта доля увеличилась значительно быстрее, чем предсказывали многие, и сегодня довольно традиционные прогнозы относительно ее будущего варьируются от просто оптимистических до решительным образом эйфорических. Солнечная и ветровая энергетика растут наиболее быстрыми темпами благодаря крупным государственным субсидиям. Эти стимулы обусловлены тремя факторами: озабоченностью изменением климата, желанием правительств многих стран поощрять создание новых рабочих мест в своих странах и националистической попыткой тех же стран одержать победу — как они считают — в одном из великих научно-технических соревнований XXI века.

Однако экономическим силам, после того как их высвободили, свойственно выходить из-под контроля. А энергия из возобновляемых источников быстро переросла из милого «зеленого» времяпрепровождения в глобальную индустрию с жесточайшей конкуренцией со скоростью и интенсивностью, которые ударили даже по многим ее поклонникам. Первоначально европейские страны ввели субсидии, благодаря которым компаниям стало выгодно как производить ветровые турбины и солнечные панели, так и продавать более дорогую электроэнергию, которую вырабатывали эти приспособления. После этого страны с обрабатывающей промышленностью с низкими издержками, а именно Китай, воспользовались этими европейскими стимулами, чтобы запустить свою крупную ориентированную на экспорт отрасль энергии из возобновляемых источников. Позднее, когда этот глобальный ажиотаж обеспечил экономию от увеличения масштабов в неэффективной зарождающейся отрасли, стоимость ветровой и солнечной энергии резко снизилась. Сегодня в нескольких местах в разных частях мира, в которых много ветра или солнца или в которых очень высокие цены на традиционное электричество (или в которых присутствуют оба эти фактора), стоимость энергии из этих возобновляемых источников может конкурировать со стоимостью энергии, получаемой за счет угля или газа.

Блестящее будущее — для некоторых

Распространение нового изобилия ресурсов может быть приостановлено целым рядом научно-технических, политических и экономических барьеров. Однако ключевые участники глобальной экономики приходят к убеждению, что это новые нормальные условия, которые нельзя игнорировать.

Особенно обеспокоена ОПЕК. В прошлом году министр энергетики Нигерии, государства-члена ОПЕК, выступление которого широко освещалось, сказал, что рост добычи сланцевой нефти в США вызывает «серьезную озабоченность». Факты, поступающие с мест, как представляется, все более подтверждают обоснованность этого волнения. В июне этого года Международное энергетическое агентство (IEA, 2014) в одном из своих докладов прогнозировало, что доля ОПЕК в мировом «продуктивном» нефтяном потенциале будет и далее падать с 58 процентов в 2013 году до 57 процентов глобального потенциала в 2019 году, а доля государств, не являющихся членами ОПЕК, увеличится с 42 до 43 процентов. За этой сравнительно мягкой статистикой скрываются пугающие сдвиги для картеля, который давно доминирует в мировой добыче нефти. С 2012 года по 2013 год, по данным МЭА, добыча нефти в Северной Америке подскочила на 1,35 млн баррелей в сутки, тогда как добыча нефти ОПЕК упала на 850 000 баррелей в сутки. И хотя потенциал ОПЕК, по прогнозам, в 2019 году будет на 2,08 млн баррелей в сутки выше, чем в 2013 году, этот ожидаемый скачок прогнозируется исходя из допущения о том, что более половины роста приходится на Ирак — страну с нестабильной ситуацией. «Ввиду сложившейся в Ираке неустойчивой политической ситуации и ситуации в сфере безопасности, — предупреждало МЭА в своем докладе, — в прогнозе присутствует риск снижения темпов роста добычи». Хотя пока сокращение добычи ОПЕК обусловлено главным образом политическими и геологическими трудностями в странах ОПЕК, члены организации выражают усиливающееся беспокойство относительно того, что с ростом нефтедобычи в Соединенных Штатах будет снижаться спрос на нефть из ОПЕК.

ОПЕК не единственная сила, волнующаяся по поводу подъема производства энергии в США. Беспокойство испытывает и европейская промышленность, опасаящаяся того, что падающие цены на энергию за Атлантическим океаном сделают Европу менее конкурентоспособным производителем глобальных товаров. В феврале текущего года руководители более ста энергоемких компаний с большим объемом операций в Европе, такие гиганты, как Rio Tinto Alcan, ArcelorMittal, BASF, ThyssenKrupp, Johnson Controls и Merck, подписали письмо с призывом к европейским разработчикам экономической политики увеличить добычу природного газа на континенте и смягчить множество введенных предписаний по сокращению выбросов углерода. Две этих меры (как утверждала эта группа предприятий, организовавшая подготовку этого, как она назвала его, «манифеста») позволят снизить цены на энергию в Европе и сделают европейскую промышленность более конкурентоспособной относительно предприятий в Соединенных Штатах.

Рост энергии из возобновляемых источников ведет к разжиганию такой же острой борьбы, как борьба, связанная с новым подъемом в нефтегазовой отрасли. Солнечная энергия является в этом случае особенно сложным вопросом.

На солнечную энергию, по данным МЭА, приходится менее одного процента годового глобального объема производства электроэнергии. Однако даже это означает увеличение в несколько раз объема солнечной энергии по сравнению с ситуацией, существовавшей всего пять лет назад. И за этим скрывается еще более широкое ее распространение в некоторых странах. По данным МЭА, на солнечную энергию приходится около 8 процентов общего годового производства электроэнергии Италии, приблизительно по 5 процентов — Германии и Испании и приблизительно 2 процента — Австралии. В Калифорнии в некоторые дни более 6 процентов электроэнергии

вырабатывается из энергии солнца. В глобальных масштабах к концу текущего года солнечная энергия будет составлять более одного процента годового производства электроэнергии, по прогнозам МЭА, которое утверждает, что после этого солнечную энергию ожидает значительно более радужное будущее.

Солнечная энергетика выросла во многом благодаря тому, что субсидии стимулировали усовершенствования, которые снижали затраты. По многим оценкам, за последние несколько лет средняя цена на солнечные панели упала на 75 процентов и более. Одной из основных причин этого падения цен был неожиданный рост китайских предприятий по производству дешевых солнечных панелей. Это вызвало негодование западных компаний, доминировавших в солнечной энергетике на этапе ее становления. Несколько этих компаний подали жалобы в международные торговые организации, в которых утверждалось, что китайским производителям солнечных панелей была незаконно оказана поддержка за счет столь щедрых китайских субсидий, что они нарушают нормы Всемирной торговой организации. Китай отрицает нарушение какого-либо закона. Независимо от того, кто прав с точки зрения закона, эти обвинения положили начало торговой войне, в которой Китай столкнулся с Соединенными Штатами и Европой и каждая сторона вводит тарифы на комплектующие оборудования для солнечной энергетике, которые она импортирует из другой страны. В июле Соединенные Штаты сообщили о своем намерении снова повысить тарифы на солнечные панели китайского производства.

Рассвет новой эпохи?

Помимо столкновения по вопросу о том, кто будет получать прибыль от производства солнечных панелей, ведется борьба за то, кто выиграет и кто проиграет в результате сбыва солнечной энергии. Ведущие производители электроэнергии по всему миру все более озабочены тем, что распространение более дешевых солнечных панелей будет способствовать тому, что большее число потребителей будет производить собственную энергию, что ослабит клиентскую базу предприятий коммунального обслуживания. В Германии крупное предприятие коммунального обслуживания E.ON назвало причиной снижения квартальной прибыли рост использования устанавливаемых на крышах солнечных панелей. В Соединенных Штатах исполнительный директор американского производителя энергии NRG Energy Дэвид Крейн назвал энергию, вырабатываемую посредством устанавливаемых на крышах солнечных панелей, «смертельной угрозой» деятельности предприятий коммунального обслуживания. Ведущая энергетическая компания на Гавайях недавно заявила о том, что она жестко лимитирует число устанавливаемых на крышах солнечных панелей, которые будут подключены к энергосистеме.

Энергия бывает опасной и непредсказуемой. Это справедливо как в случае штепсельной розетки, так и в мировых масштабах. Не так давно наибольшую озабоченность вызывала нехватка энергии для энергоснабжения мира. Сейчас у различных игроков от производителей нефти до электроэнергетических компаний и транснациональной промышленности появился новый повод для беспокойства — то, что распространение новых энергетических технологий и источников энергии начинает подрывать позиции мировых держав. ■

Джеффри Болл является приглашенным научным сотрудником Центра энергетической политики и финансов им. Стайера–Тейлора Стэнфордского университета, который представляет собой совместную инициативу юридического факультета и факультета бизнеса Стэнфордского университета.

Литература:

International Energy Agency (IEA), 2014, Medium-Term Oil Market Report 2014: Market Analysis and Forecasts to 2019 (Paris).



Трущобы и современные небоскребы в Форталезе (Бразилия).

Показатель для измерения

Джонатан Д. Остри и Эндрю Дж. Берг

ХОТЯ в последние годы растущее экономическое неравенство приняло характер важного экономического и политического вопроса, часто бывает неясно, как дать его точное определение. Оно могло бы характеризовать относительное положение среднего класса или доходы верхнего 1 процента. Его можно оценивать до или после уплаты налогов и трансфертов. То, что измеряется, имеет непосредственное отношение к тому, какие выводы делаются и какие ответные меры политики следует рассмотреть.

Кроме того, по мере все более широкого признания реального существования неравенства внимание стало обращаться к вопросу о том, что, так или иначе, следует предпринимать по этому поводу — например, следует ли перераспределять доходы, и если да, то каким образом, и к каким последствиям может привести перераспределение. Как и в случае неравенства, определение «перераспределения» и то, как оно измеряется, играет важнейшую роль для анализа и политики.

Что такое неравенство?

Все экономические понятия представляют собой трудные проблемы с точки зрения их определения, а также в концептуальном смысле, но для неравенства это, возможно, даже более

верно, чем для большинства из них. Например, измерение ВВП само по себе является чрезвычайно сложным делом. Но, по крайней мере, его цель ясна: рассчитать общий объем производства в экономике. Неравенство, напротив, больше похоже, скажем, на «конкурентоспособность»: любой простой показатель является попыткой свести сложный вопрос к одному числу.

Большинство данных о неравенстве изначально поступает из обследований, в которых домашним хозяйствам обычно задаются вопросы о доходах из различных источников, налогах и потреблении. Собранные информация весьма несовершенна. Как правило, обследования, которые являются дорогостоящими и сложными, проводятся, в лучшем случае, всего раз в несколько лет. И нет никакой гарантии, что эти обследования репрезентативны. Организаторам обследований может быть труднее найти богатых респондентов, а уже найденные могут быть менее склонны принять участие в обследовании.

Часто исследователи хотят сравнить уровни неравенства по периодам времени и странам, что трудно по многим причинам:

- **Обследования различаются в существенных отношениях.** Например, существует несколько способов определения доходов. Доходы могут включать только оплату факторов производства, например, заработную плату за труд

Неравенство, возможно, является актуальной темой, но определить его — трудная задача

и прибыль от капитала (рыночный доход), или же включать также трансферты, такие как частные дарения, государственные субсидии и пенсии или ресурсы в натуральной форме, такие как продовольственные талоны и налоговые платежи (чистый или располагаемый доход). Кроме того, обследования могут представлять данные о неравенстве в потреблении, а не в доходах.

• **Единицы анализа также различаются.** В обследовании могут рассматриваться доходы в расчете на душу населения, домашнее хозяйство или налоговую единицу (которая часто не совпадает с домашним хозяйством). Как правило, обследования представляют данные о доходах в расчете на «скорректированное домашнее хозяйство», с тем чтобы учесть то обстоятельство, что расходы в расчете на одного члена семьи снижаются по мере увеличения размера домашнего хозяйства.

В силу этих и других связанных с обследованиями проблем, в частности, трудностей с отслеживанием доходов богатых слоев населения, экономисты обратились к документам налогового учета в качестве источника данных о распределении доходов (Atkinson, Piketty, and Sáez, 2011). Налоговые данные имеют ряд преимуществ перед данными обследований: они имеются по всем налогоплательщикам, так что богатые представлены лучше, и есть возможность рассматривать небольшие сегменты населения, такие как верхняя 0,1 процента. Кроме того, данные обычно имеются на ежегодной основе и часто распространяются на прошлые периоды вплоть до начала XX века.

Но использование налоговых данных имеет и существенные недостатки. Во-первых, они не охватывают многих малоимущих и даже представителей среднего класса, которые не платят подоходные налоги. Во-вторых, обычно имеется мало информации о фактически уплаченных налогах и полученных трансфертах, позволяющей рассчитать располагаемый доход. В-третьих, данные имеются только по странам с развитой экономикой и небольшому числу стран с формирующимся рынком. И, в-четвертых, данным, основанным на налогах, присущи их собственные проблемы измерения, связанные с представлением ложных сведений и использованием стратегий уклонения от уплаты налогов, многие из которых, возможно, особенно доступны для самых богатых.

Значение измеряемого показателя

Когда речь идет о таких разрозненных и несовершенных показателях, основной принцип заключается в том, чтобы использовать правильный способ измерения для поставленной задачи.

Рисунок 1

Дележ пирога

И в США, и в Германии распределение доходов является неравным.

(Доля общего чистого дохода, в процентах, 2007 год)



Источник: УООН-МНИИЭР, база данных по неравенству мировых доходов (БДНМД 3.0A), июнь 2014 года.

Примечание. Пары столбцов расположены в порядке от беднейших десяти процентов населения США и Германии до самых богатых 10 процентов. Индекс Джини, измеряющий общий уровень неравенства в стране, составляет 0,29 по Германии и 0,38 по США. Индекс Джини, равный нулю, означает, что все домашние хозяйства имеют одинаковые доходы, а индекс, равный 1, означает, что одно домашнее хозяйство получает все доходы.

Начнем с простого сравнения США и Германии на основе данных о располагаемых доходах скорректированных домашних хозяйств (см. рис. 1). По существу, располагаемый доход — это доходы и трансфертные платежи, полученные домашними хозяйствами, за вычетом налогов. Нам необходимо свести имеющуюся информацию к такому виду, который позволяет легко проводить сравнения. Существует много способов сделать это, и каждый из них имеет свои преимущества.

Индекс Джини является наиболее часто используемым сводным показателем. Он измеряет среднюю разницу в доходах между любыми двумя домашними хозяйствами (или лицами), отобранными случайным образом из всего населения. Его масштаб задается таким образом, что он изменяется от нуля до единицы: ноль означает, что все домашние хозяйства получают одинаковый доход, а единица означает, что одно домашнее хозяйство получает весь доход. Поскольку индекс Джини охватывает распределение в целом и имеется по многим странам, он особенно полезен для понимания общих макроэкономических последствий и детерминантов неравенства доходов.

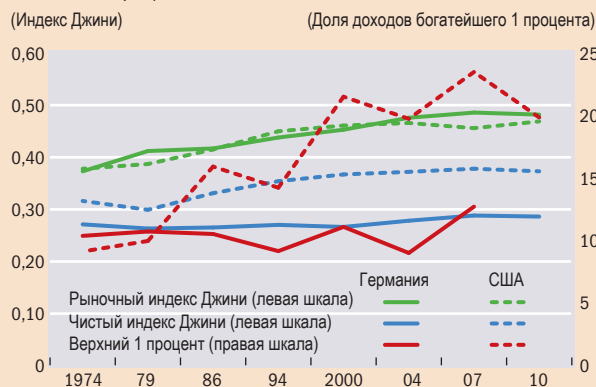
Доля доходов, поступающая очень богатым (верхнему 1 проценту или верхней 0,1 процента), в последнее время привлекала много внимания, так как она резко возросла в некоторых странах примерно с 1980 года. Этот прирост был до такой степени сконцентрирован в самой верхней части распределения, что коэффициенты Джини, которые рассматривают распределение доходов в целом и основаны на обследованиях, были не в состоянии как следует уловить его.

Доля верхнего 1 процента может быть более полезным показателем отчасти потому, что она позволяет оценить особенно важную особенность распределения доходов для некоторых целей, например, способность сказочно богатых узурпировать политический процесс. Как заметил однажды ныне покойный член Верховного суда США Луис Брандейс: «Мы можем иметь демократию или же систему, при которой богатство сосредоточено в руках немногих, но мы не можем иметь и то, и другое». Он не учитывал общие показатели неравенства, такие как индекс Джини. Некоторые авторы, например, Джозеф Стиглиц (2012), утверждают, что

Рисунок 2

Сравнительное измерение

Общий уровень неравенства и доля доходов, получаемых богатейшим 1 процентом населения, возрастают и в Германии, и в США, хотя в США они снизились во время глобальной рецессии.



Источники: Alvaredo and others (2014) для богатейшего 1 процента населения; Solt (2009) для данных по индексу Джини.

Примечание. Рыночное неравенство измеряется до вычета налогов и трансфертных платежей. Чистое неравенство учитывает трансфертные платежи и налоги. Доля доходов богатейшего 1 процента измеряется до налогов и трансфертов. Индекс Джини измеряет неравенство в экономике. Индекс Джини, равный нулю, означает, что все домашние хозяйства имеют одинаковые доходы, а индекс, равный 1, означает, что одно домашнее хозяйство получает все доходы.

из-за традиционной ориентации на индекс Джини многие аналитики упускали из вида последствия роста верхней группы доходов для эволюции политической власти в США. Однако для некоторых целей более общие показатели являются более полезными. Например, в странах с более высоким уровнем неравенства мобильность между поколениями обычно ниже при использовании в качестве меры коэффициента Джини, но не при использовании показателя верхнего 1 процента.

На рис. 2 показано изменение индекса Джини применительно к рыночному неравенству (без учета налогов и трансфертов) и доли доходов, получаемых верхним 1 процентом в Германии и США. Обе меры демонстрируют увеличение в обеих странах, но это увеличение является гораздо более резким для верхнего 1 процента в США. Другим поразительным результатом является то, что неравенство рыночных доходов, измеряемое при помощи индекса Джини, примерно одинаково в Германии и США.

Неравенство и экономический рост

В нашем исследовании неравенства мы сосредоточили внимание на последствиях неравенства для устойчивости экономического роста в большой выборке стран. Мы предположили, что могут действовать многие механизмы, связывающие неравенство и рост, в том числе влияние неравенства на способность малоимущих и среднего класса накапливать человеческий капитал, на политическую стабильность и, таким образом, на стимулы к инвестированию, на социальную сплоченность и способность противостоять шокам и энергично адаптироваться к ним, а также на политическое давление в целях перераспределения, которое может ослаблять стимулы и, тем самым, замедлять экономический рост. Поскольку мы хотели охватить все эти каналы, не утверждая, какой из них имеет наибольшее значение, а также потому, что нам была необходима большая выборка стран и периодов времени, индекс Джини послужил отличную службу. В работе Berg and Ostry (2011) мы присоединились к предварительному и, возможно, растущему консенсусу среди исследователей, заключив, что более высокое неравенство связано с менее устойчивым ростом.

Внимание, которое было сосредоточено на неравенстве, перекладывается на перераспределение доходов. Наши выводы относительно неравенства и роста были неоднозначны с точки зрения последствий для перераспределения. Если страны с более высоким уровнем неравенства, как правило, пытаются перераспределить больше, и такое перераспределение (более высокие ставки налогов, субсидии) ослабляет стимулы к труду и инвестициям, то перераспределение является не «средством» от неравенства, а частью проблемы, по крайней мере, когда дело касается экономического роста.

Мы столкнулись с двумя сложными вопросами измерения. Во-первых, большинство наборов межстрановых данных о неравенстве содержат в основном информацию о неравенстве *чистых* (располагаемых) доходов. Однако для того, чтобы изучить вопрос о том, перераспределяют ли страны с более высоким уровнем неравенства доходы в большей степени, требуется рассмотреть связь между *рыночным* неравенством и перераспределением, поскольку *чистое* неравенство смешивает последствия основополагающего рыночного неравенства и перераспределения. Во-вторых, мы хотели измерить перераспределение как таковое, чтобы оценить вторую часть ситуации: влияет ли перераспределение на экономический рост, как в большой проблеме компромиссного выбора между равенством и эффективностью, описанной в работе Arthur Okun (1975).

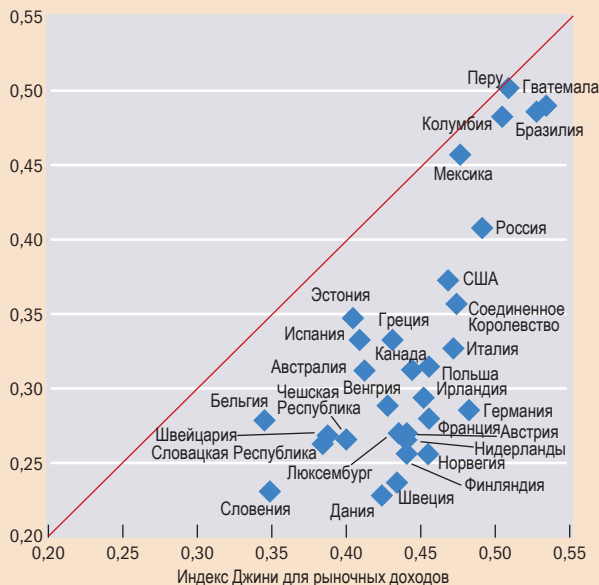
Оказывается, однако, что перераспределение еще сложнее хорошо измерить, чем неравенство. Большинство усилий было сосредоточено на представительных показателях перераспределения, таких как государственные расходы на здравоохранение, образование и социальные субсидии, с одной стороны, и общие доходы или ставки налогов, с другой.

Рисунок 3

Перераспределение доходов

Неравенство уменьшается при учете налогов и трансфертных выплат домашним хозяйствам с низкими доходами.

(Индекс Джини для чистых доходов)



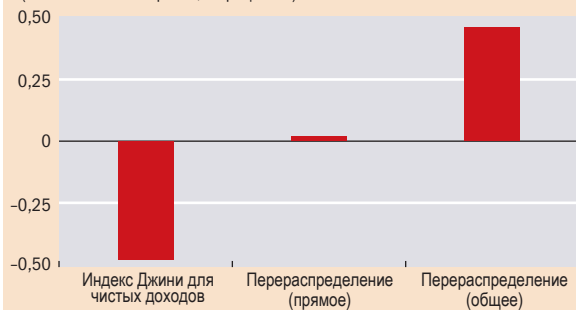
Источники: Solit (2009); стандартизованная база данных по мировому неравенству, версия 4.0. Примечание. Индекс Джини измеряет неравенство в экономике. Индекс Джини, равный нулю, означает, что все домашние хозяйства имеют одинаковые доходы, а индекс, равный 1, означает, что одно домашнее хозяйство получает все доходы. Рыночные доходы — это полученные доходы до вычета налогов и трансфертных платежей. Чистые доходы учитывают трансфертные платежи и налоги. Чем правее по линии с наклоном в 45 градусов расположена страна, тем больше объем перераспределения. Данные приводятся за самый последний имеющийся год по каждой стране в диапазоне с 2003 по 2010 год.

Рисунок 4

Чем больше равенства, тем выше рост

Более высокий уровень чистого неравенства связан с более низким экономическим ростом, а перераспределение доходов, по-видимому, практически не оказывает негативного влияния на рост.

(Изменение темпа роста, в процентах)



Источник: Ostry, Berg and Tsangarides (2014).

Примечание. Высота первого столбца, который опускается ниже нуля, показывает снижение среднего реального (с учетом инфляции) роста доходов на душу населения за пять лет, связанного с повышением неравенства (измеряемого с помощью индекса Джини для чистых доходов) от 50-го до 60-го перцентилей при постоянных остальных переменных (включая перераспределение). Индекс Джини измеряет общий уровень неравенства в стране. Индекс Джини, равный нулю, означает, что все домашние хозяйства имеют одинаковые доходы, а индекс, равный 1, означает, что одно домашнее хозяйство получает все доходы. «Чистые доходы» — это доходы с учетом налогов и трансфертов. Второй столбец показывает воздействие (чуть выше нуля) 10-процентного увеличения перераспределения на рост при постоянных чистых доходах, неравенстве и других переменных. Перераспределение измеряется как разность между коэффициентом Джини для рыночных доходов (доходов без учета налогов и трансфертов) и чистых доходов. Третий столбец показывает оцениваемое положительное воздействие на рост аналогичного 10-процентного увеличения перераспределения, но с включением (косвенного) воздействия увеличения перераспределения на более низкое чистое неравенство и, следовательно, на более высокий рост. В этих расчетах предполагается, что увеличение перераспределения не оказывает воздействия на рыночное неравенство.

Но эти представительные показатели весьма неточны. Значительная часть налогообложения может не носить особенно прогрессивного характера, например, налоги на фонд заработной платы или налоги с продаж. Аналогичным образом, выгоды от социальных расходов могут поступать или не поступать в основном группам населения с низкими доходами. Например, значительная часть расходов на образование в развивающихся странах направляется на среднее и высшее образование, и выгоды от них получают в основном более обеспеченные слои населения, тогда как большая часть расходов на здравоохранение идет на финансирование городских больниц, которые могут не быть предназначены для малоимущих граждан или даже для граждан со средними доходами. При измерении перераспределения с использованием этих представительных показателей исследователи практически не обнаружили доказательств того, что страны с более высоким уровнем неравенства перераспределяют доходы в большей степени. Но при улучшении способа измерения результаты становятся яснее. В работе Milanovic (2000) используется набор данных высокого качества, в основном по промышленно развитым странам, который ведется Люксембургским центром исследования доходов. Он обеспечивает в значительной степени сопоставимые данные о рыночном и чистом неравенстве. Автор установил, что перераспределение тесно связано с уровнем рыночного неравенства для этого набора богатых демократических стран.

Наш интерес вызывали детерминанты экономического роста во всех странах. По счастью, относительно новый набор данных, составленный политологом Фредериком Солтом (Frederick Solt, 2009), сильно помогает составлять именно такую информацию, которая нам требовалась. Солт стандартизировал доступные высококачественные данные о неравенстве, полученные при помощи обследований, по основным параметрам. Он собрал информацию из обследований, проведенных Всемирным банком, Организацией Объединенных Наций и другими организациями, об индексе Джини по доходам во всех определениях (таких как рыночный доход и чистый доход) и учетным единицам (например, в расчете на домашнее хозяйство на душу населения). Затем он проанализировал множество случаев, по которым имеется несколько показателей неравенства для данной страны и по данному периоду времени, с тем чтобы оценить типовые связи между различными показателями. Например, в странах Латинской Америки в 1970-е годы неравенство потребления имело достаточно предсказуемую связь с неравенством располагаемых доходов. На основе этой информации и сотен подобных связей, используемых систематически, Солт определил стандартные показатели неравенства чистых и рыночных доходов по большому числу стран и периодов времени.

Такого рода информация о чистом и рыночном неравенстве дает поразительные результаты. Например, хотя общеизвестно, что в США неравенство гораздо выше, чем в Германии, и что в Латинской Америке неравенство гораздо выше, чем в Европе, значительно менее известно то, что эти сравнения в основном справедливы в отношении чистых доходов. Результаты с точки зрения рыночного неравенства (доходы до налогов и трансфертов) удивительно схожи (см. рис. 3).

В более общем плане, поскольку страны с более неравным распределением рыночных доходов, как правило, перераспределяют больше, распределение чистых доходов в таких странах не обязательно является существенно более неравным — в среднем перераспределение составляет примерно 60 процентов разницы. США стоят особняком среди богатых стран в силу их высокого неравенства чистых доходов, но это в той же мере обусловлено относительно небольшими масштабами перераспределения, что и высоким рыночным неравенством.

Новая область

В нашей работе (Ostry, Berg, and Tsangarides, 2014), в которой использовались данные Солта, мы сделали три общих вывода.

Во-первых, общества с более высоким уровнем неравенства, как правило, перераспределяют больше, причем не только богатые страны, но и те, экономика которых еще только развивается (хотя в целом в меньшей степени). Во-вторых, существует устойчивая корреляция между более низким чистым неравенством и более быстрым и устойчивым экономическим ростом при данном уровне перераспределения. И, в-третьих, перераспределение, измеряемое как разность между рыночным и чистым неравенством, по-видимому, является в целом благоприятным с точки зрения его влияния на рост (рис. 4 иллюстрирует два последних вывода). Только в крайних случаях имеются некоторые доказательства того, что это может повредить экономическому росту. Таким образом, сочетание прямых и косвенных эффектов перераспределения в среднем способствует экономическому росту. Разумеется, мы должны сознавать ограничения, присущие этому набору данных и межстрановым сопоставлениям в целом. И, очевидно, значение имеют специфические черты политики перераспределения (IMF, 2014). Но, исходя из нашей работы, нет большого риска в том, чтобы предположить, что существует значительный компромиссный выбор между перераспределением и ростом.

Многие интереснейшие темы в этой области в настоящее время активно исследуются. Однако ясно, что приоритетное значение имеет сбор и анализ большего количества данных более высокого качества, включая большее количество данных более высокого качества о неравенстве и перераспределении доходов по большему числу стран, более содержательный анализ перераспределения бюджетных доходов на уровне стран (Lustig and others, 2013) и повышенное внимание к неравенству богатства, в противоположность неравенству доходов. Однако мы не можем ждать появления совершенных данных: мы должны одновременно работать над улучшением данных и тщательно использовать уже имеющиеся данные. ■

Джонатан Д. Остри — первый заместитель директора, а Эндрю Г. Берг — заместитель директора Исследовательского департамента МВФ.

Литература:

- Alvaredo, Facundo, Anthony B. Atkinson, Thomas Piketty, and Emmanuel Saez, 2014, The World Top Incomes Database. <http://topincomes.g-mond.parisschoolofeconomics.eu>
- Atkinson, Anthony, Thomas Piketty, and Emmanuel Saez, 2011, "Top Incomes in the Long Run of History," *Journal of Economic Literature*, Vol. 49, No. 1, pp. 3–71.
- Berg, Andrew, and Jonathan Ostry, 2011, "Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin?" *IMF Staff Discussion Note No. 11/08* (Washington: International Monetary Fund).
- International Monetary Fund (IMF), 2014, "Fiscal Policy and Income Inequality," *IMF Policy Paper* (Washington).
- Lustig, Nora, and others, 2013, "The Impact of Taxes and Social Spending on Inequality and Poverty in Argentina, Bolivia, Brazil, Mexico, Peru and Uruguay: An Overview," *Tulane Economics Working Paper No. 1316* (New Orleans, Louisiana: Tulane University).
- Milanovic, Branko, 2000, "The Median-Voter Hypothesis, Income Inequality, and Income Redistribution: An Empirical Test with the Required Data," *European Journal of Political Economy*, Vol. 16, No. 3, pp. 367–410.
- Okun, Arthur M., 1975, *Equality and Efficiency: The Big Tradeoff* (Washington: Brookings Institution).
- Ostry, Jonathan, Andrew Berg, and Charalambos Tsangarides, 2014, "Redistribution, Inequality, and Growth," *IMF Staff Discussion Note No. 14/02* (Washington: International Monetary Fund).
- Solt, Frederick, 2009, "Standardizing the World Income Inequality Database," *Social Science Quarterly*, Vol. 90, No. 2, pp. 231–42.
- Stiglitz, Joseph E., 2012, *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future* (New York: W.W. Norton).

Иногда прошлое является прелюдией, но в первые годы XXI столетия мало что предвещало надвигающиеся экономические разрушения ураганной силы. В 2007 году мир вновь столкнулся с кризисом, который угрожал экономическим крахом

Однако для МВФ такие испытания не были нове. Он был рожден в результате такого потрясения.



Преодоление кризиса

**ГЛОБАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД**

Текст Джо Прокопио

Рисунки Ника Галифанакиса

Когда великие державы собрались в Париже в 1919 году, они спорили относительно предложений президента США Вудро Вильсона, касающихся восстановления благополучия и мира после Первой мировой войны. Но ряд нерешительных полумер привел к Версальскому договору, который, в конечном итоге, не смог обеспечить восстановление порядка.



В течение десятилетия благополучие было утрачено...



А еще через десятилетие не стало и мира.



Когда стало понятно, что окончание Второй мировой войны не за горами, мировые лидеры решили не повторять эти ошибки. В Бреттон-Вудсе, штат Нью-Хэмпшир, Гарри Декстер Уайт и Джон Мэйнард Кейнс созвали переговоры, которые быстро привели к созданию МВФ, наделив его задачей содействовать международному валютному сотрудничеству, торговле и плавному потоку глобального капитала.



МВФ и другие вновь созданные международные организации воплощали послевоенный дух многостороннего сотрудничества, и со временем Европа была вновь отстроена после опустошения в результате войны. Но в период бурной экономической активности у мира возникли новые проблемы.

В 1950-е и 1960-е годы новые суверенные африканские государства вступили в МВФ, они были полны надежд, но у них была недостаточная инфраструктура.

Они стремились получить поддержку в развитии потенциала и экспертных знаний по государственной политике.

По мере развития экономики стран Африки менялся и подход МВФ ...



... который содействовал африканским лидерам в решении проблем долга и бедности.



Во второй половине 1960-х годов возросшие расходы США на войну во Вьетнаме усугубили завышенный курс доллара США и создали угрозу жизнеспособности фиксированных обменных курсов.

К 1970-м годам первоначальная основа содействия экономической стабильности рухнула. В рамках Бреттонвудской системы МВФ страны должны были фиксировать курсы своих валют к доллару США. Но когда Соединенные Штаты отказались от золотого стандарта, курсы основных мировых валют стали «плавающими» по отношению к друг другу.



Хотя МВФ в ответ разработал новые инструменты, возникли другие трудности. Потоки капитала частного сектора перемещались все более свободно,



но в большей мере интегрированная мировая экономика несла в себе факторы уязвимости, и в 1980-х годах наблюдался ряд все более масштабных долговых кризисов.

Стали проявляться риски и негативные черты глобализации, что вызывало протесты. Идеологии вступили в конфликт не в первый раз.



История междоусобных отношений часто препятствовала международному сотрудничеству. Первоначальная надежда на всесторонний характер членства в МВФ была разрушена на раннем этапе, когда послевоенная вражда сменилась враждебностью холодной войны.



Со временем в МВФ вступил Китай. Позднее, когда рухнула Берлинская стена, число членов МВФ быстро увеличилось, и началась новая эра более широкого международного экономического сотрудничества.

Вместе с интеграцией пришла взаимозависимость, что сделало последующий кризис 2007 года еще более масштабным...



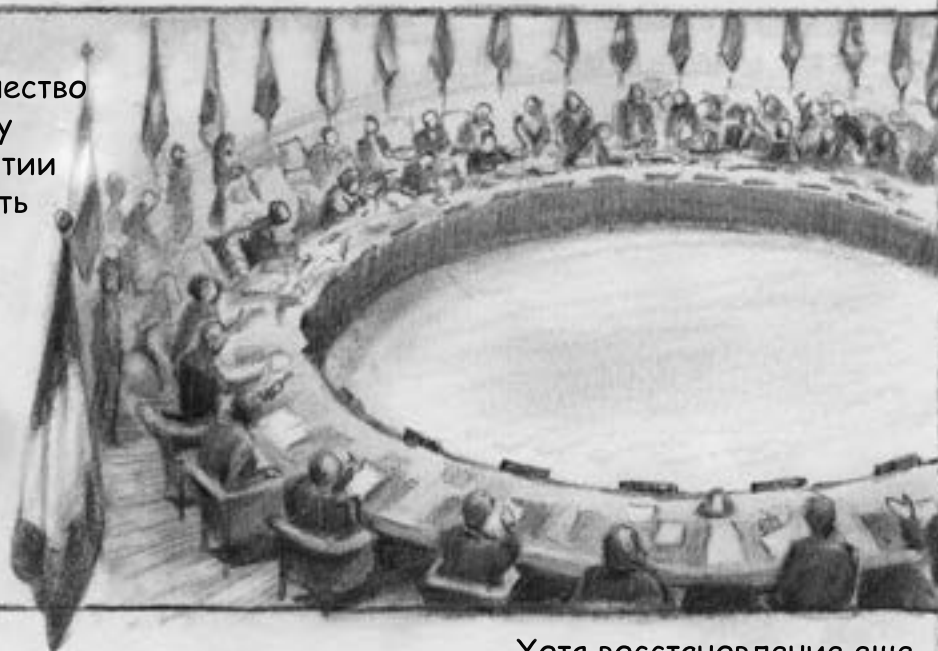
Волны от кризиса на рынке непервоклассных ипотек США распространились по всему миру. В 2008 году паника обострилась, и масштабы Великой рецессии превысили возможности какой-либо страны ограничить ее пагубные последствия. Нанесенная мировой экономике рана угрожала быть глубокой и мучительной.

МВФ был создан для предотвращения подобной катастрофы.



В этот момент МВФ помог сформулировать имевшийся выбор: сообщество государств могло действовать сообща или поодиночке.

К счастью, сотрудничество взяло верх. Мировому сообществу, при участии МВФ, удалось избежать повторения Великой депрессии, что обеспечило возможность передышки для перегруппировки и восстановления.



Хотя восстановление еще продолжается, мировое сообщество подтвердило постоянный мандат МВФ: содействие глобальной экономической стабильности. Будущее таит в себе много проблем, но модель многостороннего сотрудничества была проверена и еще раз доказала свою неоценимую пользу.



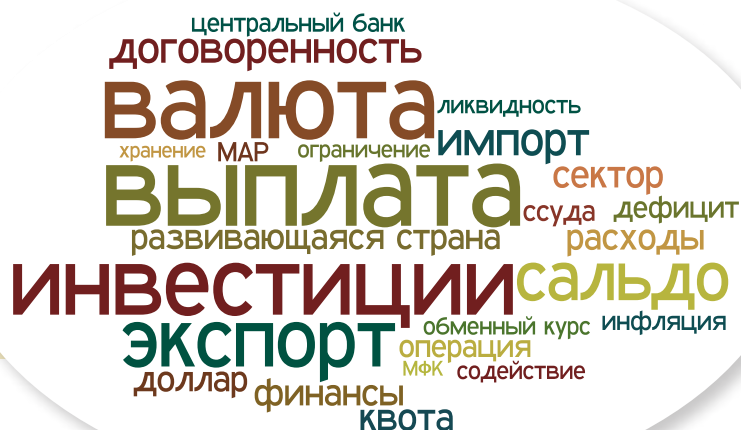
50 лет ФФР

Времена меняются, и за последние полстолетия изменилась и направленность журнала «*Финансы и развитие*»; по крайней мере так это отражают слова, которые чаще всего встречаются в журнале

Пятидесятая годовщина журнала «*Финансы и развитие*», первый выпуск которого появился в июне 1964 года, заставила редакторов задуматься о том, как тематика журнала менялась в течение десятилетий. На этих рисунках показаны 25 слов, которые чаще всего появлялись в ФФР в соответствующем десятилетии. Размер каждого слова отражает его частотность по сравнению с другими 24 словами.

Конец 1960-х годов

ФФР был совместным проектом МВФ и Всемирного банка до 1998 года. Он был призван объяснять, как работают эти две организации. Постепенно основное внимание журнала смещалось с этих организаций на мировые экономические и финансовые вопросы.



1970-е годы

Система относительно фиксированных валютных курсов, привязанных к доллару США, рухнула в 1971 году, вызвав международные валютные кризисы и кризисы платежного баланса, а также переход от фиксированных к плавающим валютным курсам. В это десятилетие произошли два значительных повышения цен на нефть.



1980-е годы

В это десятилетие доминировал кризис суверенного долга в развивающихся странах со средними доходами, большинство из которых находились в Латинской Америке. Страны преодолевали проблемы платежного баланса и рецессию, проводя корректировку в экономике для погашения долга.

промышленно развитая страна
развитая страна
процентная ставка
развивающаяся страна
инфляция
рабочая сила
корректировка
экспорт
долг
финансы
ссуда
сальдо
выплата
импорт
содействие
валюта
дефицит
договоренность
обменный курс
расходы
ИНВЕСТИЦИИ
стимул
заработная плата
предприятие

1990-е годы

Страны, которые входили в Советский Союз, после его распада в 1991 году преобразовывали свою экономику с командным управлением в ту или иную форму рыночной экономики. Десятилетие завершили финансовые кризисы, сначала в Мексике, а затем в крупных странах Азии.

ДОЛГ
доход
корректировка
актив
импорт
инфляция
рабочая сила
валюта
ссуда
заработная плата
экспорт
ВВП
расходы
кризис
развивающаяся страна
обменный курс
выплата
переход
финансы
процентная ставка
дефицит
МВФ
либерализация

2000-е годы

Десятилетие, которое началось с относительного экономического спокойствия в мире, так называемой «Великой умеренности», закончилось крупнейшим экономическим и финансовым кризисом со времени Великой депрессии 1930-х годов. Размеры МВФ существенно увеличились, для того чтобы помочь миру преодолеть кризис.

режим
ВВП
кризис
ДОЛГ
управление
рабочая сила
сектор
МВФ
либерализация
дефицит
экспорт
обменный курс
ссуда
валюта
инвестиции
инфляция
снижение
развивающаяся страна
доход
донор
финансы
компания

Начало 2010-х годов

После финансового кризиса и принятия центральными банками нетрадиционных мер для борьбы со спадом занятость и ВВП в странах с развитой экономикой медленно восстанавливались.

экономист
экспорт
ВВП
компания
актив
валюта
кризис
ИНВЕСТИЦИИ
инвестор
рецессия
развитая экономика
инфляция
безработица
доход
биржевые товары
ДОЛГ
экономика
евро
заработная плата
дефицит
центральный банк
неравенство

ЗВУК МОНЕТ

Дебют «живой» музыки как крупной статьи экспорта



Сохранение паритета

Для поддержания фиксированных обменных курсов огромное значение имели торговые балансы основных стран, поскольку твердая валюта, зарабатываемая за счет экспорта или расходующая на импорт, фактически определяла уровни обменных курсов. В середине 1960-х годов британский фунт стерлингов подвергался устойчивому понижающему давлению ввиду стабильно неблагоприятного торгового баланса, и правительство Соединенного Королевства в то время прилагало все усилия для того, чтобы сохранить паритет фунта на уровне 2,80 доллара США и избежать унижительной официальной девальвации в рамках Бреттонвудской системы.



Волшебники-менестрели

И тут появились «Битлз», для многих просто менестрели, но для правительства Великобритании — волшебная машина, печатающая доллары США. Основные исполнители популярной музыки, выступавшие с концертами в середине 1960-х, как правило, зарабатывали только национальную валюту. Американский певец Элвис Пресли, например, не выступал нигде, кроме Северной Америки и Гавайских островов, и получал заработки от концертов только в долларах США, за исключением четырех выступлений в Канаде.

В ФЕВРАЛЕ 2014 года музыкальным представлением в невзрачном, похожем на пещеру складе в центре Вашингтона, округ Колумбия, была отмечена годовщина первого концерта британской рок-группы «Битлз» (The Beatles) в США, состоявшегося в том же здании ровно 50 лет назад. Это мероприятие также ознаменовало 50-летие дебюта живой музыки как серьезного источника иностранной валюты.

В 1964 году обменные курсы основных валют поддерживались на фиксированных уровнях в рамках Бреттонвудской системы, созданной (наряду с МВФ и Всемирным банком) в 1944 году. МВФ был образован, чтобы способствовать стабильности этих обменных курсов, и основные страны также использовали меры валютного контроля для поддержания стоимости своих валют. Эти меры контроля означали, что корпорации и частные лица должны были получать разрешение от государства для обмена средств в национальной валюте на иностранную валюту, причем только в установленных законом пределах.



«Битлз» выступают в Лас-Вегасе, США, в августе 1964 года.

Доллары, немецкие марки, иены

«Битлз», напротив, во время гастролей в США в 1964, 1965 и 1966 годах заработали составившую мировой рекорд сумму в долларах. По сообщениям СМИ, их чистые заработки от концертных выступлений в 1965 году составляли 650 долларов в секунду в сегодняшних долларах. Кроме того, в 1966 году группа также провела гастролы в Германии и Японии, получая огромные вознаграждения в немецких марках и иенах. В то же время, фунт стерлингов испытывал растущее давление вследствие быстрого роста потребления в Соединенном Королевстве, которое стимулировало импорт, и длительной забастовки моряков, остановившей потоки экспорта.

Сила музыки

«Битлз», получавшие плату за концерты в твердой валюте, присоединились к элитной категории британских «невидимых» экспортеров: коммерческих предприятий, которые зарабатывали иностранную валюту не на производстве и перепродаже видимых, материальных товаров, а от невидимых кредитов и поступлений. В середине 1960-х годов счет текущих операций Соединенного Королевства имел бы постоянный дефицит без традиционных в то время статей британского невидимого экспорта, связанных с финансовыми услугами, страхованием, патентами и авторским правом. В эту «бухгалтерскую книгу» «Битлз» добавили прибыль от своих невидимых поступлений: продажи билетов, платы за выступления, гонораров за музыкальные произведения, лицензирования товаров и прав на исполнение песен.



«Битлз» готовятся к выступлению в Токио, Япония, в июле 1966 года.



«Битлз» на сцене в Гамбурге, Германия, в июне 1966 года.



Награда экспортерам

В середине 1960-х годов премьер-министром Великобритании был лауреат почетных премий, получивший образование в Оксфорде экономист Гарольд Вильсон, чей зоркий глаз профессионала сразу отметил вклад «Битлз» в платежный баланс в то время, когда его правительство изо всех сил старалось защитить фунт стерлингов. В ноябре 1965 года Уилсон заслуженно удостоил группу Ордена Британской империи, национальной награды, которой обычно отмечаются ведущие промышленники, предприниматели и изобретатели.

Секретное оружие фунта стерлингов

Когда концерты «Битлз» стали собирать все большую аудиторию и атмосфера на них становилась все более хаотичной, возникла угроза нарушений общественного порядка, и в августе 1966 года группа полностью прекратила концертные выступления. Год спустя стерлинг был девальвирован до 2,40 доллара США, и в 1967 и 1969 годах Соединенное Королевство обратилось к МВФ за кредитами. Сегодня основные обменные курсы являются плавающими, и правительствам основных стран больше не нужно защищать фиксированный паритет посредством мер валютного контроля или изыскивать источники невидимого экспорта, чтобы поддержать провисшие торговые балансы. Но 50 лет назад, небывалые валютные поступления «Битлз» были секретным оружием Великобритании в трехлетней кампании с целью предотвратить девальвацию.

Подготовил Саймон Уилсон, старший редактор в редакции журнала «Финансы и развитие».



В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Атиш Рекс Гош

В течение последних семи десятилетий международная валютная система менялась самым коренным образом, а МВФ соответствующим образом адаптировался к этим изменениям

КОГДА делегаты 44 стран собрались 70 лет назад в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Хэмпшир, для проведения Валютно-финансовой конференции Организации Объединенных Наций, их целью было создание новой международной валютно-денежной системы, которая установила бы порядок после ситуации экономического хаоса в период между двумя мировыми войнами, — гиперинфляция в одних странах, болезненные дефляционные процессы в других в течение 1920-х годов, крах золотого стандарта, а также Великая депрессия 1930-х годов.

Вызов, стоявший перед этими специалистами по валютно-денежным и финансовым вопросам, заключался в изобретении системы, которая позволила бы странам корректировать свои внутренние дисбалансы, не прибегая к контрпродуктивным девальвациям национальных валют в целях получения конкурентных преимуществ и к протекционистской торговой политике, которые были характерны для межвоенного периода. Распределение бремени корректировки между странами с профицитом и дефицитом должно было быть справедливым, а для содействия росту мировой торговли и доходов требовалось достаточное количество ликвидности на глобальном уровне. Основываясь на значительной подготовительной работе (в основной проведенной Джоном Мэйнардом Кейнсом из Министерства финансов Великобритании и Гарри Декстером Уайтом из Министерства финансов США), делегаты всего за три недели смогли добиться невероятного результата по согласованию послевоенного валютно-финансового порядка. Закрывая конференцию, министр финансов США Генри Моргентау (младший) отметил, что, хотя работа самой конференции могла показаться загадочной для широкой общественности, новый порядок лежал в основе «насущ-

ных проблем повседневной жизни». По его словам, достигнутое в Бреттон-Вудсе было «первым шагом, сделав который все страны мира смогут начать помогать друг другу в своем экономическом развитии к взаимной выгоде и в интересах всеобщего обогащения».

Стержнем нового порядка, названного Бреттонвудской системой, стала конфигурация фиксированных, но корректируемых обменных курсов разных валют к доллару США, стоимость которого фиксировалась в золоте. Был основан Международный Валютный Фонд, призванный помогать в управлении этой системой. Статьи соглашения, выработанные во время конференции (в ходе которой многие страны внесли ценный вклад в переговорный процесс), неизбежно отразили в себе относительные возможности добиваться своих условий на переговорах основных участников. Соединенные Штаты, которые, как ожидалось, должны были оставаться основной страной с профицитом в обозримом будущем, выступали против призыва Кейнса к созданию «международного клирингового союза». Такой союз должен был симметрично наказывать страны и с большим профицитом, и с большим дефицитом, и, так как он основывался на искусственной единице учета, названной «банкором», мог бы использоваться для регулирования глобальной ликвидности. Но новый порядок, по крайней мере, сдерживал страны, стремившиеся к обретению несправедливых преимуществ в торговле. Девальвация допускалась только в случаях «существенного нарушения равновесия», тогда как страны, сталкивающиеся с временными проблемами дефицита платежного баланса, должны были поддерживать паритет, занимая средства у Фонда (осуществляя «покупки» — на языке МВФ), предоставляемые им для преодоления трудностей.



Начало работы и опасность остаться не у дел

МВФ официально появился на свет в декабре 1945 года, как только 30 государств-членов приняли необходимые законы на национальном уровне. Их число достигло сорока ко времени начала работы МВФ 1 марта 1947 года. Затем количество государств-членов увеличивалось скачкообразно — к разоренным войной европейским странам и бывшим государствам-агрессорам Оси позже присоединились недавно обретшие независимость развивающиеся страны и, наконец, уже в 1990-е годы республики бывшего Советского Союза и страны Центральной и Восточной Европы.

К середине 1960-х годов в Бреттонвудской системе начали появляться сложности, по мере того как устойчивые дефициты платежного баланса США изменили ситуацию, и послевоенная нехватка долларов сменилась их избытком. В условиях фиксированного паритета доллара к золоту главная проблема, с точки зрения Соединенных Штатов, заключалась в том, чтобы страны с профицитом (на тот момент это были Германия и Япония) провели корректировки. Для остального же мира дилемма заключалась в том, что американский дефицит служил источником ликвидности для всей системы, но растущее количество долларов в сейфах иностранных центральных банков подрывало доверие к способности США обеспечить все эти доллары золотом.

Решением, предложенным МВФ, стали специальные права заимствования (СДР) — искусственный резервный актив (что-то типа «банкора», предложенного Кейнсом), который мог предоставлять ликвидность без необходимости наличия соответствующего дефицита в странах-эмитентах резервных валют. Но, как оказалось, предложенная мера была недостаточной и запоздалой. Несмотря на отчаянные попытки подлатать систему с помощью соглашений о свопх между центральными банками в 1960-х и крайнюю меру в виде усилий по регулируемой корректировке валютных курсов с помощью Смитсоновского соглашения в 1971 году после того, как США приостановили конвертацию долларовых резервов в золото, Бреттонвудская система распалась. Широкомасштабная дестабилизация в конце 1973 года и шоки нефтяных цен в 1974 году сделали невозможным возвращение к фиксированным обменным курсам основных валют. Для МВФ крах Бреттонвудской системы представлял собой экзистенциальный кризис. Неудивительно, что задавались вопросы об актуальности организации, смысле существования которой было управление системой, сгинувшей в одночасье. Впавшие в уныние сотрудники МВФ распространяли шуточный реквием по своей организации.

Протягивая руку помощи

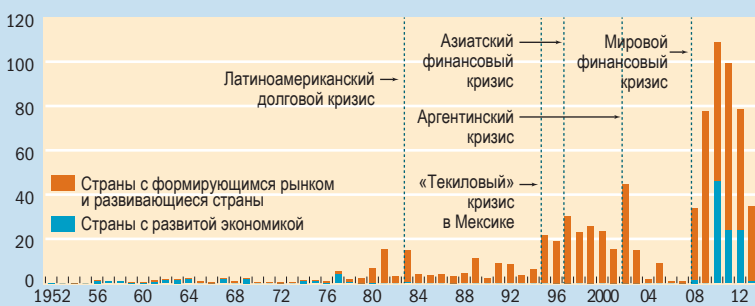
Однако роль МВФ в кредитовании стран, испытывающих сложности с платежным балансом, сделала его незаменимой частью международного валютно-финансового пространства, особенно после шоков цен на нефть. Изначально заимствования у МВФ (первой обратившейся страной была Франция в 1947 году) представляли собой «прямые покупки», что означало, что страна получала деньги незамедлительно. Но уже в 1952 году сформировалось понятие превентивных кредитов в виде соглашений «стэнд-бай» — то есть резервирование финансирования для отдельной страны с целью восстановления доверия и стимулирования потоков частного капитала, что потенциально могло бы позволить этой стране избежать непосредственного использования средств МВФ. В 1963 году, признав, что колебания цен на основные виды сырья зачастую были главной причиной проблем с платежным балансом для развивающихся стран, МВФ учредил механизм компенсационного финансирования. А после первого нефтяного шока в дополнение к нефтяному механизму, развивая идею помощи государствам-членам по исправлению платежных дисбалансов «без применения мер, которые могут нанести ущерб благосостоянию на национальном или международном уровне», МВФ ввел в 1974 году механизм расширенного кредитования (ЕФФ) для стран, сталкивающихся с более длительными проблемами с платежным балансом.

Эти новые кредитные инструменты, особенно ЕФФ, стали жизненно важным дополнением к кредитному инструментарию во время долгового кризиса развивающихся стран в 1980-е годы, когда объем обязательств МВФ по выделению кредитов увеличился с 2 млрд СДР в 1979 году до почти 15 млрд в 1983 году (см. рисунок). Одновременно с таким расширением кредитного портфеля МВФ должен был разработать, исправить и адаптировать свою политику в отношении просроченной задолженности, предъявляемых условий и структуры программ. Для стран с низкими доходами важнейшими инновациями стали создание в 1986 году механизма финансирования структурной перестройки, предшественника механизма расширенного финансирования структурной перестройки 1987 года, и механизма финансирования на цели сокращения бедности и содействия экономическому росту (в настоящее время — Трастовый фонд на цели сокращения бедности и содействия экономическому росту) в 1999 году, а также инициативы в отношении долга бедных стран с высоким уровнем задолженности, обе эти меры направлены на оказание помощи странам по проведению

В тяжелые времена

МВФ адаптировал кредитование к следовавшим друг за другом экономическим кризисам, максимальный объем был достигнут во время мирового финансового кризиса.

(Договоренности с МВФ, общий утвержденный объем, в миллиардах СДР)



Источник: МВФ, База данных для мониторинга договоренностей с Фондом.

Примечание. Суммы указаны в миллиардах долларов США с 1952 года по 1971 год и в миллиардах СДР — с 1972 года по 2013 год.



внешней корректировки, содействующей росту, хоть и зачастую с более серьезными структурными условиями в программах.

Когда в конце 1980-х годов начал убывать долговой кризис, а с ним и предоставлявшееся МВФ кредитование, и вновь стали задаваться вопросы относительно актуальности организации, Фонду удалось вернуться в центр внимания, на этот раз помогая странам бывшего Советского Союза и Центральной и Восточной Европе в их переходе к рыночной экономике. Помощь отчасти заключалась просто в макроэкономической стабилизации, но структура программ для этих стран часто предусматривала предоставление рекомендаций МВФ (объемы технической помощи практически удвоились за период с 1990 года по 1996 год) и даже установление условий (например, в отношении политики в области ценообразования, приватизации и управления, что выходило далеко за рамки обычного мандата организации).

Кредитование МВФ совершило очередной качественный скачок во время кризисов счета операций с капиталом в странах с формирующимся рынком в 1990-е годы, кульминацией которых стали азиатские финансовые кризисы в 1997–1998 годах, но которые продолжались почти целое десятилетие — начиная с девальвации в Мексике в декабре 1994 года и заканчивая крахом валютного управления в Аргентине в январе 2002 года. Помимо масштаба требовавшегося финансирования, эти кризисы создавали невероятные аналитические трудности перед Фондом (и всеми экономистами вообще). МВФ оказался втянут в полемику относительно надлежащих ответных мер политики, и был вынужден разработать новые инструменты и учитывать финансовый и корпоративный сектора в проводимом им макроэкономическом анализе и программах технической помощи.

Строгий или не столь строгий надзор

Хотя Бреттонвудская система и прекратила свое существование в начале 1970-х годов, международная валютно-финансовая система по-прежнему сталкивалась со многими из тех же проблем, что стояли еще перед ее создателями. В своем заключительном докладе Совету управляющих МВФ в июне 1974 года, например, Комитет двадцати (министерский орган, созданный в июле 1972 года для рассмотрения вопросов, связанных с реформой международной валютной системы) включил «достижение симметрии в обязательствах всех стран, как заемщиков, так и кредиторов», и «более эффективное управление глобальной ликвидностью» в список важнейших задач, стоявших перед реформированной международной валютной системой.

И снова согласие оказалось труднодостижимым. Вместо возврата к Бреттонвудской системе (но с более симметричными корректировками), Статьи соглашения с поправками призывали МВФ «осуществлять контроль над международной валютной системой для обеспечения ее эффективного функционирования ... (и) осуществлять строгий надзор за курсовой политикой государств-членов». Таким образом, надзор включал в себя два компонента: на двусторонней основе, обеспечивающий, что отдельные страны выполняют свои обязательства в соответствии со Статьями соглашения (с поправками); и многосторонний, предусматривающий наблюдение за функционированием системы. Это привело к возникновению в 1980 году доклада «Перспективы развития мировой экономики» МВФ.

Ни Статьи соглашения с поправками, ни принятое в поддержку в 1977 году Решение о надзоре, однако, не давали достаточных ориентиров относительно того, как осуществлять надзор, — этот процесс развивался по мере получения практического опыта. К концу 1990-х годов, например, стало ясно, что нужно выйти за рамки проблемы обменных курсов и начать проводить периодические проверки состояния экономики го-

сударств-членов, чтобы не допустить того, чтобы распространение отдельных финансовых кризисов могло поставить под угрозу стабильность всей системы.

Давняя проблема асимметричных корректировок достигла критической точки с возникновением значительных дисбалансов счетов текущих операций ведущих экономических держав (называвшихся глобальными дисбалансами) в начале 2000-х годов. Они попали в сферу компетенции МВФ в области надзора, поскольку одновременно касались курсовой политики, проводимой государствами-членами, и представляли потенциальный риск для стабильности всей системы. Несмотря на «многосторонние консультации» в 2006 году и решение Совета 2007 года о повышении эффективности надзора (впоследствии включенное в Решение об интегрированном надзоре 2012 года), МВФ в целом безуспешно пытался убедить ведущих участников принять такие меры политики, которые позволили бы сократить дисбалансы. В то же время, по мере того как страны с формирующимся рынком улучшали свою макроэкономическую политику и укрепляли институты, кризисы становились все менее частыми, и к середине 2000-х годов объем кредитования МВФ упал до самых низких уровней за многие десятилетия. Вновь казалось, что Фонд движется в сторону прекращения своей деятельности за ненадобностью — на этот раз дело обернулось так, что его доходы, в основном поступающие от кредитов, не смогут покрыть расходы на осуществление надзора и оказание технической помощи.

Замыкая круг

Банкротство американского инвестиционного банка Lehman Brothers и последовавший в результате глобальный финансовый кризис, конечно же, искоренили любые сомнения, касающиеся актуальности МВФ, который вскоре начал пополнять ликвидность в мировой экономике за счет распределения СДР. Он активизировал кредитование — сначала странам с формирующимся рынком в Европе и других регионах, затем некоторым членам зоны евро в виде более долгосрочного финансирования (в рамках ЕФФ), для того чтобы они решали более долгосрочные проблемы платежного баланса. С учетом усилившейся глобальной взаимозависимости и увеличившегося риска цепной реакции, основываясь на идее соглашения «стэнд-бай», МВФ создал инструменты, имеющие более выраженный превентивный характер (такие как гибкая кредитная линия) с целью укрепления доверия. В ответ на обвинение в том, что он «прогнал кризис», Фонд разработал массу аналитических инструментов, позволяющих лучше определять, избегать, смягчать последствия и преодолевать финансовые кризисы и их побочные трансграничные эффекты.

Сегодня кредитный портфель МВФ и размах надзора и технической помощи (почти в три раза больше уровня 1990 года), подкрепляемые все более расширяющейся исследовательской и аналитической работой, — несравнимо больше, чем когда-либо в истории, и его финансовое положение более устойчиво и менее зависимо от кредитования. Важнейшие вызовы, стоящие перед мировой валютной системой, остаются в основном все теми же, что и 70 лет назад, но формы проявления этих проблем сейчас, не в последнюю очередь в связи с ростом потоков частного капитала, изменились так, что учредители организации вряд ли могли себе даже представить.

Настоящим достижением Валютно-финансовой конференции стала не разработка Бреттонвудской системы, а создание организации, которая могла и должна была приспосабливаться к меняющимся потребностям своих государств-членов в интересах решения всех насущных проблем повседневной жизни. ■

Атиш Рекс Гош — заместитель директора Исследовательского департамента МВФ.



Что такое кейнсианская экономика?

Основной принцип этого направления научной мысли состоит в том, что государственное вмешательство может стабилизировать экономику

Сарват Джахан, Ахмед Сабер Махмуд и Крис Папагеоргиу

В О ВРЕМЯ Великой депрессии 1930-х годов бытовавшая в то время экономическая теория была не в состоянии объяснить причины глубокого экономического краха во всем мире или обеспечить адекватное решение в рамках государственной политики, которое могло бы дать толчок росту производства и занятости.

Британский экономист Джон Мейнард Кейнс возглавил революцию в экономической мысли, которая перевернула преобладавшую в то время идею о том, что свободные рынки автоматически обеспечивают полную занятость, — то есть все, кто хочет иметь работу, могут получить ее, при условии, что работники проявляют гибкость в своих требованиях заработной платы (см. вставку). Основным постулатом теории Кейнса, которая стала носить его имя, является утверждение о том, что совокупный спрос, определяемый как сумма расходов домашних хозяйств, предприятий и правительства, является наиболее важной движущей силой в экономике. Кейнс далее утверждал, что свободные рынки не имеют самобалансирующихся механизмов, приводящих к полной занятости. Экономисты-кейнсианцы обосновывают вмешательство правительства при помощи мер государственной политики, направленных на достижение полной занятости и стабильности цен.

Революционная идея

Кейнс утверждал, что неадекватный общий спрос может привести к длительным периодам высокой безработицы. Объем производства товаров и услуг в экономике является суммой четырех компонентов: потребления, инвестиций, государственных закупок и чистого экспорта (разности между тем, что страна продает зарубежным странам и покупает у них). Любое увеличение спроса должно исходить от одного из этих четырех компонентов. Но во время рецессии мощные силы часто ослабляют спрос по мере снижения расходов. Например, во время экономических спадов неопределенность часто подрывает доверие потребителей, заставляя их сокращать расходы, особенно на дискреционные покупки, такие как дома или автомобили. Сокращение расходов потребителями может привести к снижению инвестиционных расходов предприятиями, так как фирмы реагируют на ослабление спроса на их продукцию. Это возлагает задачу увеличения производства на плечи правительства. Согласно кейнсианской экономической теории, вмешательство государства необходимо для сдерживания подъемов и спадов экономической активности, известных также под названием экономического цикла.

Существует три основных положения кейнсианской теории для описания того, как функционирует экономика:

- **Совокупный спрос зависит от многих экономических решений — государственных и частных.** Решения частного сектора могут иногда приводить к неблагоприятным макроэкономическим результатам, например, сокращению потребительских расходов в период экономического спада. Эти сбои в работе рынка иногда требуют проведения активной политики правительства, таких как пакет налогово-бюджетных стимулов (см. ниже). Таким образом, кейнсианская экономическая теория поддерживает смешанную экономику, направляемую в основном частным сектором, но частично действующую под контролем правительства.

Мастер Кейнс

Кейнсианская экономика получила свое название, теорию и принципы от британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946), который считается основателем современной макроэкономической теории. Его наиболее известная работа, «Общая теория занятости, процента и денег», была опубликована в 1936 году. Но предшествующая ей работа, вышедшая в 1930 году — «Трактат о деньгах», — часто считается более важной для экономической мысли. До того времени экономисты анализировали только статические условия, по существу подробно рассматривая отдельные моменты быстро движущегося процесса. Кейнс в своем Трактате разработал динамический подход, который преобразовал экономическую науку в изучение потока доходов и расходов. Он открыл новые перспективы для экономического анализа.

В работе «Экономические последствия мира», вышедшей в 1919 году, Кейнс предсказывал, что сокрушительные условия Версальского мирного договора, наложенные на Германию при окончании Первой мировой войны, приведут к новой войне в Европе.

Он вспоминал уроки Версаля и Великой депрессии, когда он возглавлял британскую делегацию на Бреттонвудской конференции 1944 года, — которая установила правила для обеспечения стабильности международной финансовой системы и способствовала восстановлению экономики стран, опустошенных Второй мировой войной. Как и сотрудник Казначейства США Гарри Декстер Уайт, Кейнс считается интеллектуальным отцом-основателем Международного Валютного Фонда и Всемирного банка, которые были созданы в Бреттон-Вудсе.

• *Цены и, в особенности, заработная плата медленно реагируют на изменения спроса и предложения*, что приводит к периодическим дефицитам и излишкам, особенно трудовых ресурсов.

• *Изменения совокупного спроса, будь то ожидаемые или непредвиденные, оказывают наибольшее краткосрочное воздействие на реальный объем производства и занятость, а не на цены.* Кейнсианцы считают, что в связи с некоторой жесткостью цен колебания любого компонента расходов (потребления, инвестиций или государственных расходов) вызывают изменения объема производства. Например, если государственные расходы увеличиваются, а все другие компоненты расходов остаются постоянными, объем производства возрастает. Кейнсианские модели экономической деятельности также включают эффект мультипликатора; то есть изменение объема производства кратно увеличению или уменьшению расходов, которое вызвало это изменение. Если бюджетный мультипликатор больше единицы, то увеличение государственных расходов на один доллар приводит к увеличению объема производства на величину, большую, чем один доллар.

Стабилизация экономики

Из одних только этих положений не выводится никаких предписаний в области политики. Что отличает кейнсианцев от других экономистов, так это их вера в активную политику для уменьшения амплитуды цикла деловой активности, что они относят к числу наиболее важных из всех экономических задач.

Вместо того, чтобы считать несбалансированные государственные бюджеты неправильными, Кейнс выступал за так называемую контрциклическую налогово-бюджетную политику, которая действует противоположно направлению экономического цикла. Например, экономисты-кейнсианцы выступают в поддержку финансируемых за счет дефицита бюджета расходов на трудоемкие инфраструктурные проекты для стимулирования занятости и стабилизации заработной платы во время экономических спадов. Во времена же мощного роста спроса они бы скорее повысили налоги, чтобы охладить экономику и предотвратить инфляцию. Денежно-кредитная политика может также использоваться для стимулирования экономики, например, путем снижения процентных ставок с целью поощрения инвестиций. Исключения возникает во время ловушки ликвидности, когда рост денежной массы не может привести к снижению процентных ставок и, как следствие, не стимулирует производство и занятость.

Кейнс утверждал, что правительства должны решать проблемы в краткосрочной перспективе, а не дожидаться, пока рыночные силы не исправят положение в долгосрочной перспективе, потому что, как он писал, «в долгосрочной перспективе мы все умрем». Это не означает, что кейнсианцы выступают за корректировку политики каждые несколько месяцев, чтобы поддерживать полную занятость в экономике. В действительности они считают, что правительства не могут располагать достаточной информацией, чтобы успешно обеспечивать точную настройку.

Эволюция кейнсианства

Несмотря на то, что идеи Кейнса были широко приняты при его жизни, они также подвергались тщательному разбору и оспаривались рядом современных мыслителей. Особого внимания заслуживали его споры с австрийской школой экономики, чьи приверженцы считали, что спады и подъемы являются частью естественного порядка, и что вмешательство правительства только ухудшает процесс восстановления.

Кейнсианская экономика доминировала в экономической теории и экономической политике после Второй мировой войны до 1970-х годов, когда многие страны с развитой экономикой страдали одновременно от инфляции и медленного роста — состояния, называемого «стагфляцией». Популярность кейнсианской теории в то время ослабла, потому что она не предлагала приемлемых мер экономической политики в отношении стагфляции. Экономисты — сторонники монетаристской модели сомневались в способности правительств регулировать экономический цикл при помощи налогово-бюджетной политики и утверждали, что разумное использование денежно-кредитной политики (в основном регулирование денежной массы для воздействия на процентные ставки) может смягчить кризис (см. «Что такое монетаризм?» в мартовском выпуске «Ф&Р» за 2014 год). Члены монетаристской школы также утверждали, что деньги могут влиять на объем производства в краткосрочной перспективе, но считали, что в долгосрочной перспективе экспансионистская денежно-кредитная политика приводит только к инфляции. Экономисты-кейнсианцы в основном приняли эти критические замечания, добавив к исходной теории лучшую интеграцию краткосрочной и долгосрочной перспектив и концепцию долгосрочной нейтральности денег — идею о том, что изменение денежной массы влияет только на номинальные переменные в экономике, такие как цены и заработная плата, и не оказывает влияния на реальные переменные, такие как занятость и объем производства.

И кейнсианское, и монетаристское учение подверглось тщательной проверке с подъемом неоклассической школы в середине 1970-х годов. Неоклассическая школа утверждала, что директивные органы неэффективны, поскольку отдельные участники рынка могут предвидеть изменения, связанные с политикой, и предпринимать заблаговременные шаги, чтобы противодействовать им. Новое поколение кейнсианцев, которое появилось в 1970-е и 1980-е годы, утверждало, что хотя индивиды могут строить правильные прогнозы, агрегированные рынки не могут приходить в равновесие мгновенно; как следствие, налогово-бюджетная политика по-прежнему может быть эффективной в краткосрочном плане.

Мировой финансовый кризис 2007–2008 годов вызвал новый всплеск кейнсианской научной мысли. Она была теоретической основой экономической политики, проводимой в ответ на кризис многими правительствами, в том числе в США и Соединенном Королевстве. Во время развертывания глобальной рецессии в конце 2008 года профессор Гарвардского университета Н. Грегори Мэнкью написал в газете «Нью-Йорк Таймс»: «Если бы вы захотели обратиться только к одному экономисту, чтобы понять проблемы, стоящие перед экономикой, этим экономистом, несомненно, стал бы Джон Мейнард Кейнс. Хотя Кейнс умер более полвека назад, его диагноз рецессий и депрессий остается основой современной макроэкономики. Кейнс писал: «Практики, которые считают себя совершенно не подверженными каким-либо интеллектуальным влияниям, как правило, слепо привержены идеям некоего покойного экономиста». В 2008 году не существовало более выдающегося покойного экономиста, чем сам Кейнс».

Но кризис 2007–2008 годов также показал, что кейнсианская теория должна была включать роль финансовой системы. Экономисты-кейнсианцы исправляют это упущение, встраивая в теорию реальный и финансовый секторы экономики. ■

Сарват Джахан — экономист, а Крис Папагеоргиу — заместитель начальника отдела в Департаменте по вопросам стратегии, политики и анализа МВФ. Ахмед Сабер Махмуд — заместитель директора факультета прикладной экономики в Университете Джонса Хопкинса.

Сага о Бреттон-Вудсе



Ed Conway

The Summit

The Biggest Battle of the Second World War—Fought Behind Closed Doors

Little, Brown, London, 2014, 863 pp., \$29.95 (cloth).

Здесь есть все для захватывающей истории. Группа ярких персонажей в уединенной гостинице в горах Нью-Хэмпшира. Чудесная летняя погода, изобилие, которого многие присутствующие не видели в течение почти пяти военных лет, много спиртного. В двух главных ролях: Джон Мэйнард Кейнс из Великобритании — блестящий ум, эксцентрик, больной, со слабыми козырями на руках, его сопровождает жена, неординарная прима-балерина Лидия Лопоква (Лопухова), и Гарри Декстер Уайт из Министерства финансов США — решительный, добившийся всего сам, энергичный и в прошлом имевший контакты с советской разведкой. Задача заключалась в достижении договоренности о международной валютной системе, которая устранила бы бедствия, вызываемые нестабильностью и массовой безработицей. Несмотря на сложности тематики и хаос работы по составлению проектов соглашений, была достигнута договоренность, которая остается синонимичной международному сотрудничеству. Если Кейнс был разочарован результатом, а Уайт стал сомневаться в некоторых основных характеристиках, она, тем не менее, привела к созданию и финансированию двух организаций, которые находились в гуще международного экономического сотрудничества на протяжении 70 лет.

Это увлекательная история, и Эд Конвей, экономический редактор Sky News, рассказывает ее с большим

энтузиазмом. Он пользуется мемуарами участников и находит удивительные крупницы информации в архивах по всему миру. Основное внимание он уделяет человеческой драме, которая развернулась на конференции, но читатель также узнает о предыстории решавшихся на ней проблем и о том, что они значили для участников, а также о последующей судьбе договоренности между ними.

Конвей подчеркивает давление на участников переговоров со стороны национальных политиков, у которых была масса своих узких интересов и которые не очень хорошо понимали проблематику, а также давление со стороны представителей финансового сектора, которые ревностно старались сохранить многие способы зарабатывания денег. Последующая ратификация двух соглашений о создании Всемирного банка и МВФ представляется еще большим чудом, если учесть судьбу других соглашений, например, о Международной торговой организации.

Основные вопросы международного экономического и валютного сотрудничества, обсуждавшиеся на конференции, остаются в центре разработки политики сегодня. Следует ли распределять бремя корректировки как среди стран, имеющих профицит, так и среди стран, имеющих дефицит? Как лучше всего обеспечить стабильность обменных курсов, не делая систему чрезмерно жесткой и не создавая невыносимого бремени корректировки? Насколько автономной должна быть внутренняя экономическая политика и насколько свободным должно быть движение капитала? Как можно управлять неподъемным долгом страны? Живой рассказ Конвея о том, как участники конференции в той гостинице в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Хэмпшир, решали эти вопросы, позволяет глубже понять проблемы нынешнего раунда кризисов.

Мандат МВФ в Статьях соглашения, выработанных в Бреттон-Вудсе, изложен сложным и туманным языком. Это вряд ли вызовет удивление с учетом запутанности переговоров. Кейнс жаловался, что предложенный США проект соглашения был написан, по-видимому, на языке чероки, но Уайт и его делегация старались оставить текст именно таким. У них было больше опыта правовой традиции, где основные документы составлены так, чтобы они применялись в случаях, которые и в голову не пришли бы их составителям. Но в результате МВФ получил

гибкость, необходимую для адаптации и реагирования на меняющиеся потребности мировой экономики.

Правила Бреттонвудской системы были составлены таким образом, чтобы быть расплывчатыми. Более опытные составители понимали, что правила, вероятно, сохранятся, только если другие страны готовы применить санкции к нарушителям — редко бывало, что нарушителем была страна с крупным профицитом. Соглашение могло бы рассыпаться при первой трудности, если бы правила были более конкретными. Но сложилась ситуация, что обеспечение применения было не очень строгим, и появились способы обойти неудобные нормы.

Валютная система, которая была разработана в Бреттон-Вудсе, начала функционировать лишь в конце 1950-х годов, и была в основном ликвидирована в 1971–1973 годах. Но это был один из самых благополучных и стабильных периодов в международной экономической истории. Трудно сказать, насколько это объяснялось конкретными правилами, принятыми в Бреттон-Вудсе, и насколько это было вызвано другими факторами, такими как послевоенное восстановление или импульсы спроса со стороны США и их готовность предоставлять необходимую ликвидность. Хотя система сломалась под грузом дефицита счета текущих операций США и бурного роста финансовых рынков, будущие реформаторы международной валютной системы по-прежнему призывают к созданию новой Бреттонвудской системы.

Итак, что было основным достижением этих недель в горах Нью-Хэмпшира, если правила международной валютной системы были столь недолговечными?

Оно заключалось в создании и финансировании двух организаций, которым поручено способствовать международному финансовому сотрудничеству и экономическому развитию. Их результативность в содействии общей цели служит оправданием дальновидности и решимости Кейнса, Уайта и их коллег, проявленных в Бреттон-Вудсе 70 лет назад.

Марк Аллен,

бывший глава Постоянного представительства МВФ для Центральной и Восточной Европы, бывший директор Департамента разработки и анализа политики МВФ



Фонд: взгляд изнутри

Liaquat Ahamed

Money and Tough Love

On Tour with the IMF

Visual Editions, London, 2014, 208 pp., \$40.00 (paper).

В своей книге «Деньги и суровая любовь» (*Money and Tough Love*) Лиакат Ахамед описывает профессиональную жизнь экономистов МВФ и их международного сообщества, излагая одновременно краткую историю создания и развития организации. Это сложная задача, так как деликатный характер работы МВФ определяет склонность организации к конфиденциальности.

Книга «Деньги и суровая любовь» делает МВФ и его работу понятной и доступной для читателя, в ней описываются повседневная деятельность и традиции ее рядовых сотрудников. Вместо попыток драматизировать дни экспертов по экономической политике, корпящих над электронными таблицами, Ахамед объясняет,

как сотрудники МВФ спокойно вносят свой вклад в создание важнейшего глобального общественного блага.

Приоткрывая завесу над жизнью на 19-ой улице, Ахамед отказывается от взволнованного повествования непосредственных очевидцев о финансовом кризисе и хвалебных характеристик руководителей организации. Будучи человеком со стороны, он, к счастью, избегает искусственно восстановленных диалогов и фальшивого всезнайства мемуаров участников. Его книга меньше походит на «Стресс-тест» и больше напоминает макроэкономический вариант «Взросление на Самоа».

Проект Ахамеда, которой основан на его посещениях штаб-квартиры и поездках с сотрудниками МВФ в конце 2012 года, является своевременным.

После того, как МВФ списали со счетов в 2007 году как практически ненужный те, кто считал, что финансовые кризисы прекратились, Фонд вновь оказался в центре мировой арены после краха Lehman Brothers в 2008 году. С тех пор он упоминается в заголовках газет практически ежедневно, даже на 70-м году своей деятельности.

Более широкое освещение в СМИ не повлекло за собой большего понимания работы МВФ. Книга Ахамеда помогает преодолеть этот разрыв.

Эта монография организована вокруг четырех аспектов деятельности МВФ: повседневной жизни в штаб-квартире МВФ в Вашингтоне; круговорота Ежегодных совещаний МВФ и Всемирного банка в Токио в октябре 2012 года; «миссии» (или визита персонала МВФ) в октябре 2012 года в Ирландию, одну из немногих стран с «развитой» экономикой, которая заимствовала средства у МВФ в последние годы; и миссии в ноябре 2012 года в Мозамбик, бедную страну, которая неоднократно заимствовала средства у МВФ и зависела от помощи. Такое сочетание дает Ахамеду основу для рассмотрения широкого круга видов деятельности со-

Научиться расти

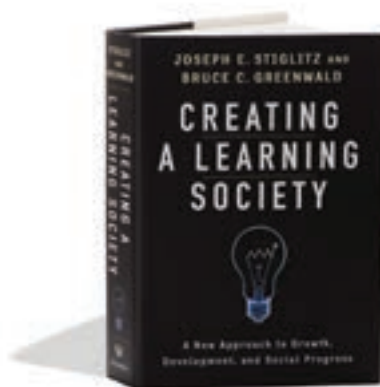
Joseph E. Stiglitz and Bruce C. Greenwald

Creating a Learning Society

A New Approach to Growth, Development, and Social Progress

Columbia University Press, New York, 2014, 680 pp., \$34.95 (cloth).

Эта знаковая книга, первоначально задуманная как серия лекций в честь Кеннета Эрроу (и неярким образом — Боба Солоу), сочетает работу Эрроу, представляющую собой образец обучения на практике, с моделью экономического роста Солоу. В ней утверждается, что технический прогресс представляет собой процесс обучения и что компании растут, а страны развиваются по мере того, как они обучаются тремя способами — изобретая, вводя новшества (адаптируя изобретения к производственным процессам), и «обучаясь тому, как учиться». Авторы утверждают, что успешные страны от менее успешных отличаются именно процессом обучения, который позволяет компаниям, отраслям и, в конечном итоге, всей экономике достичь своего истинного потенциала.



Идея о том, что обучение определяет экономический успех, объединяет различные направления литературы и ставит другие направления под сомнение. Не имеющий точного определения термин «динамичное сравнительное преимущество» наделяется содержанием благодаря критической оценке того, сохраняет ли (в мире с мобильностью капитала) свое значение стандартное понятие сравнительного преимущества, основанное на факторах производства. Авторы предполагают, что большинство фирм застряло внутри границы производственных возможностей; обучение позволяет им приблизиться к этому рубежу и сместить его, хотя некоторые могут утверждать, что такая граница сама недостаточно четко опре-

делена в мире, где компании и страны развиваются благодаря обучению. Возможно, самым главным достоинством книги является то, что она предлагает свежий взгляд на роль государства в стимулировании роста и благосостояния. Знания представляют собой общественное благо, и при отсутствии государственного вмешательства в конкурентной рыночной экономике их предложение было бы недостаточным. Однако ответ на вопрос о том, какой объем государственного вмешательства обеспечил бы наибольшую отдачу в плане обучения, не является очевидным. Джозеф Стиглиц и Брюс Гринвальд утверждают, что мнение Йозефа Шумпетера о том, что монополии генерируют инновации, не всегда справедливо, но признают, что противоположная точка зрения, согласно которой конкуренция обеспечивает более сильные стимулы к нововведениям, также не всегда может быть правильной. В условиях конкуренции компании имеют меньшие размеры и, следовательно, в меньшей степени способны нести фиксированные расходы на инновации. В книге приводятся веские основания для промышленной политики, которая поощряет отечественные фирмы к введению новшеств и приобретению знаний, а также к сохранению этих знаний внутри стра-

трудников МВФ и их связей с мировой экономикой.

Ахамед достигает равновесия между признанием прозаических элементов работы МВФ (хотя он и признается, что они для него скучны) и отражением понимания сопричастности цели организации, которое характерно для большинства сотрудников МВФ. В повествовании Ахамеда, корифеи из МВФ корпят над деталями мировой экономики, чтобы нам, всем остальным людям, не надо было этим заниматься.

Как бы то ни было, Ахамед мог бы дать чуть более колоритное описание сотрудников МВФ, не ограничиваясь темными костюмами и галстуками, которые практически являются стандартной формой одежды. Мне хотелось увидеть больше историй и своеобразных личностей, которые делают МВФ интересным местом работы: например, таких как кассир-сандинистка, которая дает советы о работе рынков, финский руководитель миссии, который мог переписать любого министра финансов из бывшего СССР, и исполнительный директор из Ирана, который, на несколько лет раньше, чем большинство государств-членов МВФ,

выступал за предоставление семейных льгот однополом партнерам.

Ахамед отмечает, что сотрудники МВФ представляют 150 стран, но его представление о разнообразии, видимо, не идет дальше паспортов. Более позитивный опыт различных меньшинств отражает эволюцию самой организации и позволил бы получить ценное представление о культуре МВФ и узнать порою трагикомические истории.

В то же время Ахамед утверждает, что персонал МВФ воплощает *единство в многообразии* в мировом масштабе: это дисциплинированная группа с однородными взглядами. Но он не объясняет, почему это так: они заканчивали те же аспирантуры, учились у тех же профессоров, писали диссертации на ту же тематику. Это отнюдь не означает, что они все думают одинаково, но это значит, что они говорят на том же профессиональном языке и могут вместе упорно решать сложные проблемы.

Эта схожесть приводит к необычайно жарким, хотя и дипломатичным, спорам за фондовскими дверями с затменными стеклами. Типичная внутренняя оценка часто принимает фор-

му «фондовского сэндвича»: в ней отмечается, что исследовательский документ был прекрасно написан; затем опровергается каждый сделанный тезис; в заключение делается комплимент о примененных эконометрических методах. МВФ тем и отличается от других учреждений, таких как Всемирный банк, что ожесточенная борьба остается внутри здания: как только споры решены, персонал выступает перед миром единым фронтом.

Эта дисциплина означает, что среди многих банков только одна финансовая организация является настолько существенной для мировой экономики, что она стала всем известна просто как «Фонд». В книге *«Деньги и суровая любовь»* Ахамед позволяет увидеть изнутри, как сотрудники превращают Фонд в нечто большее, чем сумма из его 2500 человеческих душ.

Бретт Хаус,

старший научный сотрудник, Центр по инновационному международному управлению, автор ряда работ, Фонд Jeanne Sauvé, Университет Макгила, бывший сотрудник МВФ

ны. Но предлагаемая в ней промышленная политика весьма существенно отличается от недавно возобновленной практики делать ставку на победителей, особенно победителей на основе сравнительных преимуществ.

Эти и другие несколько сложные идеи изложены интуитивно понятным и систематическим образом. Иногда для улучшения интуитивного понимания и уточнения выводов вводятся простые модели (в традициях Эрроу-Солоу). Части I и II представляют собой образец того, как представлять новые идеи читателям, которые экономически грамотны, но необязательно являются специалистами. Часть I начинается со значения обучения, затем в ней приводится описание того, как компании обучаются, потом рассматривается проблема структуры рынка, а в конце излагаются аспекты, связанные с благосостоянием и экономикой в целом. Часть II посвящена более сложным вопросам, таким как обучение в рамках закрытой экономики и долгосрочная динамика, но все же базируется на интуиции и простых моделях. Части I и II представляют собой пособие для того, чтобы научиться думать, как экономист, — пользоваться инструментарием этой профессии, чтобы решить наиболее острую проблему нашего времени: как помочь обществам обеспечить устойчивый рост. Эн-

тузиазм Стиглица и Гринвальда по поводу этой темы является заразительным.

Часть III «Меры политики для создания обучающегося общества» вызывает некоторое разочарование, отчасти из-за того, что ей не хватает строгого научного подхода и интуиции первых двух частей. Этот раздел начинается с долгой и порядком избитой критики Вашингтонского консенсуса и полномасштабной либерализации торговли. Неизвестно, является ли эта критика уловкой или нет, но она никоим образом не уточняет следствия для политики предложенной авторами теории обучающегося общества. В первых двух частях книги приводятся веские доводы в пользу государственного вмешательства для содействия обучению. Проблема заключается в том, как разработать эти меры вмешательства таким образом, чтобы это не приводило к неэффективности государственных мер, которая проявлялась в прошлых попытках вмешательства (например, при проведении необоснованной промышленной политики в Африке до 1990-х годов). Стиглиц и Гринвальд косвенно ссылаются на эту проблему в коротком разделе о политической экономике. Но они не дают никаких рекомендаций (за исключением универсальной рекомендации о том, что «это зависит от особенностей страны»).

Но именно этот вопрос задают разработчики политики, особенно те, кто обжегся на рекомендациях по вопросам политики, имевших благие намерения, но в конечном итоге нанесших ущерб. С ним также связана проблема, поставленная Филиппом Агионом в его дискуссионных замечаниях относительно первоначальной лекции, где он спрашивает, являются ли аргументы в пользу промышленной политики «сильнее, чем веские контраргументы политической экономии», и приходит к выводу, что обоснованная рекомендация заключается в том, чтобы «экспериментировать, а затем убедиться, что вмешательство можно остановить, если оно окажется неэффективным».

Эта книга является такой убедительной и так хорошо написана, что разочарование, вызванное разделом о политике, не является критикой. Это, скорее, предложение написать последующую книгу, которая прямо посвящена вопросам разработки и проведения политики (а также базовым политическим стимулам) в интересах создания обучающегося общества.

Шантаянан Деваджан,

главный экономист по региону Ближнего Востока и Северной Африки во Всемирном банке

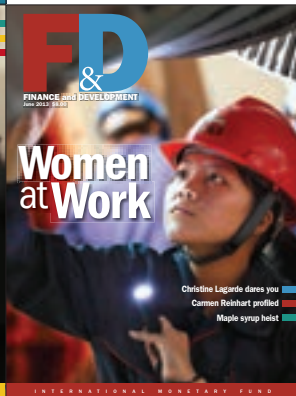


ФИНАНСЫ и РАЗВИТИЕ

Объясняем глобальную экономику на протяжении 50 лет

Журнал *Финансы и развитие* представляет вам углубленный анализ международной финансовой системы, денежно-кредитной политики и экономического развития с 1964 года. *Ф&Р* будет и впредь помогать читателям разобраться в меняющемся мире.

- Ознакомьтесь с архивом *Ф&Р* на сайте elibrary.imf.org/fd50
- Читайте последние материалы *Ф&Р* на сайте www.imf.org/FandD



Финансы и развитие, Сентябрь 2014 года \$8,00



MF1RA2014003